

ГАЛИНА ВЕЧ

ДАЧНЫЙ ПЛАН

АРТЕРИИ

Галина Веч

АПЕЛЬСИНОВЫЙ СНЕГОПАД

Рассказы, повесть

**Издательско-печатный дом «Дефис»
Сургут * 2010**

ББК 83.3(2Рос=Рус)

УДК 821.161.1Веч

В 399

Веч Г.П. Апельсиновый снегопад. – Сургут: Дефис, 2010. – 152 с.

ISBN 978-5-93243-129-0

Этот сборник очерков и рассказов – первая книга сургутской журналистки Галины Веч. Читая ее, невольно окунаясь в атмосферу второй половины 80-х – первой половины 90-х годов двадцатого – теперь уже прошлого – века. Это была пора великих ожиданий и великих разочарований. Исчезла наша Родина – Советский Союз. На его место появлялось целое «созвездие» новых государств. А рядом с глобальными переменами – постое человеческое счастье, мечты о большой любви, семейное тепло, житейские проблемы. О них и пишет Галина Веч.

Некоторые из ее героев – знакомые читателю лица, у других просматриваются знакомые черты, знакомые ситуации.

Книга написана просто, легко, интересно.

ISBN 978-5-93243-129-0

© Галина Веч, 2010 г.

Женская фантазия

Я старательно пылесосила палас, напевая привязавшуюся с самого утра строчку: «Ах, вернисаж, ах, вернисаж, какой портрет, какой пейзаж...» И размышляла одновременно о том, что мне предстоит сделать сегодня. Приготовить обед. Убраться на кухне. Погладить кое-что... «Ах, вернисаж:...» Господи, как надоели эти бесконечные дела. Чёрт бы их побрал! Хоть на минутку бы присесть, открыть томик Достоевского... Устала-а. Прочь беспутные мысли, прочь. «Ах, вернисаж, ах, вернисаж...» Не опоздать бы на работу. Вечером заскочить в магазин. Купить хлеб, макароны, сахар (талоны не забыть)... Что ещё? Рис, хорошо бы полуфабрикаты... Стоп! Денег не хватит...

Вдруг непонятное беспокойство охватило меня. И тут, словно кто подтолкнул, я резко вскинула голову и замерла от неожиданности. На диване расположилась... гостья. Холодные мурашки побежали по моей спине и затылку. Как она могла очутиться в квартире? Я уставилась на женщину, которая спокойно улыбалась, будто хозяйка здесь она, а я неизвестно кто. Это меня разозлило. Но тут незнакомка заговорила:

— Ну что? Будем знакомиться? Меня зовут Вера... Вера Ивановна Зуева..

— Позво-о-льте, — задохнулась я от неслыханной наглости. — А кто же, по-вашему, я?

— Зуева. Вера Ивановна. И что ты смотришь? Фи... закрой хотя бы рот, неприлично как-то...

— Слушайте. Или вы объясните, кто вы такая и как сюда попали...

— Или? — она захохотала мне в лицо.

— Или убирайтесь отсюда к чёртовой бабушке, — заскрежетала я зубами.

— Успеется, — сказала она весело. — Да успокойся ты, в самом деле...

— Не тыкайте тут... Я милицию сейчас вызову! — кричала я.

– Фи... Как глупо, – она перестала улыбаться и укоризненно посмотрела на меня. – Не суетись.

Мысленно удивляясь своей послушности, я осторожно села в кресло напротив гостьи и впервые внимательно посмотрела на неё. И, странное дело, мне показалось, что я где-то видела это лицо. Где?!

– Не напрягай извилины, – она с участием глядела на меня. – Лучше к зеркалу подойди.

Меня бросило в жар. Как я сразу не догадалась? Ну да, незнакомка похожа на меня. Только она гладкая, цветущая, а я вся скучоженная, с помятой физиономией, и одета...

А гостья не унималась:

– Слушай, ну как ты живёшь?! Смотреть противно... На кого похожа?

На кого? – взбунтовалось моё самолюбие.

– Да ты же рабыня, света белого невидишь. Посмотри на меня и на себя. Есть разница? То-то и оно... Всё стираешь, утюжишь, штопаешь, шьёшь. На кухне постоянно торчишь...

– А как прикажете? Пусть дом грязью заастёт?

– Наивняк. Из ничего проблемы создаёшь. Жить надо проще. Купила вещь – две-три стирки, и в утиль, и новую покупай. Крутиться надо.

– Что значит крутиться? Не понимаю, – устало выдавила я. – Хотя сейчас есть возможность заработать деньги, – поспешила добавила, поймав осуждающий взгляд гостьи. И так тошно стало от этого подленьского угодничанья, но почему-то я продолжала: – Правда, там тоже уменье нужно. Я имею в виду кооперативы разные...

– Кооперативы, – презрительно фыркнула она. – Ну ты даёшь. Да в них пахать с утра до ночи надо. Нет, ты определённо жить не умеешь. Но я научу.

– Не нуждаюсь в твоих советах, – опять сорвалась я на крик. – Кто ты такая, чтобы учить? Уходи туда, откуда пришла. Не желаю больше слушать!

На душе было гадко. Вдруг подумалось: уж не права ли она, эта «Вера Ивановна»? Так ли живу? А как надо?..

– Ну что? – насмешливо спросила гостья. – Будем дружить или как? Молчишь? Молчи, молчи... От тебя же отвернутся собственные дети и муж.

Всё помутилось в рассудке моём, я готова была растерзать нахалку. Страшным усилием воли удалось побороть вспышку гнева.

– Что нужно делать? – сдавленным голосом проговорила я.

– Ну вот и хорошо. Перво-наперво надо избавиться от старого хламья. Все дерюжки – в комиссионку. Но главное у тебя вот где, – она ткнула пальцем в книжный шкаф. – Знаешь, на толчке сколько щас за них дают?

– Не смей трогать, – заорала я. Вырвав «Анну Каренину» из рук «Веры Ивановны», я оттолкнула её от шкафа, и толкала до тех пор, пока она не оказалась в другой комнате. Она беспомощно закрывалась от меня руками, отступая назад. Наконец, устыдившись, я остановилась. Мы некоторое время стояли молча. Виновато пряча глаза, я сказала:

– Прости...

– Ты что, читаешь их? Книги-то?

– Н-нет, да, то есть нет, – я совершенно растерялась. – Раньше читала... а теперь у меня просто времени не хватает... Но я буду ещё читать. Вот немного освобожусь от дел, детки подрастут, и снова начну, как прежде, – лепетала я, будто оправдываясь.

– Не читаешь, – с укоризнью произнесла она как бы и не слыша моего лепета. – Книги у тебя мёртвым грузом лежат. Тем более читанные. А там, понимаешь, люди духовный голод испытывают...

– Ладно, делай что хочешь, – поморщилась я.

– Это другой разговор, – обрадовалась она и стала поспешно сбрасывать книги в мешок.

Появилась снова часа через два, с пачкой денег и шикарной сумкой, из которой как из рога изобилия посыпались наимоднейшие вещи. Она стала натягивать шмотки на меня. Я взглянула в зеркало и не узнала себя – там стояла гостья. Мы стали похожи как две капли воды. Несколько минут я привыкала к себе та-

кой. Скоро придёт с работы муж, детей надо из садика забрать, а ещё не приготовлен ужин и на работу не ходила. Что-то будет?

— Не беспокойся, — словно прочтя мои мысли, сказала гостья, — вот тут японская машина, только загрузи, она сама всё сделает. Хватит прохладиться, дорогая. Загружай машину — и пусть себе трудится.

...С работы я уволилась. Всё куда-то бегала, знакомилась с нужными людьми, что-то доставала и перепродавала втридорога. Я стала своей среди чужих на бараколке... И не заметила даже, куда исчез мой двойник. Я забыла, что такое приготовить обед или заштопать колготки детям... И не могла вспомнить цвет волос моего мужа. Вся семья была одета с иголочки... Холодильник забит деликатесами. Машина выдавала недожаренные котлеты и переваренные макароны... Я достала Булгакова. Однажды вечером случилось мне забежать домой на часок раньше обычного. Выпила чашечку кофе и, на ходу давая всем указания, подошла к зеркалу подправить макияж: И вдруг натолкнулась на чужие глаза детей. Они смотрели на меня с холодным любопытством — так смотрят на предмет. Моё лицо в зеркале исказил ужас...

...Я старательно пылесосила палас, а в голове вертелась навязчивая песенка: «Ах, вернисаж, ах, вернисаж, какой портрет, какой пейзаж...»

1990 г.

Среди людей

У Светы Монаковой пропали все деньги. И всего-то было тридцать рублей, как раз на билет. Деньги вместе с документами лежали в чёрной сумочке с длинными ручками, которая висела у неё на плече. Теперь их там не оказалось. Света несколько раз перетрясла содержимое сумочки и дипломата, но всё безуспешно. На смену отчаянию, охватившему её в первую минуту, пришло тупое равнодушие. Она бесцельно бродила по вокзалу среди людей, вечно спешащих куда-то. От большого скопления народа в здании стояла страшная духота, несмотря на то, что на улице было не по-летнему прохладно. Впрочем, дело шло к осени. Случайно заметив свободное место, Светлана поспешила занять его. Долго сидела, ни о чём не думая, уставившись перед собой ничего не видящими глазами. Очень уж неожиданно свалилась на неё беда. Девочка растерялась, впервые попав в такую, казалось, безвыходную ситуацию. Справа от неё откровенно скучал приятного вида мужчина с кудрявой седеющей головой.

— У вас неприятности? — мягко тронув её за рукав, сочувствующим тоном спросил незнакомец. Давно наблюдая за девушкой, он успел заметить, что она недурна собой. Ему нравились её густые каштановые волосы, медной проволокой рассыпавшиеся по плечам, правильный профиль, ресницы, загнутые до самых бровей, белый свитер, плотно облегающий небольшую крепкую грудь.

Света обернулась и совсем близко увидела маленькие, глубоко посаженные глаза, в которых читалось участие. Она очнулась от тяжёлого забытья. Огромные серые глаза вернулись к жизни, в них блеснул огонёк надежды. Захотелось поделиться своим горем.

«Хороша, что и говорить, — думал старый ловелас, глядя на девушку. — А большой капризный рот, пожалуй, несколько портит её, слишком детское получается лицо. Впрочем, она, кажется, из тех девиц, что ищут себе приключений».

— Что же случилось, милая? На вас прямо лица нет, — мягко произнёс он.

Света взглянула на него благодарно, вздохнула, но продолжала молчать, потупив глаза.

— Ну же, ну... Я слушаю, — вкрадчиво подтолкнул хитрец.

Плотина отчуждения рухнула, и слова бурным потоком обрушились на собеседника. Света рассказала о себе всё: как, окончив школу, поехала в этот далёкий город поступать в институт и засыпалась на втором экзамене, как ходила по театрам и поистратилась, денег хватало только на обратный билет. И, наконец, о том, как осталась совершенно без копейки и теперь не знает, что делать. Мужчина слушал с большим вниманием. «Ага, — думал он, глядя на девушку, — заработать хочешь... Что ж, я не прочь». Света умолкла, ей стало очень жалко себя. У неё слегка задрожали губы, покраснели глаза, до краёв наполнившись слезами.

— Ну-ну... плакать не надо, милая, — почти шёпотом проговорил мужчина и погладил её по руке. В лице его вдруг промелькнуло что-то хищное. Света насторожилась. Плакать уже не хотелось.

— Это всё пустяки, — приторно улыбаясь, говорил он, по-прежнему гладя её по руке, которую она слабо попыталась убрать. — Это мы устроим в два счёта.

Он приподнял правую сторону серого пиджака, во внутреннем кармане которого торчала пачка денег.

— Как вас зовут? — ласково спросил.

— Света, — испуганно пролепетала она.

Мужчина плотную придвинулся к Свете, положил мягкую волосатую руку на её талию и заговорил вполголоса:

— Мы ведь люди и должны помогать друг другу в беде. Верно, милая? — Потом и вовсе перешёл на шёпот:

— Но сначала тебе, Светочка, надо хорошенько отдохнуть. Я создам шикарные условия, поверь. Обещаю, всё будет на высшем уровне!..

Света рванулась, но он удержал её.

— А если захочешь, весь мир тебе подарю... Я такую искал всю жизнь... Милая, добрая, хорошая... Пойдём со мной, — шептал мужик, тяжело дыша. Одной рукой он крепко держал её, другой — гладил колени.

— Пустите меня, пустите, — тихо повторяла Света, пытаясь вырваться из цепких рук, но тот всё сильнее прижимал её к себе.

— Да пустите же, вам говорят! — закричала вдруг она так громко, что все повернули головы в их сторону.

Недалеко стоял милиционер, он обернулся, привлечённый криком, и направился к ним.

— Ну и дура, — злобно прошипел наглец, встал и быстро пошёл прочь.

— Что тут у вас? — поинтересовался страж порядка.

— Ничего, — ответила покрасневшая Света. Ей было очень стыдно.

— Ничего? — многозначительно улыбнулся милиционер. — Ну смотрите, — добавил игриво и, беспечно настынивая, ушёл.

Свету это происшествие вывело из состояния ступора. «Как же так?» — думала она. Ведь это происходило не ночью, а белым днём, у всех на виду. И никто, никто не вступился. В школе их учили доброте, милосердию, учили доверять людям... Он же в отцы ей годится... Она долго не могла прийти в себя и ничего не предпринимала. Однако через некоторое время случай этот отошёл на второй план. Все мысли её были теперь направлены на поиски выхода. Нельзя сидеть сложа руки, вон до чего досиделась... Надо попытаться занять деньги. Это единственный выход из ситуации. Но как при этом не уронить своё человеческое достоинство? Хоть не милостыню идёшь просить — в долг, а всё же неприятное это дело: просить. И у кого? Где? Начала с почты. Робко войдя в дверь, огляделась. Маленькая комната, к счастью, была пуста. За перегородкой работали две женщины. К ним-то и обратилась Света, поборов волнение.

— Понимаете... У меня пропали деньги.

— Как пропали? — удивилась та, что моложе.

— Ну, не знаю. Может, выронила где... Я прошу вас помочь, — каждое слово давалось с трудом. — Одолжите мне, пожалуйста, тридцать рублей, если можете.

Полная только раз сердито глянула из-под очков и уткнулась в бумаги.

— Я сразу же вышлю вам долг, — заверила Света.

— К сожалению, не смогу вам помочь, — сказала молодая.

— Почему? — упала духом девушка.

— У меня нет таких денег с собой. Всего два рубля на обед.

Свете показалось, что женщина присматривается к ней.

— Я дала бы, если бы были, — сухо добавила она. — Вера Ивановна, — обратилась к коллеге, — у вас случайно не найдётся такой суммы?

— Нет, — отрезала та, глянув неприязненно. — А и были бы, всё равно не дала бы, — зло продолжала она. — И никто не даст.

— Почему? — недоумевала Света. — Вот же мои документы... паспорт. — Недоверие было непонятно. — Чрез милицию же можно найти... да как так вообще можно-то? — горячилась она.

— А очень даже просто. Паспорт сменила — и найди тебя.

— Человека же видно, какой он есть...

— Идите, девушка, не мешайте работать. Нет у нас денег, — толстушка строго сдвинула брови и наклонилась к бумагам.

«Ну, дождалась», — подумала Света, направляясь к выходу, а вслед послышалось обидное: — Ходят тут всякие, ни стыда, ни совести...

Света не злилась на этих людей, удивляла их недоверчивость. Просить взаймы уже не хотелось, но иного выхода у неё не было. Поднявшись по лестнице на второй этаж, натолкнулась на вывеску «Ресторан». «Здесь-то, наверное, водятся деньги», — подумала она, уверенно открывая дверь.

Длинный полупустой зал, сияющий чистотой, на мгновение заставил растеряться. Навстречу летящей

походкой скользнула длинноногая официантка в белом накрахмаленном фартучке с большими карманами.

— Что вам? — официантка недоумённо уставилась на необычную посетительницу.

Света принялась было объяснять, что ей нужно, но по надменно вздёрнутой напомаженной губке, по отрешённому взгляду холодных глаз почувствовала, что её не поймут, и, не досказав, обратилась к кассирше, лицо которой казалось уставшим и добрым. Света постаралась спокойно рассказать свою историю. Кассирша почувствовала, но в помощи отказалась. Позвав, однако, официанток, она объяснила им ситуацию. Официантки, а их было трое, оглядели Свету с ног до головы и равнодушно сообщили, что «карманных денег у них не имеется».

— Что же мне делать? — жалобно пропищала бедолага.

— А это уж твоё личное дело, — с каким-то непонятным наслаждением сказала одна из них, после чего все разбежались по своим делам. А Света осталась стоять на месте, всё ещё на что-то надеясь, и в то же время понимая бессмысличество своего поведения.

— Ну что ты стоишь, девушки? — несколько раздражённо сказала кассирша. — Сходи в комитет комсомола, может, там помогут.

Свету охватило тихое отчаяние. Комсомольцы — последняя соломинка, за которую ухватилась «утопающая». С отчаянной решимостью ворвалась она в кабинет и с порога, не давая комсомольским работникам опомниться, попросила: «Помогите! Спасите меня, пожалуйста! Вы последняя моя надежда!»

— А в чём, собственно, дело? — спросили комсомольцы.

— Видите ли... я не могу уехать домой. Мне нужно тридцать рублей.

— Ах вот оно что... — три комсомольских работника всё поняли и сразу заскучали.

— Я прошу вас, девушки, — как можно жалобнее запричитала Света. Аж самой противно сделалось.

— Знаешь, сколько здесь ходит таких? — сердито спросили её. — Так что иди, давай, своей дорогой.

— Куда же я пойду? — растерянно проговорила несчастная.

— А это твои проблемы. Небось найдёшь куда, — равнодушно заявила одна из них.

Свету начало слегка трясти.

— Да что, вы не люди, что ли?.. А я вот буду сидеть, пока не умру.

— Сидеть она будет, — взвились комсомольские работники. — Ходят тут шлюхи всякие, надоели до смерти.

— Кто?! — взревела Света и вцепилась кому-то в волосы.

— Не-нор-мальная. Сейчас милицию вызовем, там разберутся, кто ты такая. Милиция, милиция! — орала в трубку, как оглашенная, рыжая проворная девица. — Славик! Шуруй быстрее к нам, мы тут штучку одну задержали.

«Штучка», перепугавшись до смерти, изо всех сил пытались отбиться от наседавших на неё девиц. Укусив кого-то за руку, вырвалась и опрометью бросилась прочь.

Теперь она уже не знала, что делать, и ничего не предпринимала. Ни о чём не думая, толкалась в многолюдном потоке до тех пор, пока ноги не начали гудеть от усталости. В голове шумело, очень хотелось есть. Обнаружив в сумочке несколько медяков, она купила в буфете стакан горячего чая, встала на свободное место у столика и с удовольствием начала прихлебывать обжигающую жидкость, тупо глядя в одну точку.

Не слишком ли скромно для ужина? — до слуха доносился приятный баритон. Подняв глаза, увидела напротив высокого молодого человека, который, аппетитно хрустя, доканчивал куриную ножку. В его голубых глазах Света прочла насмешку. И его наглая улыбка ей тоже не нравилась.

— У тебя, что, денег нет?.. — вновь обратился молодой человек к ней.

«Сейчас приставать начнёт», — равнодушно, как о ком-то другом, подумала Света.

— А тебе какое дело? — прошипела она, зло сощурив глаза. Но в голову ужом заползла неприятная мысль: «А не всё ли равно? Ведь как-то надо отсюда выбираться.

Чем унижаться, просить, лучше уж...» От дум таких стало страшно.

— Сколько? — серьёзно спросил молодой человек, перестав улыбаться

— Тридцать, — тихо выдохнула Света, готовая на всё.

Молодой человек не суетясь, деловито достал из дипломата книгу, полистал. Света напряжённо следила за ним. Наконец, после нескольких секунд поиска, он протянул девушке неразменянную пятидесятку. Она взяла, ненавидя себя и его в эту минуту. Положив книгу обратно в дипломат, он закрыл его и хотел идти. Света растерялась, но, быстро опомнившись, сделала порывистое движение в его сторону.

— И это всё? — сорвалось с губ.

— Что-нибудь ещё нужно? — спросил мужчина, приподняв густые брови.

— Нет, — машинально пискнула Света, в горле у неё вдруг пересохло.

Он повернулся и пошёл не спеша. Она, бросившись вслед за незнакомцем, закричала: — Постойте! Подождите!

Он обернулся.

— Адрес, дайте ваш адрес. Я верну вам деньги.

— А-а-а, — протянул незнакомец, — бросьте вы это. Я помог вам, вы поможете тому, кто будет нуждаться, а тот поможет в трудную минуту мне. Так и возвратите долг.

И он быстро скрылся в толпе. А Света, растерянная, счастливая и несчастная одновременно, прислонилась к стенке и заплакала навзрыд, кулачком размазывая слёзы по лицу.

1990 г.

Мой знакомый аист

Ко мне прилетел мой знакомый аист. Ещё издали помахивая розовым конвертиком, он радостно сказал:

— Слушай, Галка, я по великому блату достал путёвку...

«Одолели эти блатные. Неужели и у аистов так же?» — мгновенно пронеслось в моей голове.

— Путёвку в будущее, — тоненько пропел аист, восторженно закатывая за веки блестящие глаза. Принимая нелепую фразу за очередную шутку и глупо улыбаясь, я произнесла не менее глупую фразу:

— А я думала, ты путёвку в Гагры или Сочи урвал.

Аист дико захохотал, аж стены задрожали. Никогда бы не подумала, что аисты могут так смеяться. Тем более что моего знакомого аиста я впервые видела в таком возбуждённом состоянии.

— Не веришь, — заподозрил он, успокоившись. — И напрасно, — усмехнулся не без сарказма. А потом с пафосом произнёс:

— Дорогая! Чудесную путёвку я дарю тебе!

— Мне!? — это было так неожиданно. — Но мне ничего такого не нужно, — искренне сказала я и тут же пожалела об этом. Аист сразу как-то сник, потускнел, глаза потухли. Он печально поглядел на меня и тихо, сбивчиво заговорил:

— Я для тебя старался... Мне она ни к чему... У меня к-крылья: куда хочу, туда лечу. А ты?.. Я хотел как лучше... Думал, тебе там хорошо будет, ты такая слабенькая...

— Милый мой Аист, — сказала я ласково, нежно потрепала его по голове и, чтобы хоть как-то загладить свою вину, взяла у него розовую бумажку. — Благодарю тебя.

Я обняла его, действительно испытывая благодарность к судьбе, пославшей мне такого доброго, бескорыстного друга. Аист сразу оживился, заморгал крас-

ными от слёз глазами, захлопал крыльями и улетел – он не любил сантиментов. А я, оставшись одна, шагала по комнате в волнении, но, взглянув на розовую бумажку, успокоилась. «Будущее – это, пожалуй, неплохо, – принялась размышлять я. – Там, наверное, уже коммунизм. И медицина на должном уровне! А потому врачи смогут определить, чем я больна, почему иногда задыхаюсь... И вылечат обязательно. В будущем и деньги-то, наверное, исчезнут, всё будет бесплатно: колбаса, фрукты, овощи...»

И сразу захотелось хоть одним глазком взглянуть на это чудо. Я начала сворачивать розовую бумажку, как научил меня мой знакомый аист. Раздался странный скрежет. И вдруг всё закружилось, завертелось вокруг, и я вместе с комнатой полетела куда-то... От ужаса я закрыла глаза. Через секунду-другую, так мне показалось, всё смолкло и остановилось. И тотчас же в комнату ворвался, словно ураган, мой большой черноволосый муж.

– Галка! – взревел он с порога, – там телевизоры дают!

– Какие телевизоры?! – удивилась я.

– Цветные!

– Ну и что? – не поняла я.

– Бежим скорее, а то разберут.

– Да у нас же триста рублей долг...

– Дура, – грубо оборвал муж. – Бесплатно дают.

«Сам дурак», – мысленно парировала я.

– Обиделась, – понял ошибку муж. – Ну Галочка, лапушка, – продолжал он, ласково обнимая меня. – Ну не сердись. Прости... Бесплатно дают. Понимаешь?.. Бежим скорее, а то расхватывают. Я буду таскать, а ты караулить...

Плохо соображая, я побежала за мужем... Телевизоров натаскали – не сосчитать. Они стояли даже на полу.

– Толь, зачем нам столько, прямо как в ателье?

– Как зачем?! – удивился муж, но отвечать почтому-то не стал.

Когда в доме появилось семь холодильников, которые доверху были набиты краковской колбасой, курами, барабаниной, говядиной, маслом сливочным и шоколадным, а погребок стал ломиться от сгущённого молока и абрикосового компота, я, наконец, поняла, что сработала волшебная сила путёвки – мы переместились во времени и находимся в будущем. Мой энергичный ничего не понимающий муж бегал как заводной. В доме уже были стенки всех сортов, включая и шведскую. Несколько спальных и кухонных гарнитуров.

– Советскую стенку дают! – кричал муж с дороги, и мы в очередной раз бежали в магазин.

– А зачем нам советскую? И так всего дополна, – задыхаясь на ходу, устало спросила я мужа.

– О! Это ещё что! Ты посмотри, сколько сосед на-тащил...

И тут я увидела нашего неутомимого соседа, пробегающего мимо с оранжевой тахтой на голове. «И он здесь. Значит, тоже знаком с моим аистом?» – промелькнуло равнодушно. Потом я увидела других соседей, снующих с чем-нибудь в руках оттуда и порожняком – туда, и поняла, что по ошибке прихватила с собой в будущее наш восьмиквартирный дом со всеми его жильцами.

Мы с мужем прибежали в промтоварный. Он кидал в тележку костюмы и шубы, не меряя. У меня глаза разбежались: сколько красивых модных юбок и прекрасных сапог было вокруг! «Ура! – ликовала я. – Теперь не придётся бегать по всему городу в поисках приличных сапог и зимнего пальто и простоявать по целым дням в очередях, чтобы уйти домой со слезами: «Опять не досталось...», не надо будет ломать голову над тем, в чём пойти на работу, ведь одна-единственная парадно-выходная и рабочая одновременно юбка так надоела...»

И вот уже две комнаты, кухня и прихожая полностью завалены «добром». Передвигаемся по предметам, не по полу. И во дворе – стенки, ковры, а возле забора несколько машин стоит... Мы лежим на тахте, никуда

не ходим, и к нам никто не спешит. И ничего нам не хочется.

— Толь, зачем столько вещей? — снова задаю мужу вопрос, оглядывая сотни висящих кругом, не поместившихся в шкафах юбок, которые, даже если менять в день по десять штук, за год не переносятся.

— Ну как зачем?.. — говорит неопределённо муж и, тяжело вздохнув, надолго умолкает. И тут я в отчаянии начинаю кричать.

— Хочу обратно! Не хочу в будущее! Не хочу... по путёвке... Не хочу-у-у...

Я долго, судорожно бьюсь в сильных руках мужа. Открываю глаза и вижу голые стены, шифоньер, стол, книжный шкаф и кровать, на которой лежу. Мелькает запоздалая мысль: «А к врачу-то я так и не сходила».

И дальние, дальние...

После работы помчалась к магазину за арбузами. Длинный хвост очереди, потом прилавок и продавец, потом машина с арбузами и подавальщиком.

— Кто последний? — довольно громко спросила я.

— Наверное, я, — почему-то озираясь, сказал невысокий мужчина в чёрной куртке.

Терпеливо и равнодушно стояла я в конце очереди, от безделья рассматривая толпу. Впрочем, решила времени даром не терять. Так. Что мы имеем на сегодняшний день? Ничего утешительного. Люди в театральную студию не идут. Надо тормошить, по организациям побегать... Ого! Пятнадцать минут позади, а за мной новый хвост вырос, как у ящерицы... Ещё пятнадцать. Что-то ноги подустали. Сосед сзади щёлкать орехи вздумал. Я откачнулась в сторонку. Впереди тоже стали смачно сплёывать шелуху... О Боже! Какой ужас! Я что, плохо выгляжу?.. Да нет, нормально выгляжу. И одета вполне... Мужчины встречные с утра головы посворачивали, из машин норовили выскоичить... Что же эти-то харкают? Сейчас скажу... А что тут можно сказать? Извините, пожалуйста, не могли бы Вы не... Саму тошнит от такой мармеладности. Интеллигентная дамочка... Нет, надо говорить на другом языке...

В очереди плевались уже через одного, инфекция прямо.

— Да что же это, совсем не движемся, — полная бабушка в синем плаще терпение потеряла. — Не стояли тут, а лезут...

— Ты гляди, прут и прут без очереди.

— Вон мужчина подаёт и подаёт им...

— Добрый, значит. Вишь, всем подряд даёт.

— Бессовестные...

— Точно. Никакой совести нету, всю потеряли.

— Совесть у их... Где стыд был, там ш... выросла...

Мужчина повернулся в мою сторону, не переставая щёлкать... Спокойно, спокойно. До дикого скандала не уничтожусь. Зря, что ли, сегодня принимала сеанс Алана

Чумака? Я спокойна. Хамству, беспардонности, бескультурью – полное презрение... Наверное, взгляд мой был более чем красноречив, мужчина вдруг кожуру на землю посредством рук стал доставлять... А он вроде не хам и не пижон – разглядела я. Обыкновенный мужик лет сорока. И смотрит тоже... Доброжелательно.

– Стояли мы тут, мы с одной работы, что ж я, не пропущу, что ли?

– Обнаглели.

– Знаем таких... Стояли они, как же... Всё управление собралось. Начальник ихний там командует.

– Да кто такой?

– А вон он...

– Разве оне будут стоять, начальнички... имя некогда. У их дома дети плачут... где уж они стоять будут...

– Бабуся, иди, возьми арбуз, чего возмущаешься?

– Иди-иди.

– Неудобно. Люди впереди тоже стояли...

Однако арбуз взяла. Очередь поутихла... Какой им театр? Им бы выдержать всё это. День на работе, потом – магазины. Ещё детей накормить. И как только справляются?

У меня побольше времени свободного, и то... До театра ли им?.. Мне сделалось дико тоскливо: И зачем только встала сюда? Уже час. Битый час! Просто невыносимо. Будь прокляты все на свете очереди. Больше никогда в жизни никуда не встану. Даже если будет дефицит... Впрочем, мои детки так любят арбузы. Придётся всё же терпеть очереди, если будут давать арбузы помидоры, яблоки... шампунь, мыло, порошок... Нет. Никогда – в очередь! Клянусь! Будь трижды проклята минута, когда я приклеилась тут... Может, уйти? Ну нет. Теперь-то точно достою... Господи! Как хочется кого-нибудь укусить. Я сейчас точно кусаться буду... Губы мои начинают прыгать, дёргаться, неудержанно расширяясь в глупейшее подобие улыбки... А что, в самом деле, если начну... Кажется, я тихонько хихикаю... Во мне так и прыгает, бьётся... лошадь. Только бы не заржать.

– Куда прёшь?

– Ещё один нашёлся. Может, тормознёшь?.. Всё покидал, архаровец.

- У его машина.
- Я на машине. Что, один арбуз, что ли, брат?
- Да ты всё забирай, чего уж там...
- Может, уже ничего и не осталось...

Вот я и лошадь. Поздравляю! Иго-го... Я тупо уставилась в коротко стриженный затылок. И ни одной мысли, ни одной... Жвачку бы... ээ-эх-х... Проходит ещё тысяча лет, когда я - наконец-то! - стою у борта машины и смиренно смотрю вверх. Сейчас и мне метнут оттуда большой спелый - обязательно спелый - и сочный, такой долгожданный... АРБУЗ. Терпеливо жду. И вот! Он - в моих руках!!! Иду к весам, от весов. Не счастливая, нет. Опустошённая. И ужасно гордая.

Вдруг, ленивая, проснулась мысль. И потянулась, тягучая и вязкая. Прилипла, приклеилась. Женщина должна быть всегда красивой, приветливой, улыбчивой. Я читала. И пробовала. Не получается... Только начнёшь, вдруг жлоб какой-нибудь - нет, он посмотрел на тебя, посмотрел - харк неподалёку... Ловлю себя на том, что завидую. Смертельно! Женщинам Запада. Француженкам, англичанкам, американкам... Они элегантны, со вкусом одеты. Приветливы и добры. У них есть выбор, и есть чем платить. Им не надо по несколько часов стоять за дефицитом. Тем более, если необходимое становится недоступным... И мужчины у них! (если верить слухам). Ах, как хочется быть настоящей женщиной.

А я всё иду. В красивой модной куртке, в гэдээрзовской юбке, в гриме слегка, с «химией» на голове. Увшанная сумками - на плече и руке - и впереди драгоценный арбуз... Лица встречные мелькают. Руки начинают постанывать. А я улыбаюсь. Делаю вид, что мне легко, что сумки мои ничего не весят. Иду, иду. Автобусная остановка. Сосед скучает.

- Домой? - голоса своего не узнаю.
- В город.
- Что ж, буду продолжать наращивать мускулатуру, - неуклюже шучу. И дальше, дальше, дальше... в завтрашний день.

А что там, завтра?

1990 г.

Посвящаемся

Как ни длинен летний день, но всё же предел имеет. Валя Зуева проколготилась дотемна. Пока со скотиной управлялась, в лес прогнала, пока перемыла банки, да процедила молоко, вечер-то и подвинулся. А тут ещё блинчики печь затеяла. И не заметила, как сгустились сумерки. А дело субботнее, банное. Всё семейство — муж и две взрослые дочери — помылось. Надо и самой сполоснуться. Хоть и любила попариться, да какой теперь пар — припозднилась.

Сосед Витька Мохин забежал «на огонёк».

— Чаво всё кружишься, соседка? — пропел сладким блеющим голосом.

— Да вот с блинами связалась. Банька-то давно остывала, меня дожидаюсь. Хоть и страшно ночью одной шарахаться, да деваться некуда. А Зуев отказывается караулить. Говорит, никто тебя не съест, не блажи.

Поболтав немного и прихватив угощение — штук пяток блинов, сосед с наилучшими пожеланиями откланялся.

Чтобы понять дальнейшие действия Витьки Мохина, надо знать, что представляет собой этот необычайный человек. Чудак, шут, клоун — как хотите. Его поведение не подчиняется законам логики, и всегда вне светских условностей. Плевать ему на то, как он выглядит со стороны и что про него говорят окружающие — словом, абсолютно лишен каких бы то ни было комплексов. Невысокого роста, средней комплекции, Витька выделяется из толпы жилистостью и пристрастием к необычным нарядам — может, к примеру, спокойно разгуливать в женском халате с непроницаемым, никаких чувств не выражаящим лицом, будто он совсем не умеет улыбаться. Смеются другие, да и то больше за глаза, так как этот деревенский дурачок скорее зол, чем добр. А его шутки шокируют.

Говорит Витька писклявым голосом, монотонно, медленно, почти не размыкая губ. Неплохо поёт, одна-

ко пение это можно отнести к разряду блеющих. По профессии – ветеринар. На новогодний бал-маскарад всякий раз придумывает новые костюмы: то свиньёй наряжается (он чем-то неуловимо схож с этим животным), то лыжником, то балериной в очень коротенькой юбочке.

Может без зазрения совести пролезть к прилавку без очереди, взяв на руки чужого ребёнка и крича: «Пропустите женщину с дитём!» Иногда забирается на крышу собственного дома и с надрывом, пронзительно визжит на всю деревню о том, что он великий артист, талантливый и заслуженный. А однажды Витька шёл по улице и, обхватив голову руками, орал дурнинушкой: «Ой-ёй-ёй! Натво-ри-ли! Сволочи-и!»

– Что случилось? – сочувственно спросил сосед.

– Довели страну. Демократы, мать иху... – трагически проговорил Мохин. Мужчина так разозлился, что чуть не поколотил Витьку, обозвав придурком.

При всём при этом Мохин имеет спокойную, добродушную жену. И сына, долго ожидаемого, а потому впоследствии весьма избалованного.

Так вот этот самый Витька и был соседом Зуевых. Вернувшись от них, он зашёл на летнюю кухню, определил в тарелку блины, сунув один из них в рот, ухмыльнулся и, дожёывая на ходу, отправился в сторону соседской бани. Крадучись, зашёл в предбанник. Прикрыл за собою дверь, ощупью добрёл до противоположной стены, снял брюки, встал на корточки, выставив голый зад, и стал ждать. Вскоре послышались торопливые шаги.

Валя после ухода соседа, вылив на сковороду остатки замеса, быстренько убрала со стола всё лишнее. Зашла в дом, взяла полотенце и чистое бельё и поспешила по тропинке в баньку. И только ступила на порог, как в глаза бросилось нечто ужасное: не то человек повесился, не то черти куражатся. От неожиданности и страха, давно гнездившегося внутри, женщина зажмурилась в обморок. Не на шутку струхнувший шутник засуетился возле неподвижно лежащей соседки.

— Валь, ты чё? Это же я — Мохин, — лепетал Витька, тряся бедняжку за плечи.

Напрасно старался. Пришлось бежать за Зуевым, тот спросонья долго не мог понять, что же случилось... Вместе и перенесли Валю в дом, там она, наконец, пришла в себя. «Ну, погоди, поквитаемся!» — со злинкой думала Валя, глядя на ухмыляющееся лицо соседа, который успел уже оправиться от происшествия. Эта мысль жила в ней до тех пор, пока не представился удобный случай.

Зима вошла в свою зрелую пору. Старый Новый год праздновали у Зуевых шумно, весело. Был сосед с женой да родни три семьи. Пили, ели, плясали. Мохин, заставляя краснеть «чувствительных дам», частушки пел одна другой забористей, выделявая неимоверные кренделя руками и ногами.

— Ой, милка моя, Шевелилка моя,
Сама ходишь, шевелишь,
Мне пощупать не велишь...

Нагулявшись, всей компанией честной к родне отправились. Валя замешкалась. Пока прибирала за гостями, Зуев отключился. Поглазела в телевизор, спать не хотелось. Решила пойти проветриться. У соседей в окнах — темень. У родни — свет теплится. Дверь не заперта. И живым не пахнет. Все вповалку спят. По комнатам разновысотный храп раздаётся. В горнице на кровати Валин дядя Павел Емельянович горкой возвышается. Огромное пузо то вверх поднимается, то опускается вниз и, будто само, издаёт густой, матёрящий звук. Рядом, крючком согнувшись на полу, подсвистывает Мохин.

«Славный дуэт», — прошептала Валя, соображая, какую бы пакость подстроить. И уже через секунду добыла из русской печи сажу и осторожно до неузнаваемости разрисовала лица дяди Паши и Мохина. Затем завела будильник, поставила в тазик и приединула его к Витькиному изголовью, ноги витькины обвязала платком. И только после этого, окинув удовлетворённым взглядом содеянное и сладко зевнув, отправилась восвояси.

Мохин проснулся от страшного непонятного грохота. Протирая глаза, никак не мог понять, где находится. С похмелья трещавшая голова отказывалась соображать. И вдруг сверху, прямо над собой, увидел... страшную рожу с выпученными безумными глазами. «Дьявол! Никак в преисподнюю сподобился?!..» – мелькнула одна живая мысль. После чего Витяка ретиво подскочил и, неестественно визжа, рванулся с места, но тут же, словно подкошенный, свалился на пол. От страха не помня себя, он разорвал путы, сковывавшие движения, и опрометью кинулся на улицу. Босой по звенящему от январского мороза снегу бежал, оглашая неистовым криком пробуждавшуюся ото сна деревню.

1991 г

Анельсиновый снегопад

По зелёной, освещённой ярким солнцем траве, утопая в цветах, бегут две маленькие девочки в ситцевых сарафанчиках. На голове у каждой — по венку, лица сияющие, счастливые... Четырёхлетняя Настенька останавливается и начинает собирать ромашки вокруг себя. Младшенькая, Олечка, продолжает бежать, семеня, смешно переваливаясь с ножки на ножку. Она протягивает ручонки вперёд, пронзительно кричит: «Мама!» И вдруг яркая вспышка — и всё проваливается куда-то. Впереди — чёрная бездна...

Катерина, громко застонав, проснулась среди ночи. Посмотрела на будильник, было всего два часа. Прислушалась. С улицы доносились странные звуки: какой-то скрежет, завывания, очень похожие на свист бомб. «Сейчас взрываться начнут», — пронзила мысль. И стало жутко. Она вдруг ясно себе представила: вот сейчас придёт внезапная смерть. Погибнут дети... Её обдало жаром. Сердце гулко ударило один раз и замерло на мгновение. В следующую секунду возникло сильное желание немедленно поднять с кроваток детей и прижать их покрепче к своей груди. Но боль не отпускала.

— Саша, Саша! — позвала она мужа, теребя его за плечо. — Проснись!

— А? Что? — сонно отозвался муж. — Ты чего не спишь? — спросил он, просыпаясь.

— Что это? Звуки какие-то. Слышишь?

Он прислушался.

— Это поезд... Здесь недалеко, поэтому и слышно... А что же ещё? Спи...

— Нет, нет, ты послушай... И земля, земля дрожит...

Он нехотя встал, приподнял шторку, сонно глянул на улицу. Где-то очень далеко полыхнула молния, глухо перекатились раскаты грома.

— Ну что? — спросила Катерина, дрожа, как осиновый листок на холодном ветру.

— Гроза стороной проходит...

Помолчал.

— А вон трактор по дороге ползёт, от этого и прыгает вагончик. Ничего страшного. Глупышка, — сказал ласково и обнял. — Спи.

Но она не могла уснуть. Медленно ползли мысли, тягучие, вязкие. Дети погибнут. Погибнут все. Никого не будет. Никого и ни-че-го: ни прошлого, ни будущего... Как это — не будет? И никто никогда не узнает, что была когда-то прекрасная планета Земля, и на ней жили люди?.. А дети? Зачем они появились на свет? Затем ли, чтобы, не познав жизни, навеки стать пылью?.. Страх не покидал её до самого рассвета.

А днём — несколько утомительные своей однообразностью домашние дела. Приготовление завтрака, обеда и ужина. Постирушки, гладжка белья, мытьё посуды, полов; занятия с детьми. Вечером пришёл с работы муж.

— Катюша, сходи в парикмахерскую, — сказал он ласково. — Лохматая ты какая-то... На людей посмотришь... А делами займусь я.

Она просияла, но тут же погрустнела.

— Времени уже много. Опоздаю.

— Ну вот — она ещё раздумывать будет. Иди.

— Что ж, — наконец решилась Катерина, — пойду, хотя бы прогуляюсь.

Надела ситцевое платье и вышла из дома. Всё-таки её не оставляла надежда на тот единственный шанс, который имеется у каждого человека при любых обстоятельствах.

Солнечный жаркий день угасал. И сейчас, ближе к вечеру, подул лёгкий ветерок; белые облака, стаей проплыvав вверху, всё чаще закрывали солнце; да и само светило, собираясь на покой, казалось, устало жарить весь день и теперь, отдохшая, сияло вполсилы. Было тепло, но не жарко. Катерина перешла через дорогу. Дальше путь её лежал по тропинке, справа от которой бесконечно тянулись унылые балки, слева — дорога. Эти постройки — явление, конечно, временное. Через несколько лет здесь будут стоять благоустроенные дома. Но пока — балки. И от них веет неустроенностью. Впереди показалось низкое, невзрачное зелёное здание старого

железнодорожного вокзала станции «Сургут», рядом строился новый. Теперь надо свернуть направо, пройти между многоэтажными домами, мимо школы, обойти больницу, ещё немного — и вот он — Дом быта. Катерина взбегает по ступенькам на второй этаж. На стуле возле двери сидит пожилая женщина, рядом — девушка в джинсах, под столом — маленькая собачонка, на подоконнике у входа — парень в тельняшке.

— Вы последняя? — спросила Катерина женщину.

— Я. Вы стрижку хотите сделать?

— Нет. Химическую.

— На завивку просили больше не занимать.

Катерина села на свободный стул. Знала, знала Катюша, что опаздывает, и всё-таки успела взлелеять крохотную надежду в душе своей, и теперь была слегка раздосадована.

— Вы спросите у них, а то просидите тут, а вас не примут, — посоветовала женщина.

— Да-да, сейчас. Наберусь храбрости.

Собака с опозданием затявкала на Катерину. Женщина погладила собачонку.

— Ах ты, моя маленькая, холёсенькая... Ну успокойся, успокойся.

Потом, ни к кому конкретно не обращаясь, однако призывая всех к соучастию, сказала:

— Вот привязалась ко мне... Бегает по пятам. Ну что ты с ней будешь делать? Я бы взяла, да у меня и так две собаки дома. А у этой, видно, хозяина нет. Жалко её.

Она ласково поглаживала притихшее животное. Катерина невольно улыбнулась. Маленькая, грязно-белого цвета собачка с вислыми ушами и женщина, светлые выющиеся волосы которой собраны на затылке небрежным узлом, были чем-то неуловимо схожи.

— Вам не нужна собака, молодой человек?

— Нет, у меня есть. Фокстерьер.

Голос у него был приятный. Катерине парень понравился. В его ответе чувствовались доброжелательность идержанность, простота и достоинство, застенчивость и в то же время уверенность. Удивительно! Как все эти качества могут совместиться в одном человеке?

— Жаль... Тут ещё одна дворняга проходу мне не даёт, куда я — туда и она. Не встретилась она вам у входа?

— Встретилась! — радостно воскликнула Катя.

— Да, — сказал парень.

— Ну вот. Тоже бездомная, — опять вздохнула женщина и бросила на Катю вопрошающий взгляд, в котором сквозила настороженность, готовая перерасти в неприязнь, так как с Катиного лица не сошла ещё улыбка.

Все люди, наверное, боятся быть смешными. Кроме клоунов, конечно. Поэтому многие цепляют на себя маску недоступности и непогрешимости. Про таких обычно говорят: «деловые». Несчастные, они даже не понимают, что именно эта маска и делает их смешными, более того, неинтересными. Не прочтя в Катиной улыбке ничего дурного, наоборот — восторг, грозивший перейти в обожание, женщина успокоилась и продолжала говорить о своих подопечных. Наверное, она очень любит собак, и они отвечают ей взаимностью, подумалось Кате.

— Не скажете, извините, сколько стоят ваши джинсы? — добродушно обратилась женщина к рыжеволосой девушке, стоявшей теперь поодаль.

— За двести, — охотно откликнулась та.

— Ого-го!? На барахолке?

— Нет. По знакомству.

«Бред какой-то», — перестала понимать происходящее Катерина. Ей хотелось закричать: «Давайте говорить о ваших собачках... о душе... о книгах, наконец». Но она молчала.

— Вона какие нынче знакомые-то щедрые, — сказала женщина нараспев и засмеялась.

— Ваши кофточка и джинсы гармонируют! — продолжала общительная старушка, немного помолчав.

— Да, — согласилась девушка.

Катю стало слегка подташнивать.

Женщина тараторила без остановок, то и дело округляя бесцветные глазки-пуговки в сеточке морщин и морща длинный нос.. Она говорила о том, что возвращается всё старое. Вот у неё, к примеру, юбка плисси-

рованная пролежала в комоде несколько лет, а потом вошла в моду. Девушка в джинсах ушла, и своё красноречие говорунья обрушила на Катерину. С тряпок она перешла на причёски. И так далее, и так далее. Катерина слушала, тупо уставившись в её острый подбородок. Но скоро почувствовала, как в ней закипает ненависть и к болтливой старушке и даже к её ни в чём не повинной собачонке. Тогда она переключила своё внимание на парня, незаметно рассматривая его. Светлые волосы, небольшая лысина. На вид не больше двадцати восьми. Глаза большие, умные и доброжелательные. Предположительно — серые. Катерина резко встала и направилась к двери, «Шапокляк» — так мысленно она окрестила старушку, обиженно поджала губы.

... В салоне было полно народу. Катерина несколько растерялась. Она долго стояла молча. Никто не обратил на неё никакого внимания. Тогда она радостно сказала:

— Здравствуйте! — И глупо улыбнулась. И снова молчание. Все с любопытством посмотрели в её сторону.

— Приведите меня, пожалуйста, в божеский вид! — обратилась она к полненькой парикмахерше в халате в горошек.

— Что значит «в божеский»? Что вы хотите? — сухо поинтересовалась та.

— Химическую завивку.

— Сегодня уже не делаем. Приходите завтра.

— Но я завтра не могу...

— А мы не можем сегодня. Вы бы ещё в девять явились.

— Ну девушка, ну я прошу вас, пожалуйста, — умоляла она.

— Сегодня не успеем. Видите, сколько клиентов.

— Вы накрутите только, а я буду сидеть, и всё. Времени-то всего семь часов...

— Ты что, не русская? Не понимаешь, что ли? — перешла вдруг на «ты» парикмахерша. — А этих прикажешь не стричь? — кивнула она в сторону сидевших в салоне клиенток. — Не нервируй меня, — разозлилась она не на шутку.

Клиентки забеспокоились, недовольно хмурясь.

— Что ж ты от работы человека отрываешь? — громко сказала полная дама в синей блузке.

Катерине на глаза навернулись слёзы, и она выбежала из салона, хлопнув дверью. У входа, лицом к лицу, столкнулась с парнем. Глаза у него, действительно, серые, — успела заметить. Вышла из Дома быта, пригладила свои «сосульки» рукой, собрав в хвост, постаралась заплести, потом тряхнула головой — и они рассыпались по спине и плечам. Она шла и спиной чувствовала, что со второго этажа, из окна, на неё смотрит парень в тельняшке. Ведь это всегда чувствуешь, когда смотрят...

Вдруг ей стало ужасно совестно за своё поведение. Жаркая волна поднялась откуда-то изнутри и бросилась в лицо. Ну да, конечно, очень хотелось изменить причёску именно сейчас, а то когда ещё соберёшься... Но унижаться-то зачем? Зачем унижаться? Да и была ли она права, отрывая мастера от дела? Нет, не права. Биновата кругом. Краска стыда разлилась по щекам, и мочки ушей неприятно обожгло. Стараясь отвлечься, она принялась фантазировать. А что, если бы...

Сзади послышались торопливые шаги.

— Я провожу вас.

Это был он, парень в тельняшке.

— Да? — Катерина не очень-то удивилась. Он шёл рядом и молчал. И, удивительное дело, ей не было от этого неуютно. Напротив, было тепло. Бывает же такое: человека только увидел, а словно знаешь его давным-давно. Несмотря на то, что была рада тому, что парень её поддержал, Катерина ершилась:

— Что же вы молчите? Ну скажите мне что-нибудь... В утешение. Попытайтесь развеселить, анекдот расскажите. Или комплимент соврите. Вы ведь пожалели меня, не так ли?

— Может быть...

Парень улыбался. Какая спокойная у него улыбка. И добрая!

— Ну как же? Неуверенная, одинокая. Ах, какая разнесчастная... Ведь так вы думаете?

Он молчал. От этого ей стало спокойно как-то. И она говорила уже доверительно: – И напрасно. Жалеть меня не за что. У меня есть всё для того, чтобы быть счастливой. Окончила техникум, имею прекрасную профессию. И я не одинока – у меня муж и двое детей.

Она искоса посмотрела на своего спутника. Её слова должны были произвести на него впечатление. Но выражение его лица оставалось прежним.

– Вы не верите мне?

– Отчего же? Верю.

– Спасибо... Дети – самое дорогое, что у меня есть в жизни.

Они долго шли молча. Зачем нужны слова? Этот человек понимал её. Если бы он начал говорить сейчас, то даже самые красивые слова не убедили бы Катерину. Ей не стало бы от них так хорошо, как от его молчания. «Зачем я рассказала ему столько всего? – подумала она. – Он и так всё про меня знает».

– А всё-таки, зачем вы пошли за мной? – прервала она молчание.

– Если человеку плохо, должен ведь кто-нибудь быть рядом...

И тут Катерина вспомнила тёплый зимний день в небольшом сибирском городке, где она училась. Катерина шла тогда по тротуару, ей было отчего-то очень грустно. Прохожие обтекали её со всех сторон, им не было никакого дела до неё, ей – до них. Мужчина в нелепом пальто и почему-то в шляпе шёл Кате навстречу, в руках у него был... апельсин. Он нёс его бережно, словно боялся разбить. Расстояние между ними сокращалось с каждой секундой. И вот их взгляды встретились. Он остановился – и вдруг протянул Кате апельсин.

– Возьмите, это вам.

– Мне?!

Он исчез так же неожиданно, как и появился. А она долго ещё стояла посреди тротуара. Прохожие так же огибали её, но с ней что-то происходило, хотелось для каждого сделать что-нибудь хорошее... Ей показалось, что она начала расти. Она становилась всё выше

и выше, пока голова её не уперлась в небо. Оранжевый апельсин в её руке горел, словно факел. А внизу, замерев, будто маленькие статуэтки, подняв головы, смотрели на неё люди. Апельсин начал множиться. И вот уже сотни апельсинов летели на землю со снежинками наперегонки. Мужчины, женщины, дети ожили. Все, от самого маленького карапуза до глубокого старца, ловили апельсины, подбрасывали их вверх и, радостно смеясь, перекидывались ими друг с другом... С тех пор и ворвался в её сны апельсиновый снегопад...

Парень в тельняшке будто бы сказал, а может, Катерина сама подумала, что надо твёрдую почву иметь под ногами, надо обрести самоё себя. Ей очень хотелось сказать ему, что вот она, нашлась, идёт рядом. Потом решила, что он сам это почувствовал. И потому молчала...

За мечтами и не заметила, как подошла к своему дому, коротким показался путь. И вдруг её обдало жаром. Нечаянно оглянувшись, заметила: тельняшка. «Да что же это такое? Зачем? Не надо», — испугалась она.

— Девушка, постойте!

Но она уже забежала в сенцы и захлопнула дверь. Сердце стучало, как загнанный зверёк: тук-тук-тук, тук-тук. Тук-тук-тук — постучали.

«Чего же я испугалась, дурочка? Сейчас увижу его умные серые глаза. Приглашу в дом. Раздуем самовар и будем вместе пить чай». Она открыла дверь. Тельняшка. Большие влажные губы. Курносый нос и... карие глаза под пышной шевелюрой. Помятое, с похмелья, видно, лицо. Она, с недоумением и всё ещё надеясь на чудо, смотрела на него.

— Слушай, может, выручишь? — проговорил хриплым голосом мужчина.

— А в чём дело-то?

— Поздно уже, магазины закрыты, может, найдётся поллитровочка, я заплачу.

Внутри у неё что-то оборвалось и упало. И стало пусто. Катерина подумала о том, что в действительности всё так и было бы, как она себе нафантазировала, если бы парень тот по велению сердца пошёл за ней.

Ведь он хотел это сделать, но не решился. А что в этом плохого? Они стали бы дружить семьями... Ах, как трудно с возрастом найти настоящих друзей.

Дома был полный порядок. Дети накормлены, посуда убрана. Муж внимательно посмотрел на Катерину. Её всегда светящиеся глаза потухли, они как бы укутались лёгким туманом. Она избегала смотреть прямо, а глядела в сторону, отчего казалась ему загадочной и недоступной. «Ну вот, опять начинается, — подумал муж, но ничего не сказал. Он панически боялся этого состояния её души. — Неделю спокойно прожить не может».

Несколько дней назад между ними произошла крупная ссора, а перед этим дня три Катерина была сама не своя, места себе не находила. Они скопили немного денег и решили купить ковёр. В один из тёплых летних дней Катерина отправилась за покупкой. Сначала он сам хотел идти, но подумал и сказал: «Кать, сходи ты. Женщины лучше разбираются в таких вещах»... Катерина не возвращалась долго. День уже клонился к вечеру. Дул ветерок, с запада набежали печальные тучки, всплакнули крупными редкими каплями и тут же исчезли, снова стало солнечно и свежо. Он начал беспокоиться, не случилось ли чего. Но вот раздался стук в дверь. Она вошла вся мокрая, сияющая. В руках у неё что-то было, но явно не ковёр.

— Мамочка пришла! — встретил он жену радостно и чмокнул в щёку. Подбежала Настя, прижалась к ноге, а Олю Катерина взяла на руки, дочь прильнула к матери.

— Фу, мокая мама.

— Не купила? — насторожённо проговорил муж. — А это что такое?

Он кивнул на свёрток.

— Это? Сейчас...

Катерина поставила дочь на пол и размотала клеёнку. Там оказался рулон, перегнутый пополам. Она прошла в комнату, положила его на пол и стала осторожно разворачивать.

— Джоконда! — ахнул муж.

— Правда, здорово? — тихо спросила Катерина.

Она была такая тёплая, светлая, чистая, в глазах столько радости, тихого восторга, что он, глядя на грубую подделку, расстеленную по всему залу, мягко изрёк:

— Бессмертное творение.

Он знал, что «Джоконду» Леонардо да Винчи Катерина очень любила.

— Где ты это достала?

— Купила.

— Что?! Ку-пи-ла?! — Его обожгло недобroе предчувствие. Не веря собственной догадке, он медленно произнёс:

— И за сколько?

В доме повисла напряжённая тишина, даже дети притихли вдруг.

— Понимаешь, — сказала она наконец, страдальчески сдвинув брови, — это прекрасный художник... Он талантлив! Но он на-чи-на-ю-щий... Ему краски хорошие купить не на что... — Катерина немного кривила душой. Ей хотелось повесить у себя над кроватью не персидский ковёр, а любимую картину. И пусть это всего лишь копия. А муж взорвался.

— На-до-е-ло! — закричал он и начал с остороженением топтать полотно. — Всё. С меня хватит. Пусть кто-нибудь другой попробует жить с такой... чокнутой. Ухожу. Навсегда. А ты сходи, проверься...

И, как кипятком ошпаренный, выскочил на улицу, сильно хлопнув дверью. Катерина села на диван, девочки испуганно жались к матери. Она думала о том, что вот опять сделала что-то не то. Может, не надо было брать эту несчастную «Джоконду», а, как все «нормальные» люди, понавесить на стенах ковры и сдувать с них пылинки, и любоваться ими: ах, как уютно, чуденько, как у всех... Но в последнее время Катерина начала задыхаться в тесных, увешанных коврами квартирах, на душу ложилась какая-то тяжесть, и она, душа, болела, стонала, искала выход.

Катерина любила маленькую деревушку, где она появилась на свет. Любила и тихий сибирский городок, где училась и родила первую дочь. И очень пережива-

ла, особенно первое время, оттого, что они переехали сюда, на Север. Ведь не ради тумана приехали, а за деньгами и за жильём. Но этому есть оправдание — на-маялись. Жили и на квартире у вредной спившейся старушонки, и в рабочем общежитии в маленькой комнатёнке. На сто рублей в месяц. Муж подбирал и сдавал стеклянные бутылки, чтобы купить на базаре яблок для беременной Катюши. Тяжело было, что и говорить. А здесь у них отдельный, «собственный» вагончик, да муж ещё пристройку сделал. Скоро обещают временное жильё, они ведь уже четыре года на Севере. Муж получает здесь гораздо больше, появились свободные деньги, можно позволить себе купить и то, и это. Но что-то в последнее время стало давить, угнетать Катюшу. Возникла какая-то зависимость от тряпья. Ковры, шмотки... А ради чего всё это?

Пришла соседка в гости и, когда её хотели напоить чаём, гнусаво заявила:

— Я не могу пить из кружки.

И они купили чайный сервиз. Редкие гости смотрят на голые стены и морщатся. «А я, вот же, назло всем, навешаю везде картин, и пусть смотрят. Морщитесь на здоровье», — думала Катерина. И снова брали сомнение. А может, она несправедлива к людям? Ну что плохого в том, что человек стремится жить лучше? Каждый хочет, чтобы в доме было красиво и уютно, и было что поесть. Она подумала о том, что вот осталась одна, без мужа... Неумолимо надвигалась ночь. Ей стало жутковато. Но от мрачных мыслей отвлекли дети, требовавшие внимания к себе. Она дала девочкам цветные карандаши, альбомы и сказала:

— Нарисуйте счастье.

Дети воплощали «счастье» на бумаге в цвете и форме, а Катерина в это время готовила им манную кашу на ужин. Через некоторое время она заглянула к девочкам в альбомы. У Настёны — огромное рыжее солнышко и маленькая светло-зелёная ёлочка, у Оли весь лист — в замысловатых разноцветных линиях...

— Молодцы! — похвалила она детей.

Поужинали, легли спать. Девочки, намаявшись за день, уснули сразу. Катерина лежала всю ночь с открытыми глазами, тупо уставившись в потолок, отчего утром голова была тяжёлой и всё вокруг звенело. Муж вернулся домой на другой день вечером. Он был ласков с детьми, сам уложил их в кроватки. Весь вечер виновато поглядывал на жену, потом, осмелев, притянул её к себе и сказал:

— Прости, Катюша, не могу я без вас.

Картину они сообща повесили над кроватью. И жизнь потекла по знакомому руслу как будто. На самом деле событие это не прошло бесследно. Оно отдалило их друг от друга. Хотя внешне всё оставалось по-прежнему, Катерина чувствовала, что они очутились как бы на разных берегах, между ними — невидимая река непонимания. Посмотрит она на мужа украдкой и видит: чужой, ну совсем чужой...

Катерина уложила детей спать. Посмотрели с мужем телевизор. Программу «Время» и «Сегодня в мире» они никогда не пропускали. Не передали ничего утешительного и на этот раз. Катерина думала о том, как могло произойти, что в Рейкьявике не была достигнута договорённость. «Ну всё, — подумала она. — Рейган уже ничто не остановит». Она, конечно, понимала, что не от одного президента зависит мир на земле, но и от военно-промышленного комплекса, однако если бы Рейган захотел, то мог бы сделать кое-что, не без риска для себя, конечно. Но он не захотел. А значит, быть войне.

С этого дня и поселился в её маленьком сердце страх...

И опять наступила ночь. И снова: зелёный, солнечный ромашковый луг и две бегущие девочки... Катерина просыпается. И опять проводит остаток ночи без сна. Ей страшно... Она садится за стол, берёт ручку, бумагу и пишет что-то... А утром — головная боль. «Что-то надо делать. Что-то предпринимать», — стучит в висках, словно молотом по наковальне.

* * *

Был воскресный день, у мужа — выходной. Катерина раненько напекла блинчиков, накормила детей и мужа.

— Пойду за продуктами, — сказала она, наведя дома порядок.

Взяла деньги, хозяйственную сумку и пошла к остановке. Села в автобус, доехала до центральной площади, вышла и огляделась. Народу было много, все спешили куда-то по своим делам. Возле гастронома, с левой стороны, стояло несколько столов, с которых обычно торговали на улице, сегодня они были пусты. «Вот то, что мне нужно», — подумала Катерина. Она выдвинула один стол на середину площади, взобралась на него, посмотрела вокруг себя. Прохожие стали замедлять шаги, движение приостановилось. Любопытные подходили к столу, разглядывая молодую женщину, строили догадки, которые сводились к одному: Дом культуры даёт представление.

Катерина будто на пьедестале стояла. Гордо вскинутая голова, горящий взор, вид вызывающий, решительный. Холодный порывистый ветер неистово трепал длинные волосы. Лохматые, оборванные грязно-синие тучи толпились вверху, часто наталкиваясь друг на друга и надолго закрывая солнце, которое, показавшись на мгновение, вновь исчезало. Когда оно в очередной раз выглянуло из-за туч, ярко освещая всё вокруг и слепя глаза, Катерина подняла правую руку вперёд, другую прижала к груди, с трудом проглотила подступивший к горлу комок и заговорила дрожащим голосом, едва справляясь с волнением, охватившим её:

— Люди! Люди добрые! Я хочу поговорить с вами...

— Она замолчала, бессильно упала рука. Но молчание продолжалось недолго. Упрямо тряхнув головой, Катерина начала говорить громко, взволнованно.

— Послушайте! Дорогие мои!.. Вот встала сюда и говорю, хоть говорить-то не умею... На-бо-ле-ло! Ох, наболело, дальше уж некуда. И не знаю, что делать. И пришла я к вам. Душу свою излить, болью своей поделить-

ся. Замучили меня страхи проклятые. Ночами не сплю, прислушиваясь к звукам, всё кажется: бомбы свистят. Извелась вся, только засну, кошмары видятся...

Две полные сердебольные женщины переговаривались о чём-то друг с другом, сочувственно глядя на говорившую. Люди подходили по одному и группами. Толпа густела. Некоторые, издалека заметив скопление людей, подбегали, спрашивая: «Что дают?»

— Я мать. И я боюсь за своих детей. Я очень хочу, чтобы они были счастливыми, чтобы и у них были дети, а у меня внуки и правнуки. Я люблю жизнь, люблю свою работу. Я живу ради детей, их будущего! Если начнётся война, то не будет никакого будущего. Надвигается большая беда... А мы?.. Надо Землю спасать! А каждый из нас только о себе думает, о своём благополучии. Как улитки, попрятались в отдельные дома. Заставили квартиры разным хламьём, ковров навешали, цветные телевизоры приобрели, шубок натуральных понакупали, золота понапасляли... Все потребности удовлетворили? Про душу забыли. А что дальше?! Равнодушные мы стали. Сыты, обуты, одеты — и ладно. На наш век и солнца, и воды, и воздуха хватит, а после нас — хоть потоп... Нет, так жить нельзя! Нельзя жить так. Давайте бороться против плохого в нас же самих... Может, мы сумеем спасти Землю нашу, если каждый из нас, если мы все вместе хоть что-нибудь для этого сделаем...

Она говорила так искренне, столько было сердца, души в её простых словах, что пройти мимо было невозможно. И люди слушали, но не слова, а то, что за ними. Не ЧТО говорила, а КАК...

— И я предлагаю, — уже тихо сказала Катерина, — прошу подписать под письмом и отправить его в Америку. — Она достала из сумочки конверт, вынула листок, исписанный крупным почерком ночью, и начала читать. Поначалу её голос дрожал от волнения, но постепенно становился сильней, уверенней и наконец зазвенел, словно натянутая струна.

— «Соседи! Братья! Мы жители одной планеты, а значит, все мы братья и соседи. Обращаются к вам

простые советские люди! Мы знаем, что большинство из вас, так же, как и мы, ненавидят войну. Давайте же объединим усилия в борьбе за мир!.. Да будет вечно жить наша прекрасная планета! Да будут зеленеть поля, цвести ромашки, светить солнце!»

Катерина, умолкнув, обвела всех пронзительным горящим взором. Тишина повисла над площадью. Толстый большегубый мужчина сказал, что дело пахнет керосином и что «скорую» надо вызывать, а лучше всего милицию. На мужчину зашикали. Ворча что-то себе под нос, он ретировался. Стайка молодых парней и девчат загудела было, но на них зашикали, и они, подчиняясь общей атмосфере, притихли.

— Кроме того, — продолжала Катерина, — я предлагаю внести деньги в Фонд мира!

Толпа заволновалась, зашумела. Катя говорила громко, почти кричала, чтобы её слышали все:

— Кто сколько может... Вот мои двести рублей, я их получила на ребёнка за четыре месяца. — Она подняла руку с деньгами вверх. — Я отдаю это в Фонд мира.

И снова тишина.

— Что же это такое, граждане? — закрутил головой носатый толстяк. — Грабёж средь бела дня. Ишь чё выдумали... Да её в милицию надо... Милиция! Милиция! — заорал он, уходя.

Толпа вскользнулась. Женщина в зелёной шляпке последовала за толстяком. Стайка стрижёных, опустив глаза, бочком продиралась сквозь живую стенку. А беленькая, словно одуванчик, старушка протиснулась к Кате, в руке у неё был рубль.

— На, возьми, сердешная. Больше у меня нету. Где тут расписаться-то надо?

— Спасибо, бабушка, — с благодарностью сказала Катя и дала листки и ручку.

Молодой интеллигентный мужчина протянул две десятки.

— Извините, это последние, — сказал он и быстро ушёл.

— Пусть дураки деньги разбрасывают, а нам это ни к чему. Пошли отсюда, — две крашеные дамы на-

правились в сторону универмага. И ещё несколько человек, вспомнив о своих делах, с озабоченными лицами заспешили прочь.

— Лёха, ты чё тут делаешь? — спросил высокий сухопарый мужчина лет сорока, подходя к полному красивому брюнету в клетчатом пиджаке.

— Да вот, комедь ломают, — отозвался Лёха. — Айда в гастроном. У меня тоже деньги не лишние.

К столу робко протиснулась пожилая женщина. Она достала из старого кошелька пять рублей, подумав немного — ещё две помятые бумажки...

— Вы что, серьёзно думаете, что эти ваши копейки спасут мир? — строго спросил молчавший до сих пор молодой мужчина в сером костюме, поправив очки.

Катя растерянно взглянула на него, пожала плечами. Но тут хорошенъкая женщина с бойкими глазами тряхнула кудрявой головой.

— А что, товарищи, был бы мир, а деньги — дело наживное... — Она заразительно засмеялась, гордо положила четыре десятки и задорно, с вызовом, посмотрела на «роговые очки».

Мужчина засмутился, покраснел.

— Мне не жалко, — пробормотал он, покопался в портфеле и вынул сотенную.

Бойкая женщина одобрительно улыбнулась ему.

— Только бесполезно всё это, — проговорил он тихо.

Невысокая бабёнка в синем шёлковом платке, на вид ей не больше тридцати пяти, несмело произнесла:

— Знаете, это очень правильно девушка придумала. У меня тоже есть дети, и я испытываю такой же страх... постоянно думаю об этом — о войне то есть. И я голосую «за». Может, хоть немножко, но поможем.

Она положила деньги, расписалась и скромно отошла. После этого передевшая толпа качнулась и подалась вперёд. Сменяя друг друга, толкаясь, люди начали подходить к Катерине. Они ставили подписи и сдавали деньги, кто сколько мог... И вдруг, разрезая воздух пронзительными сигналами, на площадь въехала «скорая». Из неё вышли двое толстых санитаров в белых халатах. И тут же подкатила милицейская машина.

* * *

— Катюша, где ты была?.. Что случилось? — встретил её у порога муж.

— Съездила, проверилась. И знаешь... всё нормально.

— Что ты мелешь? Ты что, с ума сошла?

— Я же говорю: всё в порядке.

— Нельзя так... Я ведь со зла сказал... Ну прости, Катюша! — он прижал жену к себе. Она обмякла, повисла на его руках. Муж бережно перенёс её на диван. Катерина рассказала о том, что с ней произошло.

— Я счастлива тем, что люди не оставили меня в беде, — поделилась она с мужем и замолчала, думая о чём-то своём.

— Катюша, а как же ты зиму без пальто будешь ходить?

— У меня же есть шуба.

— Старая.

— Ничего. Она ещё совсем неплохо выглядит...

Утомлённая Катерина вскоре заснула тут же, на диване. И всю ночь спала так крепко, что в первый раз в жизни не слышала, как заплакала во сне Олеся, и её успокаивал отец, как вставала Настёна и он усаживал дочь на горшок. Впервые за полгода она спала сладко и безмятежно.

1988-1990 гг.

Заленина

Отец работал на «КрАЗе». Люди про него говорили: безотказный. И этой безотказностью пользовались на-пропалую. Привезёт сено кому или ещё чего и сам разгружает, вкалывает на износ. Это и ценили в отце, были благодарны ему, ну и чарку полнее подносили. А пьяный он дурной, скандалы устраивает. Стала и мать ходить на угощения, и большую долю спиртного выпивала сама, чтобы муж трезвеё был. А ещё праздники – чуть ли не каждый день, и ни один не обходится без застолья...

Ссоры почти всегда возникали одинаково. Приходит отец домой поздно вечером, ставит на стол кастрюлю варёной картошки или супа, достаёт из погреба банки с солёными огурцами и грибами, маринованными помидорами, вареньем, кладёт буханку хлеба,сыпет соль. И начинает есть, громко чавкая, икая и мешая всё в одну неприглядную кучу. И вдруг запевает, пьяно растягивая слова:

Люблю-у я ле-том с удочкой
На бе-реж-ку сидеть...

Пожуёт, похватаёт и снова – ту же строчку. Рот его при этом сильно кривится. С длинного носа он смахивает рукой блестящую каплю, резко бросает вилку, достаёт из кармана брюк папиросу, сует её в угол рта, зажимает зубами и начинает ругаться в бога-ду-шуправительство-мать.

– Папка-а, не ругайся, – просит Валя.

– Кого? Чего? – пьяно выкидывает отец бессмысличные страшные глаза. Узнает Валю. И тут же губы широко растягиваются в улыбке, обнажая жёлтые зубы. Голос становится сладким: – А-а, дочка... дочка, Валя... Ну, ладно, ладно...

Ненадолго замолкает.

– Нищий я, ну, – через некоторое время пьяно рыдает он. – Работаю как вол, тёщу кормлю всю жизнь... Получаю копейки. Все жилы повытянули-и...

— А кто тебе по-человечески мешает жить? — встречает мать. — Виши, правительство ему виновато... На столе-то насыпал, свинья поганая. Жить не умеет, а кого-то винит. На требуху свою ишачишь задарма. Напоют его, дурака, а он и рад-радёшенек стараться... Над им же и смеются, как над дурачком: «Вон Петька-космонавт идёт...»

— Цыц! — бьёт он по столу кулаком. «Космонавтом» на деревне Петра окрестили за то, что однажды свалился пьяный на «КрАЗе» в речку с моста. Сам-то и испугаться как следует не успел, а вот машину покалечил. Он страшно сердился, когда его так называли.

— Иши, стучит. Не больно-то напугал... А чё, не правда, что ли?

— Зме-е-я-а, — протяжно стонет отец и бросается на мать с кулаками. Та истошно кричит и выбегает из дома, следом — бабушка. Валька дрожит, забившись в угол. Просыпается брат Витька.

— Ты чё, бать, шумишь?

— Ничё. Спиши? Спи... Я вам, змеям, покажу... Вы у меня на улице ночевать будете, — грозится он, закрывая дверь на защёлку.

Через некоторое время раздаётся стук и голос бабы Таси:

— Петька, открой.

Он отпирает. В избу просачивается маленькая бабушка, за нею — худой жилистый дед — родители отца.

— Ты чего шумишь тут, спать ребятне не даёшь? — грозно спрашивает дед. — Вояка, зелёна корень. Я тя щас быстро успокою.

— Ты чё это, отец, на меня, что ли?.. Сбегали, доложили. Змеи...

— Анчутка, — пищит мать и, довольная найденным словом, машет из-за спины свёкру кулачком, стараясь попасть мужу по голове, повторяя при этом: — Анчутка, анчутка, анчутка... На столе-то чё намесил...

Отец остервенело кидается на неё, рыча: «Убью!», но дед удерживает сына. Мать визжит, баба Катя и Валя истошно кричат, Витька смотрит молча, баба Тася повторяет: «Петька, Петька!»

— Ах, ты так? Ну, я тя щас в рогульку согну, — гро-
зится дед.

— Ты? отец? против меня? — орёт Пётр. Но дед по-
сле короткой возни всё же связывает его. Тот обмяка-
ет, плачет.

— Папка-а... Опусти. Опусти, не буду больше. За-
мучили они меня... ну заездили. Тёща не работает ни-
где... Кормлю её, пою. Ну, — не унимается отец.

— Перестань, — замахивается на него баба Тася. —
Тёща твоих детей вынянчила, с хозяйством управляет-
ется...

— Ну, мам, нигде не работает, — не слушает её сын.
Ещё некоторое время бурчит, потом затихает и начи-
нает похрапывать.

В такие минуты Валя ненавидела отца. Думала, ут-
ром всё-всё выскажет ему. И слова находила хлёсткие,
злые. Но наступало утро, а она, увидев его, и рта не
могла раскрыть. Сердце заходилось от жалости — он был
тихий и виноватый, моргал красными глазами, дрожа-
щим голосом обещал, что больше этого не повторится.

— Прости, дочка, — просил он отрывисто. И Валя
прощала.

Баба Тася приходила утром, стыдила:

— Петька, Петька! Всё у тебя есть. В доме чистота,
порядок. Дети вона какая растут. Живитя только. Чё
не хватат тебе, дурна головушка?

Отец низко опускал голову. И работал в этот день
за четверых. Но проходило время, и всё повторялось.

Валя болезненно относилась к тому, что родители
пьют. Ей очень хотелось остановить их, но как это сде-
лать, она не знала. Да и что могла сделать девчушка
четырнадцати лет? «Зачем жить? Чем так, лучше уж...»,
— подумала однажды Валя, но, испугавшись, тут же
прогнала эти мысли прочь.

— Бабушка, бабушка, — плакала она, — неужели они
не бросят пить, и никогда дома не будет так хорошо,
как прежде?.. Ведь постановление вышло, борются
везде с пьянством...

— И то верно. И-эх... да, видать, ничем не проши-
бёшь её, заразу эту... Водки нет, бражку пьют, подные.

Дрожжей нет, соус томатный намешают, чтоб им пусто было, даже одеколоном не брезгуют. И-эх... Раньше надо было борьбу-то объявлять. Поздновато хватились... А ты поговори с матерью-то, поговори. Она тебя только и послушает.

Сказала и задумалась. Так получилось, что сама не имеет никакого влияния на дочь. Та, когда напьётся, упрекает её, свою мать, обвиняет во всех бедах.

— Ты, курва (это матери-то?), не дала мне учиться. Из-за тебя я всего два класса кончила, а третий — коридор... а могла бы человеком стать. Ох, болит душа, болит... А ты? В няньки меня с десяти лет... Чё я видела хорошего? Ничего-о...

«Виновата, конечно, — думала баба Катя. — Кабы знать...» Никто не поддержал в трудную минуту, не под сказал, как жить, когда мужа в тюрьму упекли за украшенный мешок зерна, а она осталась одна с крохотной Зойкой на руках... Подыскать бы ей работу какую ни на есть да выучить Зойку. Но на лёгкий кусок потянуло — «в люди» пошла. Ведь как тогда размышляла: и обута, и накормят завсегда, и в тепле опять же. А грамота — зачем она нужна?.. И вот как оно обернулось. Да, не воротишь прошлое, заново жизнь не проживёшь...

— Говорила я уже с ней, — возражала Валька, — бесполезно это.

— А ты ещё поговори, — настаивала бабушка. Валентина просила мать не пить, плакала. А она: «Не твоё дело», а потом вдруг: «Ну ладно, ладно, больше не буду. Слово даю».

День, солнечный и жаркий, стал потихоньку угасать. Незаметно подкрадывался вечер. Уже не так ярко пекло солнце, опускавшееся с высоты всё ниже и ниже. Стояла предвечерняя тишина, какая может быть только в деревне. Деревья, застывшие, неподвижные, подсвеченные уходящими солнечными лучами, отбрасывали тень и казались ещё величественней и прекрасней. С берёзки какой-нибудь нет-нет да и сорвётся листок и плавно опустится на землю. Небо чистое, ясное. Валя смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, чувствовала себя частью природы, сливаясь с

ней воедино. Сегодня на душе у Вали было спокойно и хорошо. Мать надела нарядное ситцевое платье, белые босоножки, заколола волосы. Заметив, что Валя смотрит на неё, пряча глаза, сообщила:

— К Машке схожу, она мне квасу обещала.

— Только ты недолго, ма, ладно?

— Ну чё я там рассиживать буду. Добегу да назад.

Управы вон сколько, — быстро проговорила мать, выходя за ворота.

Баба Катя принялась поить и кормить коров, телка; свиные намешала. Валя покрошила курам размоченного хлебушка, подзывая: «Цып-цып-цып». Два заблудившихся облачка повисли над домом. «Откуда взялись?» — подумала Валя и тут же забыла о них. В такой тёплый вечер дома не усидишь. Вся ребятня с улицы Лесной высыпала во двор. Те, кто постарше, играли на поляне в волейбол. Малышня крутилась вокруг. Вышла и Валентина. Было шумно, весело. Чуть позже к играющим присоединился высокий, крепко сбитый парень, Егор — одноклассник Валиного брата (оба учатся в десятом). В прошлом году, когда он впервые появился во дворе, было уже темно, и Валентина его не разглядела. Но когда он улыбнулся и смущённо сказал: «Здравствуйте», — её охватила непонятная грусть, сердце стучало тревожно, но вместе с тем и радостно...

Егора приветствовала шумная толпа. Прерванная игра вскоре возобновилась. Каждый азартно подхватывал мяч и как можно точнее передавал его товарищу, стараясь не уронить на землю. И тут длинный как жердь Серёга со всей силы долбанул по мячу; высоко подскочив, он пролетел несколько метров и... плюхнулся в соседнем огороде. Егор грубо выругался. Валентина неожиданно подлетела к нему и влепила звонкую пощёчину. Его большие глаза стали круглыми, лицо покрылось красными пятнами. Все сразу притихли, ведь такое в истории двора случилось впервые. Мальчишки «выражались» редко, и девчата закрывали на это глаза... Они стояли друг против друга. На какое-то мгновение кровь прилила к Валиному лицу и тут же отхлынула обратно. Она была бледная, в глазах гнев и боль.

Егор смотрел на Валю и видел, как вздрагивают её длинные ресницы, а глаза, и без того тёмные, казались чёрными, от них веяло прохладой, будто из колодца.

— Ненормальная, — сказал он тихо и отвернулся.

«И что за девчонка, — думал Егор, — ничего ведь особенного. Гусёнок какой-то...» Но тут в памяти возникли строгие глаза, и мысли обрывались... Егор был видным парнем и у девушек пользовался успехом. Он чувствовал себя донжуаном и каждый вечер гулял до зари с новой пассией. И со всеми целовался. А к Валентине боялся прикоснуться даже взглядом.

Снова играли в волейбол, но как-то вяло. Игра не клеилась. Тогда сам собою возник «Глухой телефон» — расселись на огромном кривом бревне, лежавшем неподалёку. Крайний уже передавал на ухо соседу мудрёное слово, произнося его как можно тише. Валентина оказалась рядом с Егором. Он смущённо улыбнулся.

— Прости. Глупо получилось, — попросил он тихо. — Прощаешь?

Она кивнула.

Егор щептал Вале слово, почти касаясь губами её ушка. Было щекотно от горячего дыхания. Валя забыла обо всём на свете. Вокруг словно не было ни души. Только он и она. Он так близко, что кружится голова... Всё разрушилось неожиданно. Кому-то надоел «телефон», и она первая поддержала. Да, надоело. Начали думать, чем бы заняться. Валентина молчала, потом, ни к кому конкретно не обращаясь, чуть слышно пробормотала: «Пойдёмте в лес на Дунькину поляну, костёр жечь». Никто её не услышал, кроме Егора, который тут же скомандовал: «Айда костёр жечь». И пошёл, никого не дожидаясь, за ним последовала вся компания.

Остановились метрах в двухстах от крайнего дома, в котором жила вздорная старушка Евдокия Каширская. Поэтому поляна, на которой расположились ребята, и называлась Дунькиной.

Мальчишки набрали сухих веток, сложили в центре поляны и подожгли. Небольшое вначале пламя постепенно разгоралось и становилось всё ярче, пока, наконец, не охватило кучу веток со всех сторон, после чего огонь

победоносно взметнулся вверх. Уже стемнело. При свете костра всё вокруг стало необычным, таинственным. Шумели, покачиваясь, сосны, они казались сказочными великанами. А их тени, огромные, словно чудовища, двигались за ними следом, готовые в любую минуту раздавить, затоптать. Все стояли вокруг костра и зачарованно смотрели на огонь. Валентина почувствовала на себе чей-то взгляд. Она подняла голову и увидела его глаза — синие-синие, синее не бывает. Они излучали тепло и нежность. И эта нежность была предназначена Валентине. Вот так стоять бы вечно у этого костра... Невдалеке послышался треск сучьев. Из темноты, пошатываясь, вышла Валина мать.

— Сволочи, — закричала она. — Деревню задумали спалить? Что наживала своим горбом, — рыдала мать, — вот этими руками, до ниточки... по миру... Не дам. Не позз-волю. Гады, олухи, ироды...

Она остервенело пинала костёр ногами. Огонь не поддавался. Тогда она злобно прикрикнула на притихших ребят:

— Чё уставились?.. Тушите, кому говорят! — и закончила визгливо: — Сейчас же.

Она была пьяна. Мальчишки начали тушить. А Валентина закричала так, что сама испугалась:

— Нет, мы не будем тушить! — от страха кричала ещё сильней. — Зачем ты пришла? Что тебе здесь надо? Уходи, уходи, уходи. Мы будем жечь костёр! Пусть он горит.

Все молчали. Валя видела, как смотрел на неё Егор. Ну и пускай думает, что она ужасная, гадкая, скверная.

— Ах ты гадость, мерзавка, сопля... Ты — матери? Указывать? Замолчи, замолчи, замолчи, — визгливо повторяла мать.

У костра появился полноватый невысокий мужчина в спортивном костюме. Он тоже боялся пожара. Мальчишки снова принялись тушить. Валя бесшумно отступала в темноту.

— Куда ты? — окликнул её брат Витька. — Домой. Лесом.

— Я с тобой?

— Нет.

Валентина медленно шла лесной тропинкой. Она вспоминала пьяные, бессмысленные, жестокие лица, бесконечные драки и оскорблении. И страх. Её, Валентины, страх. Страх бабушки и брата... Ночь. Она стоит возле дома. Её трясет, словно в лихорадке, но не от холода.

— Господи, господи, — повторял она, вряд ли осмысливая произносимое. А из окна — ругань, крики, грохот падающей посуды...

— Сука...

— Гад.

— Дрянь, б... Отдай мои деньги, падла.

— У, гад ползучий... Деньги захотел? На!

Звон разбитого стекла.

— Убью!..

Валентина обхватывает голову руками, не переставая дрожать, раскачивается из стороны в сторону и повторяет в бреду:

— Господи, господи, господи...

Валя заметила вдруг, что сбилась с тропинки. Она не могла определить, где находится, и не знала, долго ли шла. Время перестало существовать. Вернее, она перестала существовать во времени. Оно шло, было где-то впереди, и ей необходимо было его догнать. И она побежала.

«Мамочка! Милая моя мамочка, — шептала Валентина. — Я тебя очень-очень люблю... Я никого на свете не люблю так, как тебя... Прости меня. Ведь я у тебя хорошая, добрая... и ты у меня самая добрая на всём белом свете... И пусть они все, и он тоже, думают обо мне плохо... Прости меня, любимая моя мамочка... Ну зачем, зачем ты пьёшь?...»

Она бежала долго. Всё труднее было дышать. Ноги тяжелели с каждой секундой, будто наливаясь свинцом. Но вдруг стало необыкновенно легко, она не чувствовала больше своё тело. Валя поняла, что находится недалеко от озера, а впереди — овраг... Она представила себя птицей. И, как раненая чайка, взлетела над глубоким оврагом, чтобы хоть на одно мгновение коснуться темной синевы бесконечного звёздного неба подбитым крылом. В сердце: восторг перед жизнью и — покой...

1986-1990 гг.

В аэропорту

Лопатины опоздали на самолёт. И это в южном курортном городе в конце августа!.. Кто попадал в подобную ситуацию, поймёт отчаяние молодых супружеских пар, которые отдыхали в Одессе с двумя маленькими детьми. И главное, как вышло-то? Не было долго автобуса, частника поймали. Заплатили, конечно. Он доставил их за час до вылета, чемоданы помог донести, «до свидания» сказал и улыбнулся на прощание, потому что ему для отвода глаз, перед разного рода «шманателями», родственником надо было прикинуться. До этого тоже неплохо складывалось. Билеты им директор рынка местного (который, говорят, всё мог) достал через дальнего «бескорыстного» родственника за двадцатку комиссионных. Иначе они и не выбрались бы отсюда – за тридцать дней билета не возьмёшь. А Лопатины и приезжали-то на десять дней. Словом, повезло с билетами, так на тебе – на рейс опоздали. Расслабились, успокоились – вот и...

Их супружеская пара не может не вызвать улыбки – слишком уж, на первый взгляд, не подходят они друг другу. Тоненькая Соня рядом с мужем кажется хрупкой и беспомощной. Её зелёные глаза смотрят на мир удивлённо и доверчиво. У неё курносый нос, тонко очерченный маленький рот. Короткая стрижка и некоторая угловатость, незаконченность движений, происходящая от неуверенности в себе, придают всему её облику нечто мальчишеское, делая похожей на подростка. Василий – высокий, широкоплечий, склонный к полноте брюнет. От его облика – от фигуры, спокойных медлительных движений, прямого взгляда больших карих глаз – будто исходит скрытая сила.

Соня повела детей в туалет. Потом муж сходил по своим делам. И только после этого она пошла узнавать, когда начнётся регистрация. Узнала! Вот тут и грянул гром с неба ясного! Регистрация, оказывается, уже закончилась!

– Что же делать? – кинулась Соня к диспетчеру по посадке.

— Сдавать билеты, — равнодушно ответила девушка в лёгкой форме с красной повязкой на руке.

— Как же так... Нам обязательно надо улететь. У нас дети...

— Не надо было опаздывать, женщина, — строго добавила дежурная по вокзалу.

«Что-то надо делать. Сейчас. Немедленно. Иначе будет поздно», — думала Соня с тревогой. Робкую доселе, тихую и спокойную женщину крылья отчаяния поднесли к пожилому солидному мужчине в милиционерской форме.

— Помогите! Посоветуйте, что делать, — с надеждой попросила она.

— Да что уж тут... Самолёт ведь не догонишь. Но ты, девочка, к администратору обратись. Может, и выйдет...

— Спасибо! А где это?

Она опрометью бросилась, куда указали. У окна с надписью «Администратор» толпился народ. Протискиваясь к окошку, Соня громко кричала:

— Пропустите, пожалуйста! Самолёт улетает. Пустите...

Люди неохотно расступались, давая ей дорогу.

— Женщина! Помогите! — заговорила она быстро, будто секунды могли спасти положение. — Время ещё сорок минут, а на посадку непускают...

— Регистрация заканчивается за сорок минут, —заключенно отчеканила администратор.

— Как за сорок?!

— Новые правила. Читайте на обороте авиабилета.

— Но мы не знали... Что же теперь делать? Помогите, пожалуйста! У меня двое маленьких детей... — начала просить Соня жалобным, дрожащим голосом, подпуская к глазам слезу.

— Ничем помочь не могу. Не мешайте работать, — бесстрастно проговорила администратор. И занялась своими делами.

Соня растерянно стояла на месте, толпа начала потихоньку оттирать её от окошка.

— Не стоит унывать, — мягко улыбаясь, сказал высокий грузноватый мужчина интеллигентного вида со

свёрнутой в несколько раз газеткой в руках. – Это дела поправимые. Я тоже опоздал, но не горюю, заметьте. Нервные клетки надо беречь, они не восстанавливаются. – Мужчина говорил тихо, вкрадчиво и, по-прежнему, улыбался.

– Не смейтесь надо мной, – взорвалась Соня.

– Помилуйте, помилуйте, – холодно сказал мужчина и уткнулся в газету.

А Соня, уже не владея собой, начала кричать. Что может кричать отчаявшийся человек? Она и сама через пять минут не могла вспомнить этого. Что-то о равнодушии, бесчеловечности, бессердечии. Однако администратора трудно было вывести из состояния невозмутимого спокойствия. Она только раз глянула на Соню, как на дуру, и презрительно усмехнулась.

Соня побежала к кассе. И там услышала уже знакомое: «Сдавайте билеты». Стоп! Нельзя же так, в самом деле. Соня мысленно обругала себя: идиотка. Где же твоё человеческое достоинство? Надо остановиться и спокойно обдумать создавшееся положение. Самолёт скоро улетит, и совершенно ясно, что к нему уже не пропустят. Значит, надо искать другой выход. Какой? Надеяться, что кто-то опаздывает на следующий рейс, бесмысленно. Это только они могли попасть впросак. Да и желающих улететь, наверное, много. Дальше мысли зашли в тупик. Соня опустилась на свободное место и сидела некоторое время, тупо уставившись зелёными глазами прямо перед собой. Чувство, похожее на отчаяние, сковало её. Тихо насищаясь что-то, мимо прошёл тот самый мужчина, который советовал беречь нервы. Увидев Соню, приостановился, спросил вежливо:

– Сидите?.. А я лечу.

– Как?! – она уставилась на него круглыми от удивления глазами, даже рот приоткрыла слегка.

– А вот так. Из любого положения можно найти выход, – наставительно проговорил он и заспешил дальше, обронив на ходу: – Надо уметь жить, детка. – И, улыбнувшись на прощание, быстро исчез.

Соня вспомнила о детях, представила себе, как они измучаются за один только день, а сколько им пред-

стоит пробыть здесь, неизвестно. Появилось огромное желание оградить детей от непосильного для них испытания, и мысли заработали с новой силой. Мужчина ведь как-то смог... И тут её озарило: а что, если дать взятку? Но она не знает, как это делается. Надо во что бы то ни стало выбраться отсюда, решила она, и стремительно направилась к своим. Соня была предельно собрана, приняв решение не расслабляться до тех пор, пока они не сядут в самолёт. Подойдя к мужу, тоном, не терпящим возражений, сказала: «Дай червонец. И документы». Он поинтересовался: «Как там?», но она глянула на него и ничего не ответила. Муж не стал переспрашивать. Только, когда давал деньги, осторожно предположил: «Ты взятку, что ли, собираешься дать?.. Ты же не умеешь. Посадят ещё...»

— За детьми смотри, — строго оборвала его Соня и отправилась к кассам. Теперь она смотрела на себя как бы со стороны, словно бы раздвоилась. И одна половинка её самой стоит в сторонке и наблюдает за всем, что происходит.

Соня выжидала время, когда возле заветного окна стало поменьше народу, и встала в очередь. Внутренне она дрожала от стыда и страха. А вдруг не возмёт? Что тогда? И всё-таки шла на это, словно одержимая. Стоять пришлось недолго. Закрыв собой окошечко, глуша стыд и одновременно стараясь не уронить «чувства собственного достоинства», начала говорить:

— Понимаете... мы опоздали на свой рейс. У меня двое маленьких детей. Что мне теперь делать? Помогите, пожалуйста.

Женщина внимательно посмотрела на Соню и спросила:

— А кто это сейчас на меня кричал? Не вы?

— Когда? Сейчас?.. Нет, не я, — искренне ответила Соня.

— Не вы?! — как бы тоже искренне удивилась та.

— Сейчас не я, — уверенно повторила Соня и в смущении, как бы раскаиваясь, добавила: — Я давно уже... Расстроилась очень... Извините.

Соня действительно сделалось неловко за своё недавнее поведение – «воспитанные люди так себя не ведут».

– Больше никогда не кричите, – назидательно произнесла начальница и уже более мягко, чуть ли не по-матерински, посмотрела на молодую женщину.

– Да-да, конечно, больше ни за что не буду!

И только теперь она заметила, что женщина похожа на известную артистку Вию Артмане. У неё шкряб-нуло где-то внутри и со страшной силой заныло под ложечкой. Ведь не возьмёт она взятку. И уже хотела уйти, но было поздно. Администратор снисходительно как-то сказала: «Ну, что там у вас?»

Соня подала документы, а там, в паспорте – десятка... Она стояла ни жива, ни мертва, с ужасом ожидая своей участии. Подобралась вся, словно сжатая пружина, стараясь ничем не выдать внутреннего волнения. «Вия Артмане» стала внимательно рассматривать документы, незаметно смахнув червонец на стол и прикрыв его какими-то бумагами. Проделала она это спокойно и ловко – привычно; ни суеты, ни тени смущения и сомнения, будто так и должно быть. Соня, стоя близко от неё, скорее угадала, чем увидела, что произошло. Повертел бумаги в руках, начальница сказала:

– Значит, так. Рейс будет в 13.00, в 12.15 подойдёте сюда со всеми документами.

– Хорошо. А с_билетами как быть? Сдавать?

– Нет. Вы поняли? – в 12.15.

Когда отошла от кассы, поняла: теперь они улетят. Но нельзя расслабляться. И, чтобы уже получилось наверняка, она решила ещё дать. Мужа такое решение привело в справедливое негодование.

– Вася! Что деньги? Деньги заработаем... Главное – выбраться из этого ада, – ласково сказала жена. Но вместе с тем в её голосе была необычная, не поддающаяся описанию интонация, что заставило мужа безропотно подчиниться.

Соня сходила в буфет, накормила детей. А тут и время подошло. Возле администратора стояла рослая, полная, пышущая здоровьем, накрашенная женщина.

Соня попыталась всунуться в окошечко, но не тут-то было.

— Куда вы лезете без очереди? — бросила та через плечо и закрыла пышным телом окно, словно амбразуру. Худенькая Соня бегала вокруг, точно зверёк какой, и всё повторяла: «Мне срочно. У меня самолёт».

Не удостаивая её ответом, пышнотелая подала начальнице свои бумаги. И через некоторое время благодарно произнеся: «Спасибо вам большое», женщина быстро отошла. По тому, как она это сказала, Соня поняла, почему так настойчиво закрывалась от неё и почему отсюда ушла счастливая...

Соня с надеждой заглянула в окошко. Администратор устало как-то сообщила, что на ближайший рейс свободных мест нет, но через три часа будет ещё один и что подойти нужно за сорок минут. Соня подала паспорт и билеты, та повертела их в руках, полистала. Посмотрела, как показалось Соне, благодарно и пообещала:

— Если не улетите этим рейсом, последним обязательно отправлю.

День был жаркий. В аэропорту от скопления огромного количества людей стояла страшная духота. Соня вывела детей на свежий воздух. Сходили в кафе-мороженое, полюбовались через решётку на самолёты, побродили недалеко от аэропорта в поисках ларька с напитками, стараясь оставаться в тени, так как южное солнце пекло немилосердно. Чуть-чуть дул ветерок. Это был даже и не ветерок, а так, слабое передвижение воздуха. В такую погоду только бы в воде плюхаться. Соня с сожалением подумала о том, что вот и на море-то они были всего пять раз — дни стояли прохладные. И очень пожалела, что вообще решились ехать сюда, лучше бы до конца отпуска остались в милой её сердцу деревушке. Но морской воздух доктор «прописал» детям, которые часто простужались. Путёвок не досталось, вот и пришлось «дикарями», к дальним родственникам. И как-то не повезло им с погодой. «Ну, ничего, успокаивала себя Соня, — зато море посмотрели».

Полтора часа прошло. Оставалось столько же. С детьми гулял теперь муж, а Соня присела возле чемоданов. Справа от того места, где они расположились, находился киоск, в котором продавали разные безделушки. Соне понравились белые ремни, хотела купить два, но не хватало двадцати копеек, не было мелочи. Продавец, коротко стриженная миловидная девушка, разрешила отдать деньги потом, видно, приметила их семейство. Возвратившись к вещам, Соня обнаружила, что её место занято. Там восседала огромная, заплывшая жиром старуха — обладательница большого мясистого носа и колючих глаз; возле неё стояли две тоже носатые девицы в шёлковых летних платьях. Соня остановилась около них. Она хотела сказать: «Извините, пожалуйста, это моё место». На что та ответила бы: «Ах, извините!» и попыталась бы встать. А Соня в свою очередь предложила бы вежливо: «Ничего-ничего, сидите. Я постою». Но она не успела и рта раскрыть, как женщина громко затараторила:

— Что? Твоё место заняла, да? Может, мне, старухе, встать, а ты сядешь? Ничего — молодая, постоишь. Здесь не купе.

Соня сначала растерялась от такого напора. В душе же закипала обида. У неё мелко-мелко задрожали ноги, она покраснела и, едва сдерживая раздражение, подрагивающим от волнения голосом объяснила:

— Здесь мои вещи лежат, и я отсюда никуда не уйду.

— Смотрите-ка на неё, — обратилась старуха к девицам, — вещи у неё тут. Вот нахалка-то...

— И попрошу не тыкать, — сорвалась Соня.

— Да не обращай внимания, пусть себе гавкает, — живо откликнулась одна из девиц.

— Хамка и есть хамка, — поддакнула другая.

И они принялись разговаривать, словно не замечая до крайности возмущённую Соню.

— Сами хамки, а других обхамливают.

— Нет, ну вы посмотрите, что творит, поговорить не даёт, — вскользнулась старуха, — да уйду я отсюда...

Она с трудом отодвинулась на край скамьи, освобождая немного места. Соня села. Она твёрдо решила не связываться больше.

— Никак не могу прийти в себя, — опять завелась старуха. — В кой-то веки выбралась сюда, и вот находили. И до самолёта-то несколько минут осталось.

— Я впервые встречаю таких наглых... даже здесь, на юге, честное слово, — совсем растерялась Соня.

И тут, словно овчарки на дичь, все трое с осторожением накинулись на Соню. Их лица исказились такой злобой, что Соне стало страшно, уж очень похоже было на кошмарный сон. Не переставая «ляять», вся свора начала отступать и скоро скрылась из вида. Соня долго не могла успокоиться. На смену растерянности, гневу пришло недоумение. Ну откуда столько злобы-то в людях?

— Зря вы с ними связались, — сочувственно сказала грузинка, сидевшая справа. — Их трое, могли и побить, так накинулись...

— Да главное, за что?! — охотно откликнулась Соня.
— Если со мной по-хорошему, я разве не пойму?

Соня долго переживала случившееся. На душе было неприятно. Она пожалела, что связалась, что ответила на грубость, надо было просто смолчать... Заметив взгляд девушки из киоска, вспомнила, что должна двадцать копеек за ремешок, порылась в сумочке, нашла мелочь.

— Вы не расстраивайтесь, — встретила её киоскёрша. — А то смотрю: переживаете. Плюньте на них. Встречаются и похуже... Я давно здесь работаю, насмотрелась. Вообще-то южане неплохой народ...

Духотища стояла страшная, нечем было дышать. Утомлённые дети капризничали, не слушались. Да что там малыши! Она взрослая, и то впору завыть. Объявляли начало регистрации, конец... Самолёты улетали, заполненные до отказа, а народу в аэропорту не становилось меньше. Сюда подходили и подъезжали желающие улететь, здесь томились в надежде на чудо опоздавшие на свой рейс и просто безбилетники.

Закончилась регистрация на очередной рейс, пассажиры прошли на посадку. И только захлопнулась дверь за последним, как туда подбежала худенькая, маленькая женщина «в причёске», которой на вид чуть за сорок, и, поставив на пол огромный чемодан, начала стучать в двери. Оттуда выглянули и посоветовали не хулиганиить, раз опоздала. Но та опять принялась яростно молотить кулаками, визжа писклявым голосом на весь аэровокзал. Слова сливались в один сплошной визг, и невозможно было их разобрать. Понятно только, что она опоздала, что ей надо срочно улететь, что там её ждут. Дверь снова открылась, несчастная ринулась туда со всей силой отчаявшегося человека, потряхивая билетом, словно вещественным доказательством права на полёт. Её грубо выпихнули назад, и она продолжала жалобно пищать и плакать перед закрытой дверью.

«Зря ты бьёшься об эту стенку. Не пропустят, — думала Соня, наблюдая за происходящим. — Вот так и я... всего несколько часов назад».

Время медленно приближалось к заветной цифре. Пора было идти к администрации.

— Слушай, — перешла почему-то на «ты» начальница. — Я тебе сейчас скажу, ты упадёшь. Ни на этот, ни на следующий рейс свободных мест нет.

— Как же так... — растерялась Соня, и сердце её беспокойно заныло.

— Я постараюсь посадить, если не на этот, то на следующий, обязательно. Сейчас бери чемоданы и вместе с семейством встань у секции, где производится посадка. Я подойду. Поняла?

Около двери уже толпился народ. Соню охватил панический ужас. Сколько желающих улететь без билетов!.. А будут ли свободные места?

Соня пробилась сквозь толпу, встала первая и взялась за ручку. Пусть хоть что делают, подумала, ни за что не уйду. Все опешили, но ничего не сказали, уж слишком решительный вид был у молодой женщины. И только паренёк, стоявший теперь позади неё, обращаясь к своему товарищу, сказал:

— Молодая, а наглая.

— Я не наглая, — вспыхнула Соня, — просто у меня двое крошечных детей... И... муж.

— Ну и что? — робко, но язвительно возразил парень.
— Муж, надеюсь, не «крошечный»?

Соня обернулась и посмотрела в тёмные, большие и очень честные глаза паренька. Он не выдержал взгляда, смущаясь, отвернулся и стоял теперь молча. Справа нервничал высокий черноволосый полковник. Он опоздал на тот же рейс, что и Лопатины. Томились в ожидании недолго. Девушка с грустными глазами сочувственным тоном, как бы извиняясь, сообщила, что ни одного места нет. Соня вдруг почувствовала смертельную усталость. Муж спрашивал, что да как, а у неё не хватало сил ответить. Старшая дочка бегала вокруг матери, младшая хныкала, просилась на руки. Муж, раздёрганный детьми, злился.

— Не психуй, — строго сказала Соня. Потом принялась уговаривать. — Ну успокойся, Вась, всё будет нормально.

— Что нормально? Что нормально-то? Деньги ещё сунула... Богатая какая, — взорвался он.

— Сегодня улетим, — твёрдо пообещала Соня.

— Ага, улетим. Как же...

Вдруг объявили:

— Пассажирку Лопатину просят подойти к администратору.

Два раза повторили. Соня с сильно бьющимся сердцем побежала к заветному окошку.

— Мест нет, — быстро проговорила начальница, — но я всё устрою, как и обещала. Быстро подходите к служебному входу с вещами.

Она встала и заспешила из своей кабинки. Соня помчалась к семейству, и через несколько минут они уже стояли там, где было указано, а вокруг: чемоданы, сумки, кошёлки, рюкзак. Соню била мелкая дрожь, боялась, вдруг опять не получится. «Вия Артмане» провела Лопатиных и полковника с дочерью-школьницей в зону досмотра. Они притулились тихонько в уголке и стали ждать. Медленно, ох как медленно тянулись последние минуты ожидания. Уже пассажиры прошли дос-

мотр, а администратор всё ещё убежденно доказывала что-то пожилому седеющему мужчине в лётной форме. Тот сердился, отвечал с досадой. До Сони долетели слова: «Нельзя... Не положено... Да что вы вообще...» И по этим обрывкам было ясно, что в острой борьбе решалась их судьба. Наконец благодетельница подошла к ним, вручила паспорта, забранные раньше, и пожелала счастливого пути. Едва сдерживая радость, Соня искренне, от всего сердца, поблагодарила женщину; та буркнула что-то устало и быстро удалилась. Мужчина в милицейском костюме, который утром советовал Соне обратиться к администратору, улыбаясь, спросил: «Ну что, летите?» И добавил, обращаясь к мужу: «Ваша жена молодец, спокойная. А вот товарищ полковник психова-а-л...»

И даже теперь Соня боялась, что в самый последний момент произойдет что-нибудь непредвиденное и помешает им улететь. И только когда самолёт был уже в воздухе, она, наконец, расслабилась. И на мгновение почувствовала себя счастливой. «Слава Богу, летим». Она с удовлетворением думала о том, как ловко провела «операцию». Значит, кое-что может в жизни, и вообще – молодец. И где-то, на самом донышке души, шевельнулось: «Правильно ли поступила?» Трезвый голос ответил: «А что было делать?» Но тут опять внутри заскребло, заныло. И перед глазами встал тот момент, когда она благодарила начальницу. Благодарность получилась уж слишком искренней. И Соня вспомнила, как было неловко, да и начальница, похоже, не испытывала ничего хорошего от содеянного. Человек помог людям в беде. Казалось бы, сделал доброе дело и сердце должно ликовать от радости. Но отчего, отчего такая тяжесть на душе?.. Зато летим!

Куда летим?..

1988 г.

В ожидании счастья

Тёплый вечер. Мелодия перекликающихся колёс. Молодые распахнутые лица, смешные мальчишки, сопствующиеся в красноречии. А ей всего семнадцать, и впереди прекрасная жизнь и большие чувства. У неё всё, всё ещё впереди.

Чуть поодаль нежная струящаяся синь его добрых грустных глаз. В них что-то такое, от чего у неё сладко сжимается сердце... И хорошо, так хорошо на душе! В её груди будто горит свеча. И вся она светится. Ни слова, ни единого слова между ними... Но отчего же, отчего переполненный душный вагон кажется необитаемым островом, где только он и она? Бесконечно длинный путь, внезапно превратившийся в миг...

Остановка. Её чемодан в его руке. Озадаченные лица мальчишек. Перрон. Несколько ничего не значащих фраз.

— Вы на каникулы?

— Да.

А в глазах неосознанное до конца: «Я влюблён. Я не хочу тебя терять» «И я! Хочу быть с тобой».

Долгий, неотрывный как поцелуй, взгляд. Поезд тронулся. Он как-то потерянно обернулся на набиравшую скорость машину, вскочил на подножку, не перевставая глядеть в девичьи глаза... Она, словно оцепенев, неподвижно стояла на одном месте, улыбаясь уголками губ. Беспричинная, тихая радость всё ещё не покидала её. Но вдруг отчего-то защемило сердце, будто кто-то невидимый сдавил его своею тяжёлой рукой.

Ритмично стучали колёса, шумно спешили мимо вагоны. И не остановить, не удержать...

Замуж по расчёту или Хочу быть богатой и счастливой

— Вот это мужик! — сказала она, уставившись в экран, хотя ничего необычного там не происходило. По местному каналу показывали интервью с кем-то из «нефтяных королей». Вера не знала, кто он, но сразу почувствовала — это её мужчина. Она влюбилась в него с первого взгляда. И её не смущал его возраст — на вид ему было лет сорок, а то и больше. Может, он выглядел старше своих лет из-за седины, оттеняющей загорелое лицо, в котором была какая-то притягательная сила, оно казалось добрым и одновременно мужественным. Тонкие губы говорили о строгом характере. Но самыми необыкновенными были глаза: синие-синие. И голос его проникал в самую душу.

Вера дежурила на вахте общежития целый день, а вечером её сменила напарница, женщина уже в годах. Вера умылась, переоделась, подкрасила губы бледной помадой и отправилась на очередное заседание литературного объединения «Северный огонёк», где собиралось много интересных людей. Стихи, отданные на общий суд, безжалостно громились, разбирались по «косточкам», по слову. И Вере всегда было безумно интересно вариться в этом кotle. Досталось и ей, когда однажды ради смеха принесла «перлы», сотворённые ещё в юные годы. После она стихов не писала, поняв, что Ахматовой из неё всё равно не получится. Ахматовой надо родиться. Поэт вообще явление в природе нечастое. Сегодня Вера в обсуждении участия не принимала, сидела тихо, задумчиво глядя в пустоту. В Сургуте она уже несколько месяцев, а к своей мечте — стать богатой и счастливой — не приблизилась ни на шаг, даже, наоборот, отдалась от неё. Может, это временно, прямо как у Ленина: «шаг вперёд, два назад». Фу ты, отмахнулась Вера от своих мыслей, стихами заговорила, опять, что ли, на сочинительство потянуло. Она усмехнулась. И

снова принялась размышлять. Может, зря всё затеяла. Но тут же мысленно отчитала себя. В Сургут Вера Темникова приехала в декабре, когда стояли сорокаградусные морозы. Выйдя из вагона, она превратилась в снегурку, хотя стужа сибирячке с Алтая не в диковинку. Сплошной туман скрывал очертания города, который в первые дни казался Вере замком Снежной королевы – холодным и негостеприимным. Помыкалась девушка по учреждениям в поисках места по специальности, но ничего подходящего не нашла. «Юристы без прописки» не требовались. Жить было негде, деньги заканчивались. И тогда она устроилась вахтёром в общежитие, которое располагалось в небольшом посёлке, недалеко от железнодорожного вокзала. В этом общежитии она прописалась и получила комнату, где жила, изредка делая вылазки в город.

Весна проскочила незаметно, будто ее и не было вовсе. Солнечные лучи прокрались сквозь облака к Сургуту где-то к концу апреля и, словно искупая вину перед людьми, стали жарить что было сил, но их надолго не хватило. Чуть было обмякший и потёкший снег подёрнулся ледком. Опять повеяло холодом. Верина напарница Валентина Ивановна объяснила, что теперь тепла не жди, пока не пройдет ледоход. Уже май дошел до половины своего пути, а на деревьях даже почки не набухли. Вера не без грусти вспоминала, что на Алтае в это время зелёным морем переливается листва, и черёмуха набирает цвет. Наконец, в двадцатых числах последнего месяца весны, солнце опять пробилось сквозь мрак и устроило настоящее веселье. Снег мгновенно растёкся ручьями. И, казалось, за одну ночь на деревьях проклонулись листья, а через пару дней они уже распустились. На пороге лето, пора действовать, решила Вера. И буду репортёром, сказала она себе. И перед её взором встал образ мужчины, которого она случайно увидела по телевизору. Девушка представила себе, как она берёт у него интервью. С этого должно начаться их знакомство.

На следующий день Вера отправилась в одну из местных телекомпаний. «Если ты красива и умна, то

можешь покорить весь мир», — вспомнила она слова приятельницы, подбадривая себя. А Вера действительно обладала на редкость счастливой внешностью. Стойкая точёная фигурка, зелёные, слегка раскосые глаза и длинные медово-золотистые волосы делали Веру просто неотразимой. Её можно было бы считать эталоном красоты, если бы не слегка вздёрнутый нос и чуть выдающиеся вперёд скулы. Впрочем, этот маленький недостаток с лихвой окупался природным обаянием. А вот из-за стремительности движений и сосредоточенного выражения лица окружающим она порой казалась надменной.

1

Детство Веры нельзя назвать безоблачным. Она никогда не видела своего отца. Мать родила её от человека, который остался в своей семье, и прекратил всякие отношения с любовницей почти сразу же, как узнал, что та беременна. Эмма Темникова была ещё совсем молодая и очень хотела устроить свою жизнь. Чуть только дочка подросла, мать отправила её к прабабушке в деревню. Поначалу Эмма ещё наведывалась к семидесятилетней бабе Дуне, навещала девочку, всякий раз привозя ей подарки. А потом уехала куда-то на заработки на Крайний Север и больше не появилась. Баба Дуня воспитывала правнучку одна. Была она строгой, но за внешней суровостью пряталось добре, многострадальное сердце. И в Vere она души не чаяла. Жалела сироту, но виду не показывала. Иногда лишь смакнёт слезу украдкой, глядя на озорное, светлолицее дитя. Бабушка думала: сколько же ещё испытаний приготовила ей судьба? Ведь вырастила уже одну сиротинушку, так нет, свалилась на старости лет новая беда, в свои немалые годы она должна была нести ответственность за крошечное существо — и это при живой-то матери. Баба Дуня не тяготилась возложенным на неё судбою временем, она молила Бога лишь о том, чтобы хватило сил и отпущенного времени вырастить правнучку. И жалела бледненькую девочку,

сердечко которой тосковало по беспутной, как думала иногда бабушка, матери...

Она вздыхала, и лицо её становилось словно каменным. Наталья, единственная дочь, родная кровинушка, умерла при родах, оставив грудную кроху на руках Евдокии. Вынужчила, поставила на ноги. Умненькая, кроткая Эмма, окончив десятилетку, уехала в город поступать в педагогический институт. Все экзамены сдала, да не прошла по конкурсу. Но домой так и не вернулась, осталась в городе. Устроилась работать на химкомбинат. На следующий год она без труда поступила в технический вуз, где был недобор... Не повезло девке, спуталась с женатым мужиком, который бросил её и не хотел признавать ребёнка. Эмма очень хотела доучиться в институте и получить профессию инженера, а потому оставила Веру бабе Дуне, а сама упорхнула, словно птица, как оказалось – навсегда, в далёкие края искать своё счастье.

Бабушка называла Веру доченькой, Русей, а иногда – лучиком солнечным. И жили они душа в душу. Особой нужды не испытывали. Покушать всегда у них было, хоть пенсия и маленькая, да руки на что. Не зря говорят: лето зиму кормит. Баба Дуня выращивала в своём огороде картофель, огурцы с помидорами, капусту, морковь со свёклой, и даже арбузы. Всё засаливалось в бочках, на зиму бабушкиных запасов хватало с лихвой. Плюс дары леса – грибы да ягоды! И корову баба Дуня держала, и поросят, и куры у неё в хозяйстве имелись. Без мужикаправлялась, жилистая была, дюжая. Так что, не голодали. Да и время ещё такое было, когда все примерно одинаково жили. И в школе ценили за ум и человеческие качества, а не за толстый кошелёк и красивый наряд.

Вера росла, как в поле трава. Своенравная была девочка, умеющая за себя постоять. Бабушка приучала её к труду, и ненавязчиво пыталась объяснить, что к учёбе, как и ко всякому делу, надо относиться со всей серьёзностью. Учить уроки Вера не любила, делала до машние задания левой ногой. А вот читала запоем. Обожала танцевать. С малых лет мечтала стать доктором.

Лечила всех – от кошек и собак до своей бабушки, делала ей разные примочки, ставила горчичники, поила травяными настоями, баба Дуня не возражала. Окончив школу, Вера неожиданно для всех поступила на юридический факультет в Алтайский университет. В тот год ещё не надо было платить деньги за обучение. Но началась перестройка, и всё перевернулось вверх дном. К концу пятого курса Вера уже поняла, что в жизни надо, во что бы то ни стало, карабкаться наверх, надо иметь деньги, чтобы никто не посмел тобой помыкать. Как этого достичь, она пока не знала. После окончания университета Вера помыкалась несколько лет в захолустном алтайском городишке и решила податься на север, в Сургут – город, который репортёр центрального телевидения назвал оазисом благополучия. Именно здесь и решила девушка осуществить свои мечты. Она станет богатой и счастливой. К тому времени ничто не могло удержать её на месте. Любимую бабушку уже похоронила. Узнав, что парень, с которым встречалась, изменил ей, рассталась с ним, как отрезала.

2

Телестудия располагалась в девятиэтажном здании. Внизу сидела вахтёра, очень полная женщина с колючими маленькими глазками на заплывшем жиром лице. Она строго глядела из-под очков на Веру.

- Куда? – спросила она недружелюбно.
- На телестудию, – оробела вдруг девушка.
- Пропуск! – потребовала вахтёра.
- У меня нет, – тихо промямлила Вера.
- Без пропуска пущать не велено.

Вера до того растерялась, что осталась стоять на месте, переминаясь с ноги на ногу.

- Мне бы только с директором поговорить...
- А вы договаривались?
- Нет.
- Тогда уходи отсюда, не мешай людям работать, – ледяным голосом отрезала тётка. Она казалась неприступной, как скала. Вера поняла, что бесполезно взы-

вать к жалости вахтёра, к сочувствию. Это всё равно, что разговаривать со шкафом или с автоответчиком. Отойдя к окну, девушка задумалась. Прежде всего, ей надо освободиться от комплекса неполноценности, только что навязанного непробиваемой тёткой. Во-вторых, у неё есть цель и она должна её достичь. Во что бы то ни стало. Ну, где же ваши актёрские способности, Вера Ивановна? В университете она участвовала в постановках студенческого драматического кружка. И надо сказать, ей это очень нравилось.

Распахнулись входные двери, с улицы ввалилась шумная ватага. Воспользовавшись тем, что вахтёра увлечённо кричала что-то в трубку и смотрела «мимо» толпы, Вера затесалась в середину весёлой компании и зашла в лифт. И только тут у своих случайных попутчиков узнала, что студия находится на восьмом этаже. Выйдя из лифта, девушка огляделась. Обычный длинный коридор с грязным обшарпанным линолеумом показался ей страшно неуютным.

— Извините, — остановила Вера худенького паренька, пробегавшего мимо, — где можно найти директора телекомпании?

— Прямо по коридору. Последняя дверь справа.

— Спасибо.

Она повернулась и тут же налетела на взъерошенного человека с кучей бумаг в руках. Бумаги разлетелись по полу.

— Простите, пожалуйста! Я не...

— О Боже! — простонал незнакомец, согнувшись.

— Честное слово, я нечаянно! Сейчас помогу.

— Смотреть надо, куда идёте! — рявкнул он. — Не нужна мне ваша помощь. — Мужчина пронзил недотёпу негодующим взглядом.

Девушка пожала плечами — не хотите, как хотите — и отправилась искать кабинет директора. Она заглянула в открытую дверь с нужной табличкой. Внутри никого не было. Вера тихонько вошла и села на стул.

Вскоре послышались торопливые шаги, и на пороге появился... человек, который ей только что нагрубил. Нет, только не это.

— Что вы здесь делаете? — его глаза сощурились, и длинный нос, казалось, слегка скривился. Он смотрел на неё с неприязнью.

— Я... Я жду директора.

— И что же вам от меня нужно? — тупо уставился на неё обидчик.

— Я — Вера Темникова...

— А я — Виктор Петрович Азаров. Что с того?

— Я хочу у вас работать.

— Да?! И кем же, позвольте спросить?

— Репортёром, — твёрдо сказала Вера, сумевшая взять себя в руки. — Могу и ведущей...

— И у вас есть для этого какие-то основания? Вы уже где-то работали? Что-нибудь закончили? — иронично сыпал вопросами раздражённый директор, каким-то непостижимым для Веры образом угадавший, что к телевидению она никакого отношения не имела, и иметь не могла по определению.

— Нет, — гордо произнесла девушка. Она не стала рассказывать о том, что ещё в студенческие годы выпускала самостоятельно радиогазету, что занималась в драмкружке. Вера понимала, что эти факты из её биографии вряд ли смогут расположить к ней грозного директора.

Обидчик открыл было рот, чтобы выпроводить её, но в этот момент в кабинет ворвалась крашеная блондинка средних лет, следом за которой втиснулся высоченный молоденький оператор с кинокамерой в руках.

— Я не могу так работать, — с порога завопила слегка помятая блондинка недовольным голосом. — Он отказался со мной разговаривать. Выставил нас, как последних... бомжей...

— Что?! — взревел директор. — Вот старый козёл! Ладно, Света, успокойся, выпей водички, — утешал он сотрудницу, немного погодя. Взгляд его случайно упал на Вера. А она ничего, эффектная барышня, и, как видно, с характером, подумал он. Дам ей шанс. Хотя и ежу понятно, что ничего из этого не выйдет, затри мне хлопот меньше. И, пряча злорадную усмешку; Виктор

Петрович произнёс, как приговор: – Вот тебе, Вера Темникова, первое боевое задание. Справишься – останешься. Нет – не обессудь.

– Опять явились?! – не скрывая своей неприязни, воскликнул полный седой человек с красным от злости лицом. И твёрдым голосом с заученной интонацией стал отчитывать Веру, как нашкодившую девчонку.

– Я же вам ясным языком сказал, что не хочу иметь с вами никаких дел. Знаю я вас, журналюг! Напишут чёрте что, наснимают, а потом честным людям краснеть приходится. И всё ведь ложь сплошная. И откуда только придумывают сюжеты свои...

Вера внимательно слушала, не прерывая оратора. Воодушевлённый молчанием девушки, Леонид Степанович Грузин, директор одного из профессиональных учебных заведений, несколько смягчившись, говорил не переставая. О тяжёлом положении в стране, о плохом финансировании образовательных учреждений... Вера где-то поддакивала, в каких-то местах глаза её наполнялись сочувствием. Признаться, ей даже симпатичен был этот пожилой человек, замотанный должностными обязанностями.

– Леонид Степанович, знаете, мы ведь просто хотим рассказать о ваших студентах, преподавателях, о том, как в таких условиях вы живёте и готовите хороших специалистов для предприятий. Ничего плохого в передаче не будет, только то, о чём вы сами захотите сказать. И готовый сюжет вы можете посмотреть. Если что-то не понравится – уберём.

Их беседа протекала в доверительном русле. Оператор Женя включил кинокамеру. Вера задавала простые вопросы, а Грузин отвечал на них, немного волнуясь перед объективом. Потом он провёл гостей по зданию, удалось застать студентов в аудиториях во время учебного процесса и задать им несколько вопросов. Передача получилась.

– Ну что ж, для начала неплохо, – скромно похвалил обескураженный директор телекомпании.

Веру приняли на работу. И дни помчались вскачь, словно верховые лошади, подгоняя один другого. Еже-

дневно приходилось освещать несколько событий, съёмочная группа выезжала на разные мероприятия, после которых сразу же надо было отписаться, то есть сочинить текст к видеоряду, а к вечеру смонтировать и озвучить каждый сюжет. Иногда Вера выступала и в роли ведущей, что ей было мало интересно. Читать чужой текст – это не для неё. Поначалу у девушки глаза блестели от радости. Но постепенно в ней копилась усталость. Целый день – с утра до позднего вечера (иногда монтировать приходилось и ночью) – крутилась как белка в колесе. И на то, чтобы остановиться, осмыслить что-то, не было времени. Сюжеты выдавались «на гора» тоннами. И никакой личной жизни. Она едва успевала добраться до постели, тут же валилась с ног и спала как убитая, без всяких сновидений до самого утра.

3

Между съёмками Вера заскочила в фирменный магазин «Океан», купила кефир, колбасу и булочки для всей съёмочной бригады, – пообедать не успели, а сегодня ещё предстояло много работы. Когда она выходила из двери, на неё наскоцил молодой человек, продукты упали на пол. Она и охнуть не успела, как он, извинившись, всё поднял. Поблагодарила, отметив про себя: до чего ж красивые глаза у парня, чёрные, в густых длинных ресницах. И поспешила дальше.

– Девушка! – окликнул он, догоняя её. – Я вас где-то видел!

– Не самый оригинальный способ знакомства, – бросила она на ходу, не сбавляя шаг.

– Погодите! – попросил он каким-то жалобным голосом, встав у неё на пути. – Если я сейчас вас упущу, никогда не прощу себе этого. Сургут – город небольшой, конечно, но где мне вас искать?! А я боюсь потерять вас. Вы... Вы свободны сегодня вечером? Я хочу пригласить вас в очень уютное кафе. Не подумайте ничего плохого. Я просто хочу угостить вас пивом.

– Я не люблю пива.

– Ну, немного вина.

– Я не...

— Ну, просто посидим, там музыка хорошая, — парень был таким трогательным и таким просительным был взгляд его бархатных глаз, что Вера колебалась. Он казался ей слишком молодым. Почувствовав сомнения девушки, он перешёл в атаку.

— Я буду ждать вас на этом самом месте, с восьми до девяти вечера! — произнёс он с надеждою в голосе. — Меня зовут Руслан.

Руслан с наслаждением пил пиво. Вера лишь пригубила бокал красного вина. А больше и не нужно. Ей и так было тепло и спокойно в этом уютном уголке. Парень как-то совсем уж по-детски радовался тому, что она пришла на свидание. И это её забавляло.

— Я хочу вам сказать, Вера, — произнёс Руслан, чуть наклонившись вперёд. — Вы мне очень нравитесь. С той самой минуты, когда я увидел вас. Нет, я не влюблён. Просто вы такая... Мне с вами хорошо. Я, наверное, что-то не то говорю... — Он казался смущённым.

— Вы мне тоже нравитесь, — сказала она. — Вы такой молоденький, вам можно дать не больше восемнадцати.

— Но мне — двадцать один!

— А мне — тридцать с хвостиком.

— Не может быть! — изумлённо воскликнул он. — Вы знаете, что выглядите намного моложе?

— Да, мне говорили. И многих этим ввожу в заблуждение, — грустно улыбнулась она. — Ко мне всегда kleяются подростки.

— Ну, мне-то совершенно всё равно, сколько вам лет, — пробурчал Руслан, нахмурившись.

Как ни странно, Вере нравилось сидеть в кафе с этим милым юношей, слушать его, болтать с ним на отвлечённые темы. Он был приятным собеседником и внимательным кавалером. Они просидели в этом кафешке до самого закрытия, а потом он проводил её домой. Возвращаясь со свидания, он подумал о том, что ещё никогда ни с одной девушкой на свете ему не было так хорошо. Он вспомнил её запах — прохладный и чистый. Так пахнет море.

* * *

Руслан уже около часу поджидал Веру возле выхода из студии. Была ранняя осень, но веяло прохладой. Юноша поднял ворот осеннего пальто, зябко побежался, задрав голову вверх, посмотрел на окна восьмого этажа. Порыв прохладного ветра взъерошил его чёрные волосы. И в этот момент сзади неслышно подошла Вера и закрыла ему глаза. Он взял её руки и медленно повернулся к ней. Руслан усадил девушку на пассажирское сиденье автомобиля «Жигули», закрыл дверцу, плюхнулся рядом и, включив зажигание, понёсся по шоссе. За всё это время они не сказали друг другу ни слова.

За городом он свернул с дороги и остановился.

— Я думал о вас всю неделю. Вы мне снитесь каждую ночь, — прошептал он, наклонившись к ней. Хотя встречались они уже около двух месяцев, Руслан, по-прежнему, обращался к ней на «вы».

Она протянула руку и погладила его шею. Он поцеловал девушку. Её губы пахли губной помадой, они были влажные, податливые.

— У тебя красивые руки, — сказала она, — мужские... Мне с тобой тепло.

Эти слова были банальны и совсем не вязались с тем, что произошло вскоре в сосновом лесу, но они запомнились юноше надолго. Одурачивающий запах багульника... В пору сойти с ума... Это был чудесный вечер. После они встречались в тёплых уютных местечках. У Руслана были друзья, всегда готовые прийти на помощь даже в таком деликатном деле.

* * *

— Какой ты тёплый! — воскликнула Вера. — Как одеяло! Я всегда хотела бы спать с тобой холодными ногами.

— Я не дал бы тебе заснуть! Если бы ты и вправду согласилась со мной спать... всю жизнь...

Она рассмеялась.

— Возможно ли это, мальчик мой?!

— У меня ещё никогда не было так, как с тобой, — признался он.

— И у меня.

Затем, помолчав, добавила:

— Смотри, не влюбись в меня, Руслан. Ни к чему хорошему это не приведёт. Я ведь намного старше тебя. Останемся просто друзьями. Хорошо?

4

Разыскивать свою мать Вера начала давно, с тех самых пор, когда умерла бабушка. Вера в то время училась на последнем курсе университета. Она знала, что Эмма Темникова жила где-то на Севере, и сделала запросы в разные города, но отовсюду приходил один и тот же ответ: не проживает. Мать, наверное, вышла замуж и сменила фамилию, или переехала куда-нибудь, размышляла Вера. Дальнейшие поиски казались бесмысленными, и она их прекратила. Неожиданно мать объявилась сама. Вернее, до Веры дошла весточка о ней от бывшей деревенской соседки тёти Дуси, у которой девушка остановилась, когда навещала бабушкину могилу. Соседка сообщила, что Эмма прислала письмо бабе Дуне, которой уже не было в живых. Она написала, что живёт в Салехарде с мужем — Василием Ромашко — и двумя детьми.

О письме Вера узнала с опозданием на два года. И выехать сразу не смогла, — дела задержали. Лишь через несколько месяцев после получения радостной вести, заработав отгулы, она отправилась на встречу с матерью.

Дом барабанного типа смотрел на Вера подслеповатыми оконцами неприветливо. Она вошла в средний подъезд, осторожно ступая по неровным подгнившим доскам, и сразу же на неё пахнуло сыростью. Найдя нужную квартиру, Вера остановилась, набрала полную грудь воздуха и, выдохнув его, решительно нажала на кнопку. Раздался резкий неприятный звонок. Но никакого ответа не последовало. Подождав немного, Вера снова позвонила. Дверь осторожно приоткрылась. От-

туда выглянула пожилая женщина и испуганно спросила:

— Вам кого?

— А Ромашко здесь живут? — растерялась девушка.

— Мне Эмму Глебовну.

Хмурая старушка строго вглядывалась в незнакомку глубоко посаженными глазами. И вдруг, всплеснув руками, пробормотала: «Ах, Боже ты мой!» После чего широко распахнула двери.

— Проходи, милая. Проходи... Ты, наверное, дочка Эммы-то будешь, старшенькая, — предположила она, пропуская нечаянную гостью вперёд. — Ты на мать похожа. Располагайся. Меня тёткой Натальей зовут. Снимай пальто, присаживайся к столу. Я сейчас тебя чайком напою.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — попросила Вера. Но женщина её не слушала. Словно на скатерти-самобранке появились перед гостьей оладьи, печенье, каремельки. Хозяйка суетилась, собирая на стол. Она налила в чайник воды, поставила его на электрическую плиту. Положила на тарелку рассыпчатый варёный картофель, солёные огурчики, маринованные грибы.

— Поешь, дочка, — пригласила она. — Небось, проголодалась с дороги-то.

— Спасибо, я не хочу, — отказалась Вера.

— Ты старуху-то не обижай. Ешь, — приказала она.

— Потом поговорим. Сытый голодному не товарищ.

Чай пили вместе с тёткой Натальей. Потом перебрались в зал. Хозяйка усадила Веру на диван, сама присела на стул возле круглого стола, застеленного скатертью.

— Мы много лет по соседству жили с твоей мамой, — начала свой рассказ издалека тётка Наталья. — Она добрая была очень... Всем помогала. И о тебе часто вспоминала, душу, рвала на части. Хотела забрать к себе. Да куда?! Две комнатёнки эти. И мужик её Васька не подарок был, выпить любил, и кулаками помахать... Эмма, бедная, собираёт, бывало, ребятишек, и ко мне. Он стучит-стучит, а я не открывала...

Этот глагол «была» острой болью отзывался в сердце девушки. Вера словно сквозь туман смотрела на ста-рушку и не слышала её. Напрягшись, как перед прыжком в воду, она тихо спросила:

— А где сейчас моя мама?

— Уже почти год, как умерла касатушка. Оставила детей сиротинушками...

Из глаз Веры полились тихие слёзы. Она смахивала их тыльной стороной руки, не в силах остановиться.

— Ты поплачь, поплачь, девонька, — пожалела её новая знакомая, — легче станет. — И подошла, и прижала к своей груди. Вера зарыдала в полный голос, что не случалось с ней с самого детства. Она часто вспоминала грустные глаза матери при прощании, её ласковые руки. Она чувствовала материнскую любовь, но не могла понять своим детским умом, почему мама её бросила, забыла о ней. И позже, став уже взрослой, долго не могла простить предательства матери, потому что любила её. Любила и ненавидела одновременно. Теперь она горько жалела, что не встретилась с матерью, не попросила прощения. Опоздала...

Слёзы притупили боль. Тётка Наталья сводила её к могиле матери, недалеко был похоронен и отчим, которого Вера никогда не видела. Обе могилы ухоженные, соседка проведала, не забывала. Наталья рассказала, что Василий попал в аварию два года назад, сел за руль в нетрезвом состоянии. А Эмма надорвалась, не выдержало сердце. Много работала, двоих ребятишек поднимать надо было. Да и муж: попортил ей кровушку. Эмма ушла из этого мира тихо, как и жила, никого не беспокоя. Уснула вечером и не проснулась. А детей забрали в интернат. Как ни просила Наталья оставить сироток у неё, не пошли ей навстречу, сказали, стара, для воспитания не пригодна.

Девочки протиснулись в двери, держась за руки: маленькая черноволосая впереди, а за нею — светленькая, она была на голову выше сестры. Они замерли у порога, глядя на Вера во все глаза. И вдруг пятилетняя Сашка с криком «Мамочка!» бросилась к Вере и, об-

хватив её за ноги, прижалась к ней. Вера обняла мальшку.

— Почему ты так долго не приходила?

— Я не могла, у меня было много работы, — сказала Вера, проглатывая горький ком.

— А ты не бросишь нас больше?

— Не брошу.

— Обещаешь?!

— Обещаю.

— Честное-пречестное?

— Да.

Алёна так и стояла у порога, хмуро наблюдая за происходящим. Ей было семь лет, она считала себя взрослой, и чувствовала ответственность за сестру.

— Подойди поближе, не бойся, — подтолкнула воспитанницу директор интерната.

Вера обняла Алёну, поцеловала в щёку.

— Ты не наша мама, — сказала девочка. — Наша мама умерла.

— Нет! Нет! Нет! — закричала в истерике Сашенька и начала молотить по сестре кулаками. — Ты злая, злая. Я не буду с тобой играть...

Вера взяла мальшку на руки, стала успокаивать. Вынула из сумки купленные в магазине подарки: две большие куклы в нарядных платьицах, шоколадные конфеты «Мишка на Севере» и апельсины. Сашка быстро успокоилась. Набила рот конфетами и сразу же начала играть с куклой. Алёна по-прежнему молча стояла, прижав игрушку к себе. Улучив момент, Вера сказала ей потихоньку, что она им с Сашей родная сестра. И пообещала обязательно забрать их отсюда.

Но для этого необходимо оформить кое-какие документы, придётся немного подождать. Сашка сразу поверила и согласилась ждать, Алёна смотрела недоверчиво.

За всё время после первой встречи Вера наведывалась в интернат несколько раз. Останавливалась, как правило, у тётки Натальи, куда забирала и девочек на целые сутки. Она гуляла с ними, катала их на санках или каруселях — в зависимости от времени года, поку-

пала разные вкусности. Им было интересно друг с другом, они много смеялись, и даже неулыбчивая поначалу Алёна оттаяла, повеселела. Вечером, поужинав, они втроём укладывались на разложенный диван, и Вера читала сказки перед сном. А Наталья прислушивалась к тихим звукам и думала, что теперь и помереть не страшно. Пожилая женщина сильно привязалась к чужим, по сути, детям, жалела их. Сейчас она была спокойна, видя, что сиротки не останутся одни на белом свете. У них есть Вера, которая сумеет заменить им мать.

S

Вера и словом не обмолвилась с Русланом ни о том, что нашла сестрёнок, ни о том, что навещает их и хочет удочерить. Но, несмотря на эти события, они продолжали встречаться, выкраивая кусочки свободного времени, которого катастрофически не хватало. Вера в последнее время много работала, Руслан, учась на последнем курсе института, всерьёз занялся дипломной работой. Он хорошо разбирался в компьютерах и вообще в любой технике. Вера и Руслан ходили в бары, рестораны, кафе, в кино. Или просто гуляли по улицам. Друзья юноши относились к его девушке тепло, уважая чувства друга, и даже завидовали ему, замечая, каким счастьем светятся его глаза... Влюблённые могли часами разговаривать о чём угодно, но и просто молчать друг с другом им было приятно.

— Ты такая красивая! Ты... У меня не хватает слов, чтобы это выразить, — сказал Руслан, с восторгом глядя на Веру.

— Неужели? — лукаво произнесла она. — Такая старая женщина, как я?

— Мне неприятно, что ты говоришь со мной как с мало-леткой... Я люблю тебя, Вера!

Её зелёные глаза светились нежной усмешкой. Тонкими руками она обхватила его голову и притянула к себе.

— Тихо, тихо! — успокаивала она возлюбленного. — Ты очень славный. Мне с тобой хорошо.

Вера думала, что действительно сильно привязалась к этому красивому мальчику. Но она давала себе отчёт в том, что у них нет будущего. И не только потому, что он слишком молод для неё. А потому что теперь она несла ответственность за своих сестёр, которых никогда не бросит. Ношу, взятую на себя добровольно, Вера не могла переложить на плечи Руслана, который, по сути, сам ещё мальчишка. И она беззвучно заплакала, прижав его голову к своей груди.

6

Репортёрская жизнь вымотала Веру до основания. Она чувствовала себя выжатой губкой. Больше не было никаких сил. Разговор с Азаровым, директором телекомпании, был коротким, но не скандальным, чего опасалась девушка.

— Виктор Петрович, я ухожу от вас.

— Как уходишь? — выпучил он изумлённые глаза. — Куда? И почему? Ведь из тебя кое-что начало получаться. Я хотел доверить тебе молодёжную программу. Ты устала?! Так сходи в творческий отпуск. И всё перемелется.

— Я вам очень благодарна за всё, Виктор Петрович! Но я хочу попробовать себя на новом поприще.

— Каком, если не секрет?

— Хочу работать в газете.

— Ну что ж, — устало обронил директор. — Жаль, конечно. Но ты не теряйся. Захочешь вернуться, приму.

— Спасибо. И до свидания!

— Пока-пока.

Первый рабочий день в редакции популярной ведомственной газеты показался Вере Темниковой бесконечно длинным. Неторопливый ритм еженедельника был непривычен. Она разбирала стол от бумажного зала, готовила себе рабочее место, пила чай, общалась с новыми сотрудниками.

— Я как-то неловко себя чувствую, — сказала она редактору Любови Ивановне Сметаниной, смущённо улыбаясь. — Все работают, а я бездельничаю.

— Подожди ещё, — ободрила та, — наверстаешь. Всё нормально.

После обеда в редакцию впорхнула необыкновенно радостная импозантного вида светловолосая женщина.

— Вы наша новая сотрудница, Вера? Можно, я буду называть тебя по имени? И давай будем на «ты», — зашебетала она доброжелательно. — Меня зовут Люда. Я только что была на «деловой игре». О! Это так здорово! Но рассказать словами невозможно. В этом надо участвовать. Иначе ничего непонятно.

Вскоре Вера подружилась с Людмилой и с другими коллегами. Первая её статья оказалась проблемной. Она выслушала обе конфликтующие стороны и попыталась подойти к проблеме объективно, что сделать было нелегко. Но она справилась. Позже темы сами шли ей в руки. Как-то, совершенно случайно, Веру занесло к народной целительнице. Журналистка хотела сделать интересный репортаж, но попала в неурочный час: та собирала вещи, поскольку на следующий день отбывала в Польшу. Беседы не получилось. Целительница со злостью говорила, что уезжает, потому что тут плохие руководители, которые не дают возможности лечить людей, не предоставляют помещение для этой цели, запрещают заниматься целительской деятельностью. Особенно чернила она мэра. Вера, принимая всё близко к сердцу, удивлялась чёрствости людей, стоящих у власти. В результате родилась проблемная статья. Коллеги хвалили за удачу. Экстрасенса отправилась в Польшу, статья — в набор. Вскоре случилось журналистское собрание, на котором мэр в конце приветственной речи с горечью заметил, что для иных журналистов мэрия является урной для мусора, куда они норовят плюнуть. Причём очерняют, даже не проверив факты. Эти слова, будто ножом по сердцу, резанули Веру. Едва закончилось собрание, она решительно направилась в здание городской администрации, прошла в приёмную и сказала секретарю, что ей необходимо срочно поговорить с мэром, что это очень важно. Но та ответила, что у него совещание. Промедление смерти по-

добно, пока не поздно, пока ещё, может быть, можно спасти положение, надо действовать, подумала Вера. И решительно открыла дверь. Не ожидавшая подобной наглости секретарша ничего не успела предпринять.

В просторном кабинете по обе стороны длинного стола сидели мужчины в пиджаках и галстуках. Они опешили от изумления, увидев на пороге симпатичную девушку в джинсовом костюме, с огромными серёгами-кольцами в ушах. Вера тоже на мгновение растерялась, но, быстро собрав себя в охапку, решительно бросилась вперёд.

— Извините! Но это очень важно! Иван Васильевич! Мне срочно нужно с вами поговорить. Это касается... вас.

Озадаченный мэр кивнул коллегам, мол, в общем-то, вопросы уже рассмотрены, и все стали расходиться, с любопытством оглядывая необычную посетительницу. Вера рассказала о своей встрече с целительницей, о её претензиях к властям. Мэр тяжело вздохнул и с горечью произнёс:

— Вот ведь люди! До чего неблагодарные! Мы и помещение предлагали. И ни в одной просьбе не отказали. Я лично ею занимался...

Он привёл массу примеров, которые готов был подтвердить документально. Вера сообщила, что написала статью и она уже в печати. Извинилась и сказала, что поедет в типографию и, если успеет, попробует изъять статью из набора. Но было уже поздно. И статья вышла. Вера страшно переживала. Ещё и потому, что позже, не раз слушая выступления мэра, — а говорил он умно, с юмором, — всё больше убеждалась в том, что человек он интересный и, должно быть, порядочный.

Часто Вере приходилось делать репортажи с места событий. В отличие от телевидения, здесь надо было «нарисовать» картинку, заменив ею видеоряд, чтобы читателю было интересно, чтобы он мог представить, как это всё, на самом деле, происходило. Были и серьёзные статьи, а позже и заказные материалы. Вера «заказухи» не любила. Да деваться некуда. Без них зарплата совсем маленькая. Хоть упишись, гонорары

не очень высоки, а на «заказных» можно подзаработать. Вере катастрофически не хватало денег. Между делом она собирала документы для оформления опекунства над сестрами (удочерить ей не разрешили из-за многих причин, одна из которых – отсутствие мужа), не предполагая даже, что процесс этот окажется таким сложным и затянется надолго. Вере пришлось доказывать органам опеки, что она вполне самостоятельная и сможет одна воспитывать двоих детей. А для того, чтобы было куда привезти девочек, она сняла в городе однокомнатную квартиру, плата за которую отнимала львиную долю её основного заработка, так что постоянно приходилось думать о подработках.

В поисках заказных материалов Вера вышла как-то на предприятие, которое скоро отмечало юбилей – довольно круглую дату со дня основания. Договорилась с руководителем о встрече. Они пришли с фотокорреспондентом ровно в назначенное время. Надо было взять интервью, поговорить о достигнутых результатах к юбилейной дате. Руководитель был на хорошем счету. Ходили добрые легенды и о его человеческих качествах. Однако на Веру он произвел неоднозначное впечатление. Его круглые глаза смотрели на девушку колюче, в них не было ни малейшей симпатии, хотя она ему мило улыбалась, призвав на помощь всё своё обаяние. Не может быть, чтобы он совершенно проигнорировал во мне женщину, думала она. Но глаза начальника были пусты, словно у истукана. Вера не привыкла к этому, во взгляде мужчины любого возраста всегда зажигался огонёк, когда тот разговаривал с ней. Даже самые сердитые из них начинали оттавивать. А с Фёдором Ивановичем Кузькиным Вере тяжело было вести беседу, человеческий контакт не налаживался. Она задавала обдуманные заранее вопросы и получала на них исчерпывающие ответы, но даже когда он говорил о предприятии, эмоции его оставались на нуле. И всё же материал получился интересным. Вера захватила с собой газеты с опубликованным интервью и спросила, можно ли сделать ряд платных статей, в связи с юбилеем. Он, в принципе, не возра-

жал, и посоветовал ей обратиться по этому вопросу к своему заместителю по работе с прессой.

Вера позвонила заместителю, сказала, что «шеф» дал «добро», и договорилась о встрече. В назначенный день вместе с фотокорреспондентом Василием Ильиным отправились в одно из подразделений предприятия, где и пробыли целый день, облавив все «углы». Побывали они ещё в одном отделении, и там Вера беседовала и с работниками, и с начальником, который поразил, нет, просто сразил её своей энергией. Он чем-то напомнил ей любимого французского актёра Депардье. Рядом с ним она казалась себе хрупкой и беззащитной, он подавлял её своим напором, и смущал, хотя виду она старалась не показать. Василий сделал множество снимков. Вера с удовольствием писала об этих людях, о том, какая благородная и нужная у них профессия. И статьи получились от души. Хорошие. Она отнесла приличную стопку газет на предприятие и попросила секретаря лично передать несколько экземпляров руководителю, когда тот вернётся из отпуска.

Кузькин появился на работе в середине сентября. Вера сразу же поехала к нему, нужно было подписать договор и счета на оплату заказных материалов.

— Я не буду подписывать, — сказал Кузькин, быстро просмотрев бумаги.

— То есть как? — изумилась Вера. — Работа ведь сделана.

— Какая работа? — заорал начальник, бешено вытащив глаза. — Вы авантюристка! Хотите, чтобы я подписал филькину грамоту, воспользовались моим отсутствием? Что, чёрт побери, вообще всё это значит?! Забирайте свои бумаги и убирайтесь из моего кабинета.

И чем больше он кричал, тем спокойнее становилась Вера. Она призвала на помощь всю свою выдержанку, все свои способности. Важно было любой ценой выбить из этого орущего сумасшедшего мужика те деньги, которые они с фотографом честно заработали. Вере сейчас любая лишняя сумма не помешает, ведь скоро она заберёт своих девочек из интерната. Когда Кузькин замолчал, Вера выдержала большую паузу, как

учил их, самодеятельных артистов, режиссёр. Чем длиннее пауза, тем больше эффект от последующих слов. Затем спокойно и чётко произнесла:

— Мы добросовестно выполнили свою работу. Вы сами дали согласие на юбилейные статьи...

— Я?! Дал согласие?! — завопил опять начальник, прерывая девушку на полуслове. — Да вы самовольно влезли через мою голову. Я не разрешал. Мы с вами говорили только о возможности...

— Перестаньте на меня кричать! — чётко сказала Вера.

И Кузькин вдруг осёкся, будто на него вылили ушат холодной воды. Он недоумённо вытаращил на неё свои и без того круглые глаза.

— Вы сами отправили меня к своему заместителю...

— А-а-а! Так это он разрешил! — Кузькин включил радио и загромыхал туда: — Пётр Петрович! Это ты самовольно водил корреспондентку по объекту?..

— Не смейте впутывать сюда этого милейшего человека, — выпалила девушка. — Вы сами во всём виноваты. — Она замолчала, боясь переиграть. И выбрала новую тактику. — Фёдор Иванович, вы ставите меня в неловкое положение. Я пришла к вам с абсолютной уверенностью в своей правоте. А вы обвиняете меня в мошенничестве, — подпустив к глазам слезу для пущей убедительности, продолжала с дрожью в голосе. — Никто не может упрекнуть меня в бесчестности. У меня, если хотите знать, очень много материалов о самых лучших предприятиях... И ни с одним руководителем не было таких проблем.

Исподволь Вера наблюдала за реакцией противника. Кажется, ей удалось переломить ситуацию в свою пользу.

— Я не читал ваших статей о нашем предприятии, — буркнул он глухим голосом.

— Но как же так, Фёдор Иванович?! — воскликнула журналистка. — Я специально для вас оставила газеты у вашей секретарши...

— Я их не видел.

— Если хотите, я ещё принесу...

— Варвара Михайловна! — рявкнул начальник. И стал разбираться с секретарём, которая подтвердила верность Вериных слов. Кузькин взял бумаги и, нервно подписав, швырнул их Вере. Она, кротко бросив «Спасибо!», терпение грозного босса испытывать не стала. Быстро, что называется, «сделала ноги». Но с этого дня в ней что-то надломилось. Любовь к профессии поубавилась. Девушка размышляла о том, что журналист такой же бесправный человек, как и многие другие в этой стране. Каждый начальник может оскорбить, унизить. И, что касается пресловутой свободы пишущей братии, этот миф тоже развеялся как дым. Журналист — раб того издания, на которое он работает. И объективность его публикаций никак не может выйти за рамки интересов хозяина.

7

День выдался безветренным и тёплым, что приятно удивило сургутян, ведь ещё вчера они кутались в меха. Впрочем, весна самое непредсказуемое время года на Севере, и многие привыкли быстро реагировать на резкую смену погоды. У Веры было хорошее настроение. Уже более трёх месяцев сестрички живут с ней, она забрала их в канун Нового года. Ничего кроме радости от общения с ними Вера не получала. Они такие добрые и... беззащитные. Сашенька так и зовёт её мамой, и Алёна накануне вечером, когда Вера целовала девочек, желая им спокойной ночи, тихо попросила:

— Можно, я тоже буду звать тебя мамой?

— Ну, конечно, родная. — Глаза Веры наполнились слезами счастья.

Вспомнив об этом, Вера улыбнулась. Она шла пешком от самого дома, наслаждаясь прозрачным весенним воздухом, её щёки порозовели от быстрой ходьбы. В редакцию Вера просто впорхнула, скинув с себя кожаное пальто. Прошла в корреспондентскую.

— О! Как от тебя вкусно пахнет! — сказала вместо приветствия Людмила. — Какие духи?

— «Мата Хари».
— Класс! И выглядишь ты потрясно! Витя, посмотри, какая у нас Вера сегодня красивая.

— Она всегда красивая, — сказал тот, отрываясь от письменного стола. — Вера, тебе определённо надо идти на конкурс красавиц. — Он обошёл вокруг девушки, с восхищением оглядывая её.

— Ростом не вышла, — весело рассмеялась Вера. — Мне трёх сантиметров не хватает до стандарта.

— Эх вы, мужики, — махнула рукой с притворным сожалением Людмила. — Такая девка рядом, а вы не замечаете.

— Почему же? — игриво сказал Виктор, не отводя глаз от потока золотых волос. — Мы-то замечаем, да только нас игнорируют.

— Ну, ты же знаешь, Витя, — с улыбкой отмахнулась Вера. — Для меня женатые мужчины НЕ СУЩЕСТВУЮТ.

Именно по этой причине Вера никогда не принимала ухаживания Виктора всерьёз, хотя он был симпатичен ей. С ним было приятно работать, всегда спокойный, внимательный, рассудительный, к тому же талантлив и обладает потрясающим чувством юмора.

— Давайте чайку попьём, а то мне скоро на задание бежать, — предложила Людмила. Она разлила кипяток по чайным чашкам, опустила в них пакетики с заваркой. — Мне предложили «заказуху» о ГРЭСе сделать. А гонорар такой, что я там языком всё вылизать готова...

— Имееешь право, — полуслугтиво произнесла Вера. Она не осуждала подругу, ещё совсем недавно журналистка и сама заказные материалы старалась делать добросовестно, а теперь вообще избегала таких заданий.

— Люся, если не справишься, обращайся ко мне, — предложил Виктор. — Я знаю специфику этого предприятия.

После недолгого чаепития каждый помчался в свою сторону. У Веры до обеда была пресс-конференция, после которой она надеялась выкроить часок для Рус-

ланы. Они теперь виделись значительно реже, урывками. Она много времени уделяла детям. Руслана в свои дела Вера по-прежнему не посвящала, выстроив крепость между ним и своим домом. Редкие встречи объясняла большой загруженностью на работе. Его это не радовало, он мучился, нервничал, ревновал. Успокаивался только в её объятиях. Вера смотрела на него в минуты нежности и размышляла о том, что на ребёнка он вовсе не похож и нянчиться с ним, возможно, не пришлось бы. Несмотря на свой юный возраст, он мужчина. И всё же она понимала, что никогда не посмеет свою жизнь, в которой были теперь дети, связать с его жизнью.

8

— О чём ты задумался, милый? — спросила Вера.

— Я любуюсь тобой! Ты прекрасна! Ты могла бы за-
просто стать фотомоделью. И затмила бы всех моделей
в мире!

Позже он часто вспоминал, что именно с этой дурацкой фразы всё и началось. Если бы он в тот момент выбрал какие-нибудь другие слова, ничего бы не случилось. И вся дальнейшая его жизнь пошла бы по иному руслу. И её ответные слова, брошенные так же бездумно, сдвинули лавину с кручи, которая понеслась вниз с неимоверной скоростью, и растоптала их и без того хрупкие отношения.

— Я уже была фотомоделью, — рассмеялась Вера. — В ранней юности мне пришлось позировать почти обнажённой.

Он отодвинул её от неё на край постели.

— Почему ты никогда не рассказывала об этом?

— Какой пустяк! Я просто забыла. Да и повода не было. Я училась в университете. И очень нуждалась тогда в деньгах, и приятельница познакомила меня с ужасно старым и лысым фотографом. Он предложил мне небольшую сумму за пару снимков на пляже и в роскошной ванне. И всё.

— Вот как, — произнёс он каким-то не своим голосом. — Только снимки? И всё?!

— Я никогда не лгу, — сказала Вера тихо. Глаза у неё стали холодными. Потом она заставила себя улыбнуться и протянула ему руку. — Почему ты придаёшь значение такой ерунде? Я с ним не спала. Тебя ведь это интересует?

— О-о-о! — простонал он. — Ты из-за денег красовалась нагишом перед мужиком. И твои фотографии смотрят все кому не лень... Ты... ты, — он покраснел от злости, силясь подобрать нужное слово, — шлюха!

— Что?! — запальчиво крикнула она. — Какое тебе до этого дело, мальчишка? Это было много лет назад, когда ты ещё под стол пешком ходил.

Она вскочила и начала быстро натягивать на себя вещи. Если бы сейчас хоть один из них рассмеялся, всё могло бы пойти по-другому. Ведь ситуация со стороны выглядела комично. Но он был слишком зол, а она чересчур расстроена.

— Дура! — заорал он, хватая её за руку. — Меня трясёт от мысли, что тебя кто угодно может увидеть голой... Неужели ты не понимаешь, что это ужасно?!

— Пусти меня, — сказала она ледяным голосом. — Всё кончено, Руслан.

Он упал в кресло, наблюдая, как закрылась дверь за женщиной, которую он безумно любил. Он понимал, что она уходит навсегда. И от этого чувствовал себя совершенно опустошённым. Он несколько минут бездумно смотрел в одну точку, затем медленно поднялся, достал из холодильника бутылку водки и налил себе полный стакан...

Только Вера вошла в редакцию, к ней подскочила Людмила.

— Знаешь, тебе звонили... Руслан разбился, — сказала она тихо.

У Веры подкосились ноги, и она присела на стоявший поблизости стул.

— Он в травматологии. Не переживай. Всё обойдётся, — запоздала успокоила подруга.

Вера мчалась в травматологию, проклиная всё на свете. Во всём она винила только себя. Ведь это произошло после их ссоры. Он сел за руль в ужасном со-

стоянии. Если с ним что-нибудь случится, она этого не переживёт.

Вера была уже возле лестницы, когда путь ей преградила полная женщина приятной наружности.

— Вы ведь к Руслану идёте, верно? — спросила она, пристально глядываясь в девушку.

— А вы, наверное, его мама? — догадалась Вера.

— Да. Я его мама. И очень вас прошу: оставьте моего сына в покое! Вы ведь взрослая, вполне самостоятельная женщина, а Руслан... совсем ещё ребёнок. Неужели вы не понимаете, что он вам не пара? Вы красивая и найдёте ещё себе мужчину...

— Что с ним? — тихо спросила девушка, побледнев.

— Он в порядке. А вы... если он вам действительно хоть чуточку дорог... оставьте его... Ну я прошу вас. — По сразу как-то постаревшему лицу катились слёзы.

Вера резко повернулась и пошла к выходу, она была белее полотна.

Руслан долгое время искал с ней встреч, звонил. Но она избегала его. Она отрезала этот кусок жизни от себя.

9

После журналистского собрания в кафе «Собеседник» был банкет. Вера не хотела идти ни на собрание, ни, тем более, оставаться после него. Но всё-таки Людмила утянула её. А сейчас девушка сидела за столиком в уютной кабинке по инерции. Говорить не хотелось, но встать и уйти — тоже было лень. Она смотрела грустными глазами в пространство и слушала тихую музыку, слегка заглушающую шум голосов и звон бокалов. Время идёт, а она всё так же далеко и от богатства и от счастья

— Знаешь, чего я хочу, — сказала она недавно Людмиле, обеспокоенной её унылым настроением. — Выйти замуж за богатого человека. И уйти с работы.

— Шутишь, да? Как можно уйти из журналистики? Я не представляю жизни без строчек... А ты?! Ты просто устала. Это бывает со всеми. Переживём, подруга! И не такое видели...

— Да, видно, и вправду я устала, — согласилась она, чтобы не обидеть Людмилу. Уже около года сестрёнки жили с Верой, и ей приходилось много работать, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Выручали «опекунские», но всё равно денег хронически не хватало. Конечно, Вере тяжело было содержать семью, но она ни разу не пожалела о том, что сделала, и никогда никому не жаловалась. Вот только копилась в ней усталость. Не так-то просто, оказывается, воспитывать детей одной. Ей бы хоть немного отдохнуть. От поиска подработок. От бесконечных строчек, количество которых определяло её зарплату. Эх, положить бы ночью голову на широкое мужское плечо. Молодой женщине хотелось любви, нежности.

В кафе настал момент перемещения фигур. Журналисты метались между столиками, общались. В кабинке, где находились коллеги Веры, остались Людмила и Виктор, которые о чём-то оживлённо спорили. Вера в этом разговоре участия не принимала. К ним, слегка качнувшись, направился председатель журналистской организации Иван Максимович Ковригин. Вера чуть повернула голову в ту сторону и вздрогнула. За соседним столом, почти в центре зала, сидел ОН — мужчина её мечты. Мужчина, которого она увидела на экране телевизора сто лет тому назад и в которого влюбилась с первого взгляда, но ни разу за всё это время не встретилась с ним. Сейчас он пристально с лёгкой усмешкой смотрел на неё своими синими глазами.

— Кто это? — спросила она тихо у Людмилы.

— Где? — откликнулась та и проследила за взглядом Веры.

— О-о-о! — многозначительно протянула она. — Да, у тебя, подруга, губа не дура.

— Нефтяной король, да

— Да как сказать, — рассмеялась Людмила. — Ведь у нас даже тех, кто у скважины пашет, королями кличут. А какие они короли? Им и зарплату сейчас, насколько мне известно, урезали до невозможности... А этот в начальниках всё-таки ходил. А недавно, кажется, ба-аль-шую должность получил. Он теперь замести-

тель Главного. А если так, то действительно король. Тем более мужик-то он и в самом деле что надо. Про него прямо легенды ходят. Всегда подтянутый, опрятный, вежливый. От него бабы, как мухи от дихлофоса, млеют. Смотри, подруга, пропадёшь.

Она с тревогой смотрела на застывшую, словно мумия, девушку. И только сейчас Вера повернула голову в сторону Людмилы. Кто-то что-то спросил. И она ответила машинально. А сердце гулко стучало. Но вскользнувшее её волнение вскоре улеглось, разлившись по телу необъяснимым теплом. Вера не заметила, как Он оказался рядом.

— Максимыч, кто эта прелестная девушка? — обратился Он к Ковригину. — Я вроде бы всех журналистов знаю.

Он смотрел на Веру, и его синие глаза искрились весельем. От этого взгляда она вспыхнула вся пожаром.

— Тогда непременно надо познакомиться. Это наша Верочка Темникова, — с улыбкой сказал Иван Максимович. — А это Олег Николаевич Зубков. Прошу любить и жаловать.

В кабинке сразу стало тесно, подошли ещё три дамы с телевидения и два мэтра местных СМИ. Шумели, разливая спиртное по рюмкам, звенели бокалами... Вера не пила. Она молча смотрела прямо перед собой.

— Верочка! — обратился вдруг к ней Олег Николаевич. — Пойдёмте, потанцуем.

Она положила руки ему на плечи, он слегка обнял её. Мелодия была длинная и необыкновенно нежная. Вокруг топталось много других пар, но Вера никого не видела. Она будто оказалась далеко отсюда, на острове своей мечты. На душе её вдруг стало легко и спокойно.

— Знаете, на кого вы больше всего похожи? — сказал Олег Николаевич, слегка касаясь её щеки.

— На кого? — всполошилась она.

— На Чебурашку. У вас такое же удивительное выражение глаз. И вы такая же пушистая... Вера, почему вы молчите? Вы обиделись?

– Нет, просто перевариваю... Знаете, лучшего комплимента я в жизни не получала. Мне очень нравится этот сказочный персонаж.

Он слегка отстранил её от себя и заглянул ей в лицо. Она улыбнулась.

– Нет, правда?! Это просто невозможно. Смотрите-ка, как много у нас общего. Вера! Давай перейдём на «ты», мне что-то выкать тебе нисколько не хочется.

– Я согласна, Олег Николаевич.

– И, если тебе не трудно, зови меня просто Олег. Мелодия звучала уже, кажется, не снаружи, а внутри Веры. Олег всё крепче прижал её, и голова девушки пошла кругом. Он прошептал ей на ухо:

– Давай сбежим отсюда, здесь невыносимо душно. Им удалось незаметно улизнуть из кафе. Погода стояла безветренная, и двадцатиградусный мороз совсем не ощущался. Они долго брали по скрипучему снегу. Вера рассказывала о бабушке Дуне, которая её воспитывала, о студенческих годах, о том, как впервые приехала в Сургут, и город ей показался неприветливым. Она говорила доверительно, как лучшему другу, а он очень внимательно слушал, стараясь не пропустить ни единого слова. Они постояли немного возле дома, в котором она жила, затем он проводил её до третьего этажа. Но приглашать его к себе она не стала.

– Мне пора, Олег Николаевич, – сказала Вера. – Меня ждут мои... доченьки.

– А кто-нибудь ещё ждёт тебя? – спросил он после некоторой паузы, заглядывая в распахнутые настежь глаза. Вера отрицательно покачала головой. Он вздохнул как будто с облегчением и взял её за руку.

– Вера! Я хочу, – сказал он и отчего-то смущился. – Мне бы хотелось продолжить наше знакомство. Ты не возражаешь, если я позвоню?

– Звоните, – строгим голосом сказала Вера, отчего ещё больше смутила мужчину. Он поцеловал её руку и стал спускаться по лестнице.

Вера открыла квартиру. Девочки уже спали. Умницы мои, самостоятельные, думала она, поправляя сбитые одеяльца. Села возле кроваток и призадумалась.

лась. Как тепло было ей рядом с этим человеком. С первой же минуты общения с ним её не покидало чувство, будто они знакомы целую вечность. Олег действительно оказался её мужчиной. И сейчас она, как никогда, близка от исполнения желания, загаданного сто лет тому назад и давно забытого за суетою дней. Давным-давно она, увидев Олега по телевизору, решила, что выйдет за него замуж. Вера горько усмехнулась. Она была глупой и самонадеянной девчонкой. Несмотря на то, что было ей далеко не семнадцать, многих вещей она не понимала. Но тогда Вера была свободна. И у неё не было детей, за которых теперь отвечала. Её любимых родных сестрёнок, над которыми оформила опекунство. Нет, никогда Вера не бросит их, ни за что не отдаст в интернат, что бы в жизни ни случилось. И ни на кого, ни на чьи плечи она не станет переваливать свою ношу. Это её крест, принятый ею добровольно. Это её семья. Её боль и счастье.

10

В субботнее утро Вера проснулась со странным чувством, будто в её жизни случилось что-то очень важное, и это что-то разломило судьбу на две половинки: до и после. Она была взмолнована, словно девочка после первого невинного поцелуя. Её сердце томилось в предчувствии чего-то необыкновенного. Время подходило к восьми часам. Сегодня можно было понежиться в кровати. У Сашеньки в садике «выходной», а у Алёны занятия в школе начинались в двенадцать часов. Но только Вера загремела на кухне сковородками, как девчонки проснулись. Первой на кухню, шлёпая босыми ножками по полу, прибежала Саша.

– Доброе утро, мамочка! – закричала она, вскочила на стул и, обхватив Веру за шею, расцеловала её, смачно причмокивая. – Ой, что это ты тут делаешь?.. Ура! Блинчики! Мама варит блинчики.

Размахивая ручками и топота от избытка чувств ножками, она помчалась к сестре.

– Не варит, а печёт, – поправила Алёна, подошла к Вере и прижалась худеньким тельцем. – Я так люблю

блинчики, — лицо её озарилось мимолётной улыбкой. — Ты, что ли, догадалась, что они мне сегодня снились?

— Я почувствовала. Умывайтесь и — за стол.

Девчонки ели блинчики, макая в сметану и запивая молоком. Вера перекусила после того, как допекла последний блин. Адёна уже собралась в школу. Вера расчесала её длинные волосы и начала заплетать косу. Зазвонил телефон. Сашенька подбежала, подняла трубку и произнесла серьёзным голосом:

— Але! Слушаю!.. Ма-ам, это тебя.

— Алло, — сказала Вера.

— Здравствуй, Вера! — услышала она низкий бархатистый голос, который по телефону звучал загадочно. — Я уже скучаю... Странно, да? Мне и самому так кажется. Ты молчишь? Я не ко времени позвонил? Чем ты занимаешься?

— Плету косы моим девочкам, — довольно сухо ответила Вера, будто проводя границу между его миром и своим, на территорию которого свободный доступ запрещён.

— Я хочу пригласить тебя на свой день рождения, — после короткой паузы сказал он слегка изменившимся голосом. — Завтра в шесть вечера. Ты согласна?.. Я зайду за тобой в половине шестого. — И повесил трубку.

Вера долго думала, какой подарок купить Олегу. Случай был тяжёлый. Они едва знакомы. Она не знает его вкуса. И вообще не знает о нём ничего. Что можно подарить в таком случае мужчине? Прилавки пестрели ярким товаром. А ведь ещё недавно даже красивую блузку или кроссовки, так же как и продукты, можно было достать только по блату или по талонам, которые выделялись работникам предприятий и бюджетной сферы. Сейчас многое появлялось в свободной торговле. Вера совсем уже отчаялась что-либо найти, покидая один магазин за другим. И вдруг увидела вазу, простую, вроде бы, и в то же время элегантную. Надо же, удивилась она, такая же синяя, как его глаза. Пожалуй, это то, что надо. Во всяком случае, ничего более подходящего на горизонте не появлялось.

Девочки ушли в гости к подруге, и у Веры была возможность немного передохнуть перед встречей и привести себя в порядок. Банна, лёгкий макияж, красивое парадно-выходное чёрное платье. Ровно в половине шестого она спустилась вниз, возле подъезда её ожидала иномарка...

Вера очень удивилась, когда увидела, что в квартире никого нет, а стол празднично накрыт на двоих.

– Верочка, я надеюсь, что ты меня простишь. Коллеги завтра на работе поздравят. А этот день я хочу отпраздновать с тобой. Только ты и я.

Они сидели вдвоём за прекрасно сервированным столом, ели вкусную рыбу, какие-то салаты, пили красное вино, говорили о чём-то, и Вере было очень хорошо с этим мужчиной. Она чувствовала, что нравится ему, видела его волнение, и ей было это приятно. С ним было удивительно легко и уютно. Вера поздравила Олега с днём рождения. Её пожелания были искренними и милыми. Но, когда они подняли бокалы и соединили их в хрустальном звоне, он сказал:

– Давай выпьем за нас! За наше совместное будущее!

Он выпил до дна. Вера растерянно смотрела на него зелёными глазами.

– Вера! То, что я хочу тебе сказать, очень серьёзно и важно для меня. – Он взял её за руки, – Ты можешь не отвечать мне сразу, я подожду. Это ответственный шаг, я понимаю. И ты должна всё взвесить, – он был взволнован как мальчишка и, тщательно подбирая слова, злился на себя из-за того, что не может найти нужных.

– Сегодня мне исполнилось пятьдесят, а ты молода, хороша собой... Можешь считать меня сумасшедшим, но я... люблю... С самой первой минуты, как только увидел тебя, со мною что-то происходит. В жизни ничего подобного не испытывал. И я не хочу терять время на ухаживания. Если тебя не пугает мой возраст, то... выходи за меня замуж!

– Я ничего не боюсь. Я уже взрослая девочка, – с придыханием сказала она после паузы и улыбнулась. – Всё это странно очень... Прямо мистика какая-то. Я

первая влюбилась в тебя с первого взгляда, когда ты смотрел на меня с экрана телевизора.

– На самом деле?! Это не во сне сейчас происходит?

Олег, глядя на Веру сияющими глазами, стал нежно покрывать поцелуями её руки. Он перебирал и целовал каждый пальчик, а она, окаменев от растерянности, сидела неподвижно. Олег обнял ее и притянул к себе так близко, что было слышно его горячее дыхание. Вера слегка отстранилась.

– Что-то не так? – осторожно спросил он.

– Всё замечательно. Просто твоё предложение на самом деле застало меня врасплох. И я действительно не готова на него ответить. Мне нужно время...

– Надеюсь, ты не заставишь меня ждать целую вечность, – произнёс он с улыбкой, включил музыку и пригласил её на танго. Очнувшись в его объятиях, она показалась себе хрупкой и беспомощной. Поцелуй, от которого у Веры кругом пошла голова, случился сам собой. И она уже не могла отвечать за себя...

11

– Ну как ты, Вера? Счастлива? На седьмом небе или... Как тебе живётся с ним, подруга? – допытывалась Людмила.

– Знаешь, Люсь, – сказала задумчиво Вера. – Никогда бы не подумала, что так бывает. Я вчера приходила с работы, а он котлеты в тесте готовит. Представляешь? Освободился раньше меня и взялся за стряпню. А я бы поленилась возиться с тестом. Олег накормил меня и посуду после помыл. И во всём он такой. Я ведь теперь с ним бегаю по утрам и зарядку делаю. Он у меня в сто раз лучше любого молодого.

– Что, и в постели тоже?

– Да ну тебя, – отмахнулась Вера. – Понимаешь, дело даже не в этом. Просто мне с ним очень хорошо. Я прямо ощущаю его своей второй половинкой.

Уже больше месяца Вера жила у мужчины своей мечты.

Сразу после дня рождения Олег неожиданно исчез. Вера уже не знала, что и думать. Он позвонил только через неделю. Заграничная командировка свалилась на него как снег на голову. Он не сумел дозвониться до Веры и не успел хоть как-то известить её об этом. Вернулся он так же неожиданно, как и исчез; не прошло и полгода, когда летним июньским вечером раздался в квартире звонок. Лишь только Вера открыла входную дверь, Олег упал перед ней на колени, протягивая огромный букет чайных роз.

— Прошу помиловать, нельзя казнить. Обещаю искупить вину, — произнёс он серьёзным голосом.

Но больше всего Вери подкупило то, что он не оставил без внимания её сестрёнок, привёз им в подарок две куклы Барби. Девочку Вера отправила в летний оздоровительный лагерь на море и уже неделю жила одна, занимаясь поисками подходящей квартиры, которую сдавали бы не слишком дорого. В этой хозяева ей отказали, потому что вернулся из армии их сын. Узнав об этом, Олег, невзирая на сопротивление Веры, тут же перевёз её вместе со всеми вещами к себе. И она самозабвенно жила новой жизнью, обалдев от счастья и напрочь забыв о том, что надо будет вести разговор о детях. Пока она рассказала ему, что девочки находятся на отдыхе. И не касалась больше важной для неё темы.

Вера погрустнела. Именно сегодня предстоит серьёзное объяснение с Олегом. К этому моменту она долго готовилась, и очень боялась реакции любимого мужчины на своё признание.

* * *

Стол был празднично сервирован на двоих, посередине на белой скатерти стояли чайные розы в вазе.

— Моя родная!

Олег обнял её, усадил, словно ребёнка, на стул, сам сел напротив и разлил по бокалам клюквенный морс, он был красного цвета и напоминал вино. Олег привык к тому, что Вера не пьёт алкогольные напитки, и

когда ему надо было создать ощущение праздника, заменяя их соками...

— У меня такое чувство, что мы созданы друг для друга, — сказал Олег.

И Вера смогла бы заметить; что он слегка взволнован, если бы сама не думала о предстоящем серьёзном разговоре. Они выпили, неотрывно глядя друг другу в глаза, отчего сердце у неё ухнуло куда-то, а потом забилось с такой силой, что, казалось, его удары слышны далеко вокруг.

— Вера! — произнёс Олег торжественно. — Я предлагаю тебе только руку, ибо сердце моё давно принадлежит тебе! — после чего усмехнулся и продолжал уже взволнованным ласковым голосом. — Можешь считать, что я снова и вполне осознанно делаю тебе официальное предложение. Выходи за меня замуж. Если, конечно, тебя не пугает мой возраст... Фу ты, опять что-то не то говорю, и, кажется, повторяюсь... Я очень люблю тебя, Вера. И полагаю, что наши отношения пора уже как-то оформить.

Он, привыкший руководить людьми, умеющий держать себя в руках в любой ситуации, волновался как мальчишка, и это удивляло его и немного злило. Ему хотелось подарить весь мир этой хрупкой девочке, которая моложе него почти на двадцать лет. Он посмотрел на Веру и перестал улыбаться.

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, всё в порядке, всё просто замечательно. Но мне надо сообщить тебе одну... вещь. Я должна кое в чём признаться... Может быть, после этого ты будешь относиться ко мне иначе... — По его лицу пробежала тень, он весь напрягся, словно струна, и смотрел на Вера пристально, чуть прищурив глаза. — Понимаешь, они стали мне словно родные. Это мои дети, и я их никогда не брошу, — выпалила она и тревожно взглянула на него.

Он схватил её в порыве чувств, прижал к себе, потом отстранился немного и стал целовать куда попало, в глаза, в нос, в щеку. Всё что угодно ожидал услы-

шать Олег от Веры, только не это. И теперь был просто на седьмом небе от счастья.

— Глупенькая девочка. Я ведь люблю тебя! Понимаешь? И никаких «иначе». Даже если у тебя был бы целый полк детей.

Полночи прошло, а они всё не спали. Лежали, тесно прижимаясь друг к другу. Они мало говорили о прошлом, но строили планы на будущую совместную жизнь.

12

Утро выдалось неожиданно тихое и солнечное, такое не часто бывает в Сургуте в конце августа. Бракосочетание было скромным. На регистрации присутствовали только свидетели: со стороны невесты Верина подруга — Людмила, со стороны жениха — взрослый сын Олега — Иван, с такими же синими глазами, как у отца, но в целом на него не похожий. И дочки, словно куколки, наряженные в розовое и голубое пышные платьица, стояли притихшие, осознавая всю серьёзность момента, и не отходили от невесты и жениха ни на минуту. Вера была в белом платье, плотно облегающем её стройную фигуру, в белых туфлях и в белых же перчатках по локоть, как и положено невесте. Но без фаты, лишь искусственные розочки украшали её золотистые волосы, собранные на затылке в причёску опытным мастером. Жених в строгом тёмно-синем костюме и белой рубашке выглядел элегантно и мужественно. Вера рядом с ним казалась хрупкой лилией. После регистрации по традиции катались по городу, фотографировались, возлагали цветы к памятникам.

В ресторане «Космос» их неожиданно встретила толпа гостей, среди которых Вера увидела и своих коллег, журналистов. Это был сюрприз, подготовленный Олегом для своей любимой. В этот вечер он окутал Веру плотным облаком нежности. Их поздравляли, кричали им «горько». Вокруг было много людей, но Вера не видела никого, кроме Олега, словно они были совсем одни на необитаемом острове. Никогда ещё она не чувствовала себя такой защищенной и счастливой. И, кружась

под музыку в его объятиях, пьяна от бесконечной признательности ему, самому близкому и родному человеку, мужчине её мечты.

Вера не могла даже предположить тогда, какие испытания ожидают её впереди.

* * *

Девочек Зубковы решили удочерить, на что, учитывая ещё и отпускное время у виновников, времени ушло намного больше, чем они рассчитывали. Однако это было лишь формальностью и нисколько не отражалось на состоянии семьи, которая уже жила по своим внутрисемейным законам.

Квартира у Олега хоть и двухкомнатная, но просторная. Для сестричек подготовили детскую, где поставили новую мебель: две кровати, письменный стол, бельевой шкаф, два стула. Была там и полочка для книг, а на полу раскинулся мягкий светло-коричневый ковёр. Зал в разное время суток выполнял определённые функции: днём это было место для совместного отдыха семьи, а ночью он служил спальней для родителей.

Сашенька быстро освоила новое пространство, заняла выгодные полочки шкафа, деловито разместила там свои нежитрые пожитки. Она же выбрала себе кровать. Алёна несмело воспользовалась тем, что оставила ей сестра. Но, в конце концов, обе увлеклись обустройством своего уголка, и к праздничному ужину вышли довольные собой. Сашка признала Олега сразу, и льнула к нему, как котёнок. Алёна пока никак не называла его, и отвечала только тогда, когда к ней обращались. Утром Олег сам пошёл будить девочек.

— Принцессы! Просыпайтесь! — попросил он мягким голосом. — Быстро одеваться, поедем за обновками! А потом — в кафэшку, мороженое есть.

— Ура! — тут же отозвалась Сашка, обхватив Олега за шею. И даже сдержанная Алёна улыбнулась.

Они побывали в нескольких магазинах и приобрели всю необходимую одежду вплоть до осенних курточек, а также канцелярские товары для школы. Са-

шеньке купили специальный набор для первоклассника. Ей исполнилось шесть лет, и её решили отдать в школу, так как была она смышлённой, уже и читать по слогам умела. Сделав нужные покупки, взрослые, как и обещали, повели детей в кафе, но мороженое было на десерт, сначала ели блины, запивая яблочным соком.

Вера уволилась с работы, стала домохозяйкой. Она упивалась своей новой ролью жены и матери. Забот было много. И сварить, и постирать, и убрать. Утро начиналось с того, что она кормила всех и отправляла мужа — на службу, детей — в школу. Затем занималась уборкой, готовила обед, встречала девочек из школы. После обеда сестрички гуляли часа два или играли дома, а Вера в это время читала или ходила в магазин. Часам к трём ученицы начинали готовить заданные на дом уроки. Учились обе хорошо, учителя не могли ими нахвалиться. Вечером собирались всей семьёй. Смотрели интересные телепередачи, читали книги, играли в шахматы, сочиняли сказки.

Как-то Вера забежала в редакцию поздороваться с коллегами. С Людмилой обнялись, давно не виделись.

— Не надоели тебе ещё горшки и кастрюли? — поинтересовалась подруга. — Не собираешься обратно?

— Что ты, Люся. Я, можно сказать, только жить начала.

— На ней это просто написано, — поддержал Виктор.

— Что написано? — не поняла Людмила.

— Счастье, — пояснил Виктор. — Она ж светится вся.

Поболтали о том, о сём, попили чайку — пообщались. И Вера побежала домой, попутно заскочив в магазин за фруктами. В прихожей она увидела несколько пар детской обуви. Из зала слышались звуки музыки, детские голоса, смех. Ступив на порог, Вера замерла от изумления. Перед её глазами предстал полный хаос. Всё было перевёрнуто вверх дном. Всюду были разбросаны Веринны вещи: блузки, юбки, платки, туфли. И

среди всего этого находились незнакомые девочки, одетые в разные Верины наряды. В ход пошли даже бусы и туфли на шпильках.

— А Саша сказала, что вы не будете ругаться, — первой нашлась рыженькая толстушка лет девяти. — Что можно померить вашу одежду.

— Мам, мы тут играем, — пояснила Сашка и повернулась к зеркалу, продолжая красить губы Вериной помадой.

— Хорошо. Играйте, — разрешила Вера и улыбнулась. — Только уберите потом всё за собой.

Она прикрыла дверь и отправилась на кухню. Шок прошёл. Пусть играют, подумалось, где же им ещё играть, как не дома. А вещи, они и есть вещи, ничего с ними не случится.

13

Через год Олега перевели в Москву — директором дочерней фирмы. Незадолго до отъезда в столицу Алёна стала называть его папой. Случилось это неожиданно даже для неё самой. Только она включила утюг, как вдруг вспыхнуло пламя, розетка была неисправна и замкнула. Девочка испугалась и с криком «папа» бросилась к уже спешившему на помощь Олегу...

Дом, в котором поселились Зубковы, стоял почти в центре Москвы. Двухэтажная, с высокими потолками квартира казалась просто огромной. Холл, кухня, столовая находились внизу. Вверху были спальные комнаты: отдельно для родителей и для каждого ребёнка. Там же располагался рабочий кабинет Олега. Также в квартире имелись две ванные и два туалета, что изумляло Веру больше всего.

— Принцессы, выбирайте мебель в свои комнаты, — предложил Олег дочерям. Он их просто обожал. И каждую свободную минуту возился с ними. Играли в шахматы, помогал им решать школьные задачки, читал вслух Чехова. А иногда они вместе устраивали настоящий погром, боролись и кувыркались так, что только шум стоял. Сашка приглядела себе тёмный гарнитур из дуба. Алёна предпочла белую мебель, в её ком-

нате стало, словно в волшебном замке Снежной королевы. Первого сентября девочки пошли в школу. На первом же родительском собрании учителя спросили Зубковых: «Где и как вы воспитали таких хороших детей?»

* * *

— Алё! Алё! Вера, говори громче, ничего не слышно, — кричала в трубку Людмила. — Перезвони на другой телефон, в мой кабинет.

Она быстро прошла в корреспондентскую, села за свой рабочий стол. И почти сразу же раздался звонок. Схватив трубку, женщина закричала:

— Привет, подруга! Что долго не звонила? Как ты там, в своей Москве? Поди, скучаешь без нас...

— Не шуми, Люся. Теперь я хорошо тебя слышу, — отозвалась Вера спокойным голосом на том конце провода. — Скучать особо некогда, хотя мне действительно вас недостаёт. И город часто снится.

— Чем ты там занимаешься? Всё дома сидишь, готовишь-стираешь? И какое у тебя там, в элитной среде, окружение? — торопилась задать свои вопросы Людмила.

— Не окружение, а тихий ужас, — засмеялась Вера. — Представляешь, друзья-товарищи и коллеги Олега всё больше почтенного возраста. Мне приходится общаться с толстыми тётками «бальзаковского» возраста. У них одни разговоры о тряпках. Или сплетни разные собирают. Я не знаю, о чём с ними говорить... Думала, с тоски умру на этих «светских приёмах». Но сейчас я работаю, у Олега в фирме. Но тут надо соответствовать. Тут девчонки молоденькие, все как на подбор. Каждая, как минимум, одним иностранным языком в совершенстве владеет. А я с института и двух фраз связать не могу по-английски...

— Не дрейфь, подруга. У тебя другие достоинства есть. А «язык» можно и «подтянуть». Главное, не комплексуй, и всё получится... Как твои девочки?

— Нормально. Алёна планирует поступать в сельскохозяйственную академию. Она целеустремлённая и,

если чего-то захочет, то добьётся, но за два года многое может перемениться. Сашенька мечтает путешествовать и сейчас усиленно изучает языки.

— Да, большие уже, ещё немного — и выпорхнут из семейного гнёздышка... Ой, Вера, чуть не забыла, тут братия пищущая лютует. На собрании один хмырь предложил исключить из журналистской организации тех, кто сбирающим эти не посещает. Твоя кандидатура — первая. Ты появись, отмелься. Сможешь?

— Вырвусь, если получится. Люся, ты лучше расскажи, как у тебя дела. Как твой бойфренд?

— Дела у прокурора, а у нас так, делишки, — засмеялась Людмила. — Всё то же, бегаем, как савраски, в поисках жареного для удовлетворения собственного честолюбия. А для удовлетворения материальных потребностей ищем «заказухи»... А мой «френд» накрылся медным тазом. И слава Богу. Отдохну хоть душой. К Володьке прислонилась, отогрелась маленько. Он ведь сколько лет уж за мной по пятам ходит, не отстает. Дожидается.

— Вот и осчастливила бы мужика. Он единственный из всех твоих ухажёров, кто внимания достоин.

* * *

Вера лежала на широкий кровати, и по лицу её катились слёзы.

— Ты плачешь? — обеспокоенный Олег повернулся к жене. — Что случилось, любимая?

— Я так счастлива! И богата... Понимаешь, я сама намечтала такую жизнь. Но никак не могу поверить, что это на самом деле происходит со мной. Иногда кажется, что я просто сплю. И мне бывает страшно. Вдруг открою глаза, и всё исчезнет...

— Глупенькая. — Олег стал неясно целовать мокре от слёз Верино лицо, затем бережно, словно фарфоровую статуэтку, обнял её и осторожно прижал к себе. — Ты ничего не должна бояться. Я всегда буду рядом.

— Я так люблю тебя! Так люблю, Олежка, — шептала благодарная женщина.

Утром Вера вылетела в Сургут. Были кое-какие поручения от Олега, хотя она уже почти год не работала в его фирме, а занималась детьми и собой, да и на собрании журналистов появиться следовало, её не так пугало исключение из членов сургутской организации, как хотелось повидать старых знакомых, покрутиться в их среде. Соскучилась.

— Цветёшь, подруга, — радостно восхликала Людмила, обнимая Веру. Ей удалось вырваться из редакции на пару часов, чтобы встретить бывшую коллегу в аэропорту. — И прикид что надо! — оценила она норковую шубу и шляпку из того же меха. — Как говорится, соответственно рангу.

И тут же принялась выкладывать местные новости. Она была начисто лишена женской зависти. Сама одевалась чаще в удобную одежду, не требующую большого ухода и не особо дорогую: джинсы, свитера, пара юбок, пара блузок. Впрочем, шуба из нутрии и шапка ушанка из чернобурки говорили о том, что журналистка не особо и бедствовала.

Подруги пообедали в столовой при администрации, после чего разбежались в разные стороны. Людмила отправилась по редакционному заданию. Вера заскочила на телевидение к Виктору Петровичу Азарову. Он очень обрадовался появлению бывшей подчинённой. И ребята, с которыми делила когда-то эфир, встретили её тепло. Попили чайку вместе, но незаметно народ растаял, словно снег на солнцепёке, телевизионщиков ожидало ещё несколько съёмок в этот день. Вера обсудила с директором телекомпании совместный проект по созданию документального фильма о деятельности фирмы, возглавляемой Олегом. И они расстались до вечера. В редакцию, где Вера работала несколько последних лет перед отъездом, они с Людмилой вошли почти одновременно. Газетчики обнимали Веру как родную.

— А ты всё такая же красивая, — заметил Виктор. — И где мои глаза были?! И почему я тебя упустил?! — продолжал он шутливо.

— Хорошо выглядишь, — сказала редакторша. — Ну, рассказывай, как там Первопрестольная.

— Стоит, — не нашлась что ответить Вера.

За чашкой чая Вера в общих чертах рассказала о своей московской жизни, о том, что окончила курсы английского языка. Завязался разговор о переменах, коснувшихся редакции. Вера словно бы окунулась с головой в прежнюю жизнь. Почувствовала себя в родной стихии, будто и не уезжала никуда, и не было этой другой жизни, длиною в семь с половиной лет.

— Хорошо как у вас! Хоть опять возвращайся, — расчувствовалась она.

— Ничего хорошего на самом деле нет, — жестко сказала редакторша. — Не стремись особо сюда, Вера. Радуйся, что вырвалась в большую жизнь... Это нам деваться некуда. Той редакции, какая была, уже нет. Ни о какой демократии теперь и речи не может быть.

— Да, гайки закручиваются, — подхватил погрустневший Виктор. — Только попробуй теперь высунуться, слово поперёк «кукарекнуть» — вмиг вылетишь, и прежние заслуги «перед отечеством» не помогут. Мы теперь критикой не занимаемся, мы дифирамбы всё больше поём...

— Ну, особо-то не сгущай краски, — постаралась разрядить атмосферу Людмила. — О положительном тоже надо писать.

Журналистское собрание проходило в актовом зале культурно-спортивного комплекса «Геолог» тринадцатого января. Оно было традиционным, проводилось ежегодно в одно и то же время, менялось лишь место действия. На собрании награждались лучшие журналисты по итогам творческого конкурса. Вера и Людмила немного опоздали и не сразу смогли сориентироваться в полутёмном зале. Но вот из-за крайнего столика приподнялся Виктор и помахал им рукой, показывая на свободные места. Подруги пробрались к нему. Виктор принял ухаживать за дамами, Людмиле налил бокал шампанского, Вере — сока. Вера огляделась. Многих среди тех, кто был в зале, она не знала.

— Откуда столько народу? — изумлённо поглядывая вокруг, спросила Вера.

— О-о-о, — иронично протянула Людмила, — это все члены нашей журналистской организации. Не удивляйся. За те годы, что ты отсутствовала, знаешь, сколько их напримали. Это раньше тяжело было вступить в её стройные ряды. Помнишь, небось: достоин, недостоин? А сейчас — запросто. Любой, кто пишет и работает в газете или на телевидении хотя бы с год, уже может подавать заявление. Чем больше членов, тем лучше...

Подруги дружно набросились на салаты, подкладываемые услужливым кавалером. Торжественная часть ещё не закончилась, во время короткого перерыва к Вере стали подходить знакомые журналисты, обнимали, расспрашивали о столичной жизни. Ну, как ты? Нормально. А как у вас? Всё хорошо. На первый взгляд, дежурные слова, но за ними ощущалось неподдельное тепло. В подтексте — мы тебя помним, и я — вас.

Почувствовав вдруг чей-то взгляд, Вера обернулась, и вздрогнула от неожиданности. «Руслан!» — выдохнула она. Целую вечность они смотрели друг на друга. Вера опомнилась лишь в тот момент, когда Руслан оказался рядом, взял её руку, бережно поднёс к губам.

— Ну, здравствуй, Вера, — произнёс он каким-то особенным голосом, словно пробуя имя на вкус.

— Здравствуй. Как ты оказался здесь? — удивилась она.

— Случайно, наверное, — подсказал он. Собрание продолжалось. Для награды следующего номинанта пригласили руководителя фирмы «Имрек» Руслана Батулина. Казалось, сегодняшний вечер был соткан из сюрпризов. В перерыве Руслан пригласил Веру на танец. Он держал её в своих объятиях бережно, и уверенно вёл в ритме танго. Вере было тревожно рядом с ним. Она чувствовала его уверенность в себе и силу, и понимала, как изменился он за те годы, что они не виделись. Мальчик превратился в мужчину, и это волновало её, вопреки собственной воле.

— Вы позволите подвезти вас? — подоспел к одевающимся подругам Руслан. Вера, изредка бывая в Сургуте, останавливалась у Людмилы.

— Почему бы и нет? — живо отозвалась Людмила. — А ты на меня не гляди, — обратилась она к молчаливой Вере. — В хорошем обществе, да с ветерком, сам Бог велел.

Руслан открыл дверцу BMW, помог Вере сесть на переднее сиденье. Людмила живенько самостоятельно уселась сзади. И всю дорогу трещала, не замолкая ни на минуту. На улице Мира, возле дома, в котором жила Людмила, Руслан притормозил.

— Я украду ненадолго вашу подругу, хорошо? — сказал он, оборачиваясь к Людмиле.

— Ну, если ненадолго, — засмеялась женщина и удалилась.

— Как ты живёшь, Вера? Счастлива? — после долгого молчания спросил Руслан каким-то хриплым голосом, словно ему трудно было дышать. Он смотрел на Вера пристально, вбирая её всю без остатка в омут тёмных глаз.

— Живу, — сказала Вера неопределённо, боясь причинить боль дорогому ей когда-то человеку. Она поймала себя на мысли, что никогда не чувствовала себя такой счастливой, как в последнее время. Лучшие мгновения их с Русланом любви тускнели по сравнению с тем, что имела она сейчас. Но в этом Вера боялась признаться даже себе и, тем более, не станет делиться этим с возмужавшим теперь милым мальчиком из её Прошлой жизни. — Мои девочки уже совсем взрослые, — добавила она зачем-то и улыбнулась.

— Знаю, мне о них рассказала твоя подруга...

— А как ты? Женился? Дети? — спохватилась Вера.

— Не встретил ещё такой, как ты, — сказал Руслан серьёзно. — И не встречу, наверное... Ты единственная в моей жизни настоящая Женщина. Вера... Я люблю тебя. Люблю ещё сильнее, чем прежде...

Он тронул рукой прядь её волос, выбившихся из под шапки, и, прикрыв глаза, потянулся к её губам. До

поцелуя оставалось одно мгновение, когда Руслан вдруг натолкнулся на застывший взгляд любимой женщины. Взгляд, который, словно холодный душ, окатив его с головы до ног, остановил.

— Прости, — произнёс он глухо, отодвигаясь от неё.
— Вера, я благодарен тебе за то, что ты есть. Именно тебе я обязан всем, чего достиг. Я карабкался наверх и думали: вот стану богатым и знаменитым, и ты поймёшь, что только я смогу сделать тебя счастливой. И вернёшься ко мне. И мы снова будем счастливы. Эти мысли согревали меня в минуты неудач. Я поднимался и снова шёл вперёд. — Он горько усмехнулся. — И я ни за что не откажусь от своей мечты. Понимаешь, без тебя жизнь теряет всякий смысл. Я буду ждать тебя, Вера...

Он приник губами к её руке, она провела ладонью по его жёстким чёрным волосам.

— Руслан... все, что было между нами, мне дорого. Как память, — сказала Вера мягко. — Но прошлого не вернуть... Прощай. — И вышла из машины. А он долго ещё сидел, опершись на руль и глядя прямо перед собой.

15

— Ну что, подруга? Как старая любовь? Не ржавеет? — встретила её на пороге Людмила. — Ты уж прости, свинью, звонит он мне иногда, справляется, как да что. Но я ему мало чего рассказываю. Про девонек твоих разболтала, правда... По-моему, он всё ещё влюблён в тебя.

— Давай лучше чайку попьём и о твоих делах потолкуем, — перевела разговор Вера.

Подруги сидели на кухне часов до трёх ночи. Вокруг их ног тёрлась пушистая рыжая кошка Сонька. Не получив от хозяйки и её гостей должного внимания, Сонька стащила с тумбочки Верину золотую часы, куда та их положила перед походом в ванную, и хотела поиграть в футбол. Людмила желания этого не разделяла.

— Брысь, животное, — прикрикнула она на любимицу не всерьёз. И отобрала блестящий предмет. Кош-

ка посмотрела осуждающе на обеих женщин по очереди и демонстративно улеглась на диван.

Вера с юмором и самоиронией поведала, как в первый раз в заграничный магазин попала, в Швеции. Людмила посплетничала про знакомых журналистов. Утром Вера улетала в Москву. Подруги кое-как поднялись в шесть часов. Времени до вылета самолёта оставалось не так уж и много, надо было спешить. Но как назло куда-то пропало кольцо с бриллиантом, которое Вера сняла вечером с пальца и положила вроде бы на столик. Они с Людмилой обыскались, но оно как сквозь землю провалилось. За этой суматохой спокойно наблюдала растянувшаяся на диване Сонька, хитро щуря светло-зелёные глаза. Вера огорчилась, жалко было пропажу не из-за стоимости, а потому что это был подарок Олега на годовщину свадьбы. Ну да делать нечего, пришлось смириться с потерей.

Она летела домой, и сердце её постепенно наполнялось радостью. Но в эту радость диссонансом просочилась, неизвестно откуда взявшаяся, тревожная нотка. Вера безуспешно пыталась её заглушить. Тревога вспыхнула с новой силой, когда Вера, озинаясь, вышла из аэропорта. Её никто не встречал, и это был нонсенс. За все годы, прожитые с Олегом, такого не случалось ни разу. Если муж по какой-либо причине не мог приехать в аэропорт сам, то посыпал водителя. «Что же могло случиться?!», — терялась в догадках женщина. Отказавшись от услуг настырных таксистов, она отправилась домой на автобусе. Доехав до Юго-Западной, пересела в метро. Входную дверь открыла своим ключом, прошла в зал, и обомлела. На кресле, упершись локтями в колени, обхватив голову руками, сидел Олег.

— Что случилось? — тихо спросила Вера, и опустилась на кончик стула, ноги вдруг стали ватными.

— Ты?! — Олег, словно гвоздём, припечатал её к стене тяжёлым взглядом. — С прибытием! Ну, как там Сургут? — с каким-то злым остервенением спросил он.

— Оле-е-г, — пропела изумлённая Вера. — Да ты пьян. — Она впервые видела мужа в таком состоянии —

в стельку пьяным. Казалось, перед ней находился не человек разумный, а животное с дикими инстинктами.

— Что?.. Нашлялась в своё удовольствие?..

— Я летала туда по твоему же поручению, — защищалась вконец растерявшаяся Вера. Он, казалось, не слышал её слов.

— И как там твой хахаль? А может, их много? Как они в постели?.. Лучше, чем я, старый дурак?.. — приставал он, подползая к Вере и больно обхватив её колени. — Что же ты молчишь? Отвечай! Я уже совсем не тожусь в любовники, да?..

— Ты делаешь мне больно, — Вера попыталась выбраться из его рук, но он стиснул её ещё сильнее.

— Будет ещё больней... Сейчас я буду тебя пытать... Думаешь, я не знаю, зачем ты ездишь туда?! К любовнику! И не смей отпираться...

— Не выдумывай, — сказала Вера ледяным голосом. Она будто окаменела. Подобно тому, как сгорает пре-дохранитель, отключая всё электричество в доме, чтобы не случилось пожара, сработали и защитные силы её организма, заблокировав эмоционально-волевую сферу. Она казалась совершенно безжизненной, не способной ни думать, ни чувствовать. Иначе невозможно было выдержать этот кошмар.

— Нет, правда? У тебя никого, кроме меня, нет? — приставал он, заглядывая ей в глаза. — Верочка, любимая! — Его горячие ласки не могли вызвать в ней ответного огня. Он уже крепко спал, тесно прижав её к себе, а к ней сон не шёл. По застывшему лицу катились скучные слёзы. Совсем недавно на этой самой постели она плакала от счастья... Господи, за что? «Это, чтобы жизнь мёdom не казалась» — любила говорить в таких случаях подруга. Может я что-то не так сделала? Кого-то обидела? Броде бы нет. Это испытание мне судьба подготовила. Для чего? Мысли роем вились в голове у Веры, не давая заснуть. Утро вечера мудренее, решила, вконец, она, и забылась под утро тревожным сном.

— Я вчера сильно надрался? И обидел мою маленькую девочку?! Веруня, прости меня! — виновато лас-

тился Олег к жене утром. – Сам себе противен. Прощаешь?

– Даже и предположить не могла, что ты можешь быть таким, – с грустью сказала Вера.

– Больше этого не повторится. Обещаю.

Однако обещания Олег не сдержал. Он не раз ещё возвращался домой чуть тёпленький. Девочек не обижал. Но они сторонились его, словно мышки, прятались по своим «норкам». Вера в такие вечера находилась в страшном напряжении, одно неверное действие или слово с её стороны могло привести к скандалу.

– Олег, что происходит? Что-нибудь случилось на работе? – в очередной раз попыталась разобраться Вера. – Ты ведь сам понимаешь – так больше продолжаться не может...

– Согласен, не может... Вера, у меня действительно временные трудности. Но ты не должна ни о чём беспокоиться...

– Мы должны доверять друг другу.

– Ты не понимаешь. Дело вовсе не в доверии. Просто не хочу впутывать тебя в свои проблемы. Я сам справлюсь.

– Олежка, я твоя жена. Помнишь, «и в радости и в горе»... А ты хочешь отгородиться от меня стеной. Вместе мы можем справиться с любой бедой. Разве не так?

– Ты, конечно же, права. Но поверь, девочка моя, ничего серьёзного. Просто меня хотят заставить играть в грязные игры, а я не могу идти против собственной совести.

– И что же, ничего нельзя сделать?

– Можно добровольно выйти из игры. Но тогда твой муж останется без работы. Вы лишитесь всех благ, которые имеете. Проще говоря, мы окажемся на улице... Я никому не буду нужен. И вы откажетесь от меня...

– Что ты такое говоришь?! Как ты можешь так думать?! Мы любим тебя. А вещи, они и есть вещи... Мы справимся. Ведь у нас есть то, чего не купишь ни за

какие деньги, — наша любовь. Только очень прошу тебя: не пей!

Олег ушёл из фирмы. Зубковым пришлось продать обе машины, большую часть мебели, золото. Они переехали в двухкомнатную квартиру в отдалённый от центра район Москвы. Первое время жили на деньги, оставшиеся от продажи ценных вещей. Вера подрабатывала в частном издательстве — редактировала рукописи. Этого хватало, чтобы как-то свести концы с концами. Зато в доме наступил мир, в нём звенел смех, и было тепло. Чёрные дни последних месяцев уходили в прошлое и постепенно забывались. Вера снова почувствовала себя счастливой. Она поняла, что богатство никакого отношения к счастью не имеет. Счастье — оно или есть, или его нет.

16

— Верунчик! Поздравляй скорее своего муженька, — сияющий Олег ввалился в прихожую с бутылкой шампанского и букетом цветов в руках. Он обхватил жену за талию и, приподняв над полом, закружился с ней. Затем подхватил обеих дочек, выбежавших на шум, и потащил их в зал. Визг разлетался по всему дому.

— Да уймитесь же, наконец, — улыбнулась Вера, прислонившись к дверям. — А то сейчас соседи со всех этажей сбегутся...

— Мать, собирай на стол. Будем праздновать моё новое назначение!

— Какое назначение? — уточнила Вера, пытаясь унять вспыхнувшую тревогу.

— Ваш папочка снова генеральный директор! — торжественно отчеканил Олег. — А фирма покруче будет.

— Олежка! Мы ведь уже проходили через это, — устало обронила Вера. — Может, не стоит ввязываться?..

— Ничего не бойся, всё будет хорошо. — Олег обнял жену и поцеловал в губы. — Или ты не рада?

— Я рада, — выдавила из себя Вера и улыбнулась. Ну чёго она, на самом деле? Её муж не может сидеть без дела, без крупного дела. Он умный, талантливый. У него всё получится.

— И мы рады, — заявили девчонки.

— Мам, это же просто здорово! Папка снова будет начальником, — кричала из ванной эмоциональная Сашенька, моя под краном руки.

Все суетились на кухне, накрывая на стол. Олег достал из портфеля свежие огурцы, помидоры, копчёную колбасу, коробку шоколадных конфет. Ужинали, пили чай, весело переговариваясь. Вера смеялась вместе с детьми и мужем, но на сердце по-прежнему было тревожно.

* * *

Новая квартира была немного лучше, чем прежняя, её окна выходили на Кремль. Дом был охраняемый, внизу сидела консьержка. К сентябрю Зубковы полностью обставили квартиру и наконец-то перебрались. Девочки снова пошли в элитную школу с английским уклоном.

— Вера, у меня два билета в Большой театр! Быстро одевайся, через час я заеду за тобой, чтобы была готова, — энергично сказал Олег в трубку и сразу же положил её.

Вера суетилась, бегая по комнатам. Что же надеть? Остановилась на облегающем вечернем платье чёрного цвета. На шею надела жемчужное колье, и серьги — с жемчужными камушками. Нанесла лёгкий макияж. Причёску сделать не успевала, а потому попыталась уложить волосы при помощи плойки. И тут щёлкнул замок, вошёл Олег и замер на пороге, изумлённо глядя на жену.

— Потрясающе выглядыш! Боюсь, мы пропустим балет. — Он обнял Веру. — Мне хочется остаться дома!

— Не мешай, а то мы действительно опоздаем, — притворно сердито сказала Вера и с нежностью отвела от себя руки любимого. Через пару минут она была готова. Олег помог ей надеть плащ, и они спустились вниз. Решили пройтись пешком. Всего-то минут тридцать до театра. Солнце спряталось за облаками, но было тепло и тихо. Бабье лето неслышно опустилось на московские улицы. Берёзы нарядились в свои жёлтые сарафаны. Под ногами шуршали опавшие листья. Ве-

ра любила и этот шорох, и эту тишину... Господи, хорошо-то как, подумалось ей.

— Цветы! Я забыл купить цветы, — спохватился вдруг Олег. — Я знаю неподалёку один магазинчик, там и букет возьмём, и ещё кое-что.

— Что? — спросила задумчиво Вера.

— Сюрприз.

Олег купил Веру точно такое же кольцо — золотое с бриллиантами, какое она потеряла у Людмилы, и чайные розы, а ещё — букет для лучшей танцовщицы. Сердце Веры таяло от нежности. Они спускались по широким ступенькам магазина, держась за руки, их лица светились от счастья. Вдруг справа раздались непонятные хлопки, будто над самым ухом одна за другой взорвались новогодние хлопушки. Дальнейшее казалось нереальным, всё было словно в замедленной киноплёнке. Это не с ними происходило. Да и происходило ли вообще? Рука Олега вздрогнула. Супруги в недоумении повернули головы вправо. Какие-то люди в масках, с оружием. Стреляли? В них? Олег начал медленно оседать. Вера смотрела на него, глаза её мгновенно наполнились ужасом.

— Оле-е-ег! — истошно закричала Вера, наклонившись над мужем. И, обхватив его голову руками, прижалась к нему. — Не умирай, любимый! Ты только не умирай, — просила она, целуя его лицо... Потом потеряла сознание.

Олега похоронили в Москве с почестями, которых он и был достоин. Вера не думала, что сможет это пережить. Специально приглашённая медсестра поставила ей какие-то уколы, и она передвигалась словно сомнамбула, ничего не чувствуя... Коллеги Олега, которые действительно уважали его за честность и справедливость, за ровное отношение к подчинённым, помогли Вере не только похоронить мужа, но продать имущество и переехать в Сургут. Вера поселилась с девочками в двухкомнатной секции трёхлистника, расположенного на улице Лермонтова. Пока ещё раздумывала, куда пойти работать — на телевидение или в газету. Везде были

ей рады. Но Вера не могла ещё найти в себе силы, чтобы заниматься журналистикой. Она трудно переживала своё горе, перестала радоваться жизни, словно бы с уходом Олега из этого мира ушла и часть её души. Жила она только ради детей.

— Выходи на работу, подруга, — зазывала её по телефону Людмила. — Хоть немного развеешься. Нельзя всё время думать об Олеге. Пойми, его не вернуть. А самой и свихнуться недолго... И на кого детей оставишь? Подумай.

Всё понимала Вера, но пока через себя переступить не могла.

17

— Вера! — окликнул её кто-то, когда она открывала двери в подъезд. Она оглянулась, внимательно всматриваясь в незнакомца, стоявшего всего в трёх метрах от неё. В декабре самые короткие дни — темнеть в Сургуте начинает часа в три дня. Она узнала Руслана, когда он подошёл совсем близко. Он смотрел на её бледное лицо, на ресницы, покрытые инеем, и сердце его изнывало от жалости и сострадания. Он взял из её рук пакеты.

— Войдём в подъезд, а то замёрзнешь, — предложил он.

Они поднялись по лестнице на восьмой этаж. Возле своей двери Вера повернулась к Руслану. По дороге она расстегнула шубку, и Руслан заметил, что на ней чёрное платье. Вера казалась ему сейчас такой трогательно беззащитной, что хотелось крепко прижать её к себе, спрятать, спасти от всего зла в этом мире.

— Я зайду?.. — предложил он Вере.

Она отрицательно покачала головой, глядя ему в глаза.

— Вера, позволь мне помочь тебе и твоим девочкам, — попросил он.

— Не надо, Руслан. Я справляюсь сама, — отказалася она. — Не приходи больше. Никогда.

— «Никогда не говори никогда», — сказал он в пространство растерянно и посмотрел на неё с таким от-

чаянием, что она пожалела о своей жёсткости, губы её дрогнули.

– Прости, Руслан. Я не хотела тебя обидеть, – сказала она виновато. – Просто сейчас я не могу никого видеть. Мне нужно время...

– Могу я надеяться?..

– Там будет видно.

Лицо Руслана словно бы осветилось внутренним светом. Чтобы скрыть это, он резко развернулся и зашагал прочь.

2004-2005 гг.

«Да, за счастье!»

Более четверти века Яков Черняк живёт в Сургуте. Это ЕГО город. Хотя его биография, как и биографии большинства сургутян, оказалась на Севере в далёкие семидесятые, начиналась не здесь. Он приехал сюда ненадолго, а оказалось – на десятилетия. Каждый врастал в суровую почву по-своему: кто-то нехотя, а кто и сам не заметил, как это произошло. А иные за всю жизнь так и не смогли расстаться с чемоданным настроением. И всё же типичный сургутянин – человек, изживший или изживающий в себе психологию временного поселенца, в этом Яков Семёнович убеждён. Этому способствует и стратегия городского развития, в частности формирование социокультурной среды, чем и он в настоящее время в качестве заместителя главы Администрации города Сургута посильно занимается.

Яков не раз задавал себе вопрос: что было бы, если бы он не приехал на Север? Была бы другая жизнь. Так случилось, что есть у него два мира: до Сургута и Сургут, которому посвятил уже почти тридцать лет своей жизни.

1. Страсть, взращенная на плодотворной почве

До Сургута у Якова Черняка была не менее яркая жизнь. Был Харьков – его родной город. Была молодость, были мечты, победы и поражения. Жажда жизни и стремление к лидерству – качества, по-видимому, самой природой заложенные в его натуре – он лев по знаку зодиака, – не давали ему жить спокойно и пресно. Мысленно просматривая прожитые годы, он понял, что всё сходится, как положительные, так и отрицательные стороны его характера. По другому гороскопу Яков – кабан, а вернее, вепрь, к тому же огненный – 1947 год рождения. А это очень сильный, настойчивый зверь. Оказала своё влияние на становление его лично-

сти и среда, в которой вырос, он – послевоенный ребёнок. Мальчик из интеллигентной семьи: мать учительница, отец – техник-инженер, наставник молодёжи. Весь израненный пришёл он с фронта, но после рождения сына был снова призван в армию и вернулся уже в начале пятидесятых годов.

– Матушка после окончания института – отделение иностранных языков – по распределению попала в Миргород (родина Гоголя) Полтавской области. Родился я в Харькове, но первые три года провёл в Миргороде.

Эту историю матушка рассказала мне, когда я был уже взрослым, сам я этого не помню... Жить нас определили к такой же, как мама, солдатке. Она выделила нам комнату в хате. Был у неё огород, хозяйство. Каждое утро мама пыталась накормить меня, а потом бежала на работу. Что могла дать мне? Только тыковку, чтобы успокоить себя: сынок накормлен. Но что-то я плохо кушать стал, и мама переживала. Прошло несколько месяцев, и как-то в воскресенье, когда мы завтракали вместе с хозяйкой, мама пожаловалась: «Мне за Яшеньку что-то тревожно. Он плохо кушает. А с другой стороны, вроде бы и не худеет». А хозяйка в ответ: «Вы не волнуйтесь, я корыто мыю (я корыто мою)...» И рассказала следующее. Каждое утро, когда мама уходила на работу, она клала в корыто свиньям еду: кавуны, тыквы, картофель. И однажды она заметила, что я взял из корыта какой-то овощ, ушёл в огород и там его съел. После этого случая она начала мыть корыто тщательно. «Яша, наверное, животные к тебе очень хорошо относятся, потому что кабаны и свиньи сожрали бы тебя», – говорила мне мама.

Перед Яковом часто возникает образ того маленького мальчика, который кушал вместе с животными – не потому что голодный, а потому что такое детство было. Мысленно он видит свою маму, уходящую на работу и прибегающую на переменках к «родному Яшеньке».

Потом они переехали в Харьков. Мама преподавала в школе, отец к тому времени уже вернулся домой. У Семёна было шесть сестёр, и всех опалила война –

остались без мужей, и он, «Сенечка», как они его называли, был единственным мужчиной в большой семье, всем помогал, он был для них – главный.

Ранения сыграли свою роль, отец слишком рано ушёл из жизни.

Детство Яши прошло в коммунальной квартире, вначале с ними жили и бабушка с дедушкой. Была обычная коммуналка, где все комнаты выходили в общий коридор, а готовили на одной плите. Дом их относился к Украинскому физико-техническому институту, в простонародье УФТИ. Это была кузница кадров и концентрация умов великих, место, где в конце тридцатых годов расщепили атом, где был изобретён первый ускоритель элементарных частиц, где работали Ландау, Лифшиц, Вальтер, Синельников... Яков учился в физико-математической школе с детьми великих учёных.

– В нашем большом дворе помимо учёных жили и ректоры различных вузов, и женщины, чьи мужья не пришли с фронта, и бандиты... Самые разные люди. В такой среде мы и росли все вместе, послевоенные дети из самых разных слоёв общества. Учились, дрались, играли в футбол. Обычное детство со всеми советскими этапами развития: октябрёнок, пионер, комсомолец... Тем более, в учительской семье, где всё было в этом смысле ранжировано. Я на своей шкуре испытал и знаю, что такие учительские дети... Пионерский лагерь летом – обязательно. А когда отец был свободен, когда были премии какие-то, мы ездили в Евпаторию, снимали комнатку, как и тысячи людей того времени.

Жили как все, ниже среднего. Радовались простым вещам. Сыты, одеты, обуты. Это была серьёзная жизнь большого промышленного и научного города. Я весь оттуда.

Школу Яков окончил в 1965 году и сразу поступил в Харьковский политехнический институт. Выбор первой профессии определила любовь к спорту – с малых лет занимался фехтованием, а тренер в то время работал в спорткомплексе этого вуза. Помимо спорта Яков

увлекался ещё и самодеятельностью. И студенчество он любил именно за это, а не за учёбу, уже тогда осознавая, что технический вуз – не его будущее. И собирался бросать, остался только потому, что мама умоляла доучиться.

В стенах политеха Яков приобрёл не только профессию, но и организаторские навыки, проявив лидерские качества. Капитан сборной студенческой команды города Харькова, руководитель известного театра рук... «Худенький мальчик с ярко выраженным желанием совершенствоваться», как говорит сам. Успокоенности не было ни в чём, и эту неуспокоенность как основное чувство он несёт до сих пор, она двигатель его жизни.

Театром Яков Черняк был увлечён довольно большой отрезок времени. Хотя в их роду актёров не было, но испокон веку предки его учителями были или занимались другими видами деятельности, связанными с работой души, это были интеллигентные люди. Его мама – заядлый театрал – водила своего Яшеньку по театрам каждую субботу и воскресенье, благо в то время в Харькове было много крупнейших украинских и русских театров, в которых они посмотрели большое количество спектаклей.

– Любовь к театру всегда жила во мне, и всё мое существование было наполнено этим чувством, театральная моя жизнь шла пунктирно по моей судьбе. Уже в достаточно зрелом возрасте, когда мне было лет двадцать, я пришёл в очень интересный коллектив во Дворце студентов при политехническом институте – к «кукольникам». Это был не совсем кукольный театр, а нечто необычное, вырывающееся из общей традиции, – театр пантомимы рук, что меня и подкупило. Рукой мы могли выразить самые глубокие нюансы человеческого бытия. Мне повезло, что я стал актёром этого коллектива под руководством двух молодых актёров из Харьковского театра кукол, с которыми мы подружились на всю жизнь. Позже они стали большими российскими режиссёрами: Витя Шрайман и Валера Вольховский,

царство ему небесное, недавно умер. Это два светила кукольного театра России... Когда ребята ушли, театр возглавил я, не имея специального образования. Но было, вероятно, врождённое образное мышление, некие наклонности, что позволило мне стать режиссёром и вести за собой коллектив около десяти лет, до самого отъезда в Сургут. В то время я работал в конструкторском бюро инженером-конструктором и параллельно занимался театром, довольно успешно. Мы не раз становились лауреатами всесоюзных конкурсов.

Театр во Дворце студентов, куда я сразу после работы ездил четыре раза в неделю, был той отдушиной, тем глотком свежего воздуха, который меня в этом болоте спасал. Иначе я бы просто сорвался. У меня тогда уже была своя семья (я женился сразу после распределения), которую надо было содержать, нужны были деньги, а потому летом я ёщё и старшим вожатым в пионерских лагерях подрабатывал. Была дочь, Настенька, и ей я должен был обеспечить достойное существование.

Уже и квартиру я построил в рассрочку, двухкомнатную, ныряя в такие кредитные истории... Как я выпутался из этого?! Это сейчас можно говорить о кредите, а тогда я занимал деньги, как-то отдавал. Очень было сложно. Жена Алла мало зарабатывала. А мне 30 лет! И было ощущение какого-то тупика в перспективе.

Я прекрасно понимал, что если не сломаю ситуацию, то могу год за годом совершенно чётко расписать до самой смерти, чем буду заниматься, что никогда не вылезу из перенапряжения для того, чтобы семья была более-менее в порядке. Я пребывал в судорожных подсознательных поисках выхода из тупика. Один из путей – отъезд в какой-то регион «с кисельными берегами и молочными реками». За длинным рублём, ни за чем больше. Ни-за-чем больше! Мною двигало ощущение ответственности за семью и необходимости изменить свою судьбу, и того, что и театр уже не приносит удовлетворения, потому что здесь играли не профессиональные актёры, а студенты технического вуза, которых надо зажечь. Их надо кормить энергетикой. А

ты – уставший и отрабатывающий сорок пять или там шестьдесят рублей совместительства по театру. Это уже не то... Это какая-то сумасшедшая жизнь, тем более работал я, как говорится, не за страх, а за совесть... Но никакого удовлетворения и никакой перспективы.

2. Не рай, а технокрай, или Самый романтический город

Яков принял решение найти такое место, где можно было реализовать потребность к нормальной, материально обеспеченной жизни. И таким местом оказался Сургут, где к тому времени уже обосновалось много харьковчан. Он ехал в этот город с мыслью о том, что никогда больше не будет заниматься искусством и культурой, потому что в тот момент не видел в этой области перспектив. Роль Сургута представлялась ему сугубо технологической – не рай, а технокрай, где можно заработать. Деньги, которые получали здесь, казались ему большими. В Сургут Яков Черняк приехал летом 1979 года.

– Сургут показался мне самым романтическим городом. Он встретил меня интереснейшим образом. Я прилетел, никому не сообщив, и мне нужно было найти улицу Республики, где жил Женя Фокин. Я долго ждал автобус возле аэропорта. Нужную остановку подсказал водитель, и, проходя мимо магазина «Сайма» (так он тогда назывался), я увидел живописнейшего бича, который пил из горла не шмардыган какой-нибудь, а токайское вино. Эта картина напомнила мне произведения Джека Лондона, которые я страшно любил, и определённые его рассказы где-то в подкорке роились, и Север тогда мне казался Клондайком... Это я потом понял: что было в магазине, то и пили. Была тогда водка на корне вьетнамском, мерзопакостная – её пили, потому что она была в тот момент единственная...

Земляки на первых порах поддержали Якова, помогли трудоустроиться. Сначала – инженер-конструктор – около полугода работал у геологов старшим механиком участка сантехников. Через некоторое время

ему дали комнату, ради которой и устраивался на эту работу.

Так началась его жизнь в Сургуте – городе, который нравился ему в то время и который он любит всей душой сейчас.

Были и минуты отчаянья, когда Черняк подумывал о том, чтобы уехать, потому что никто его здесь не ждал, и временами всё казалось не так красиво, как он себе намечтал. Он приехал сюда не «за туманом» – за деньгами. Он метался в поисках работы, харьковские приятели предлагали ему то одно, то другое. Яков мог оказаться где угодно, например в Русскинской или в Нефтеюганске... – дело случая. Или судьбы. И снова наступил переломный момент, когда он понял, что если не изменит что-нибудь на этом этапе, то придётся уехать. В это время и вмешался Его Величество Случай, переменивший всю его судьбу. Друзья познакомили Якова с директором ДК «Строитель» – Александром Монастырским. С этого знакомства началась новая страница в его жизни.

3. «Я забыл о деньгах...»

Дом культуры «Строитель» в семидесятые годы прошлого столетия был настоящим очагом, и огонь, пылавший там, привлекал к себе молодёжь города. Это было место, где потрясающее, феноменально развивающееся народное самодеятельное творчество. В те годы там сконцентрировалась целая диаспора творческих работников из Украины, среди них Рафаил Карасёв – крупный балетмейстер-постановщик, заслуженный работник культуры Украины, и его жена, певица Нина Карасёва, создавшая вокальный ансамбль «Росинка». Эту семейную пару, как и многие другие, поначалу пугала ужасная неустроенность, которая царила повсюду. Они приехали сюда на три года, а остались навсегда. В середине семидесятых на основе танцевального кружка в «Строителе» был создан легендарный ансамбль «Сургут», вскоре получивший звание народного. Творческие коллективы в те годы много гастролировали,

ездили в Италию, Испанию и в страны «социалистического лагеря». Люди шли в самодеятельность просто потому, что любили петь и танцевать. В это же время в «Строителе» работал известный в Сургуте фотограф Леонид Березницкий.

Таким был в те годы ДК «Строитель», директором которого являлся замечательный человек, талантливый руководитель Александр Яковлевич Монастырский, которому в ту пору было всего тридцать лет. Он и уговорил Черняка поработать в культуре. Сначала Яков был руководителем экспериментальной дискотеки «Югра», совершенно отличавшейся от всего, что было до и после.

Однажды Яков Черняк провёл дискотеку о первооткрывателях нефти «Чудо XX века». Вместо традиционно прозападных программ с «Бони М» и «Роллинг стонз» эта программа строилась на местном материале и представляла собой публицистическую, аудиовизуальную композицию с песнями Юрия Вахнюка и диапозитивами различных фотографий, среди которых и ставшая теперь знаменитой, где Фарман Салманов обнимается со своими товарищами – свидетелями открытия первой нефти. Яков был одним из ведущих, играл академика Губкина и от его имени спорил с его оппонентами: «На Севере нефть есть!» Для тех лет всё было современно выстроено, и в Москве это показалось чрезвычайно важным. Сургутяне имели успех.

Уже через полгода Якова перевели на постоянную работу в качестве заведующего политико-массовым отделом, где он занимался режиссурой массовых зрелищ, приуроченных к известным праздничным датам – 7 ноября, 23 февраля, 1 Мая; к годовщинам создания СССР и к партийным конференциям. Ему дали однокомнатную квартиру, что было чрезвычайно важно, ведь жил он в общежитии – в одном из первых бараков, которые подлежали сносу уже тогда. Это – сырость, крысы, водовозка в семь часов вечера, туалет за пятьсот метров...

– Я наелся этой романтики выше головы. Прошёл через всё... И когда через полтора года председатель

горисполкома Леонид Яковлевич Рокецкий дал мне по просьбе Александра Яковlevича Монастырского однокомнатную изолированную квартиру в новостройке (малосемейку) – это было как приз. Значит, я был нужен. Я привёз туда семью. Настенька – моя дочечка – пошла в школу здесь (через десять лет в 1984 году, когда дочери было семьнадцать, родился Семён). Жена устроилась на работу. Я, по-прежнему, был в «Строителе».

Дом культуры «Строитель» продолжал быть центром притяжения людей, большинство из которых спустя тридцать лет стали известными и авторитетными фигурами – музыканты Александр Груздев и Светлана Марченко, Гарий Казаченко – он сейчас работает в Москве; Александр Богатырёв, уехавший в Голливуд, как и фотограф Ирина Будаловская. На месте нынешнего административного сектора в ДК размещался спортзал. Дом культуры был единственным досуговым центром, и по вечерам здесь проходили баскетбольные, да и другие состязания множества команд – ДК, УВД, работников горкома. Нынешний мэр города Александр Сидоров, а тогда инженер «Сургутгазстроя», тоже был завсегдатаем этих баталий.

– Я попал, безусловно, на одного из выдающихся людей нашего времени – Александра Яковлевича Монастырского. Если бы не болезнь и преждевременная смерть, он был бы одним из крупнейших деятелей культуры нашей страны. Он задумал и осуществил несколько крупных проектов. Было ощущение, с одной стороны, масштабности, с другой – достаточной свободы, которую давал этот молодой руководитель. Плюс его умение заботиться о своём коллективе. Это редкостное сочетание, свойственное Саше Монастырскому, его друзьям и соратникам, с которыми я дружил и дружу до сих пор. Это люди большой культуры и большого профессионального звучания. И я благодарен им за дружбу. И отношусь к ним с такой же преданностью и любовью, как и раньше. Я помню и глубоко уважаю всех, потому что на самом деле у нас была общая семья – особый мир, построенный Александром Монастырским, который хотя и был моложе меня тогда, но его уважали все. Это был человек чёткой ясной

цели и большой воли, умеющий управлять. ДК «Строитель» – особая для меня пора: изменение мышления и рождение сургутянина.

Ментальность Сургута особая, не такая, как в больших городах. Это ментальность новых и в то же время старых территорий. Есть молодой Сургут, и Сургут, которому более четырёхсот лет... Всё это я понял позднее. А тогда, в первые годы моего пребывания здесь, это был огромный, динамичный, новый город. Эта диалектика развития меня захватывала. Ощущение возможности реализовать себя и своё дело безгранично по сравнению с другими городами. И ощущение полноты жизни. И яркие, незамутнённые отношения между людьми. Всё здесь было достаточно выпукло и словно раскрашено крупными мазками.

Когда я понял, что связан с культурой и что прирос к этому месту, что нужен здесь, то уже забыл о деньгах. Я вновь почувствовал удовольствие от жизни. Я оказался в хорошем месте в нужное время.

Уйдя из «Строителя», Яков продолжал ставить масовые мероприятия, к нему обращались, как к режиссёру-постановщику. Летом он ездил в пионерский лагерь «Сургутгазстроя». Где-то работал «подснежником», ему приходилось, скажем, числиться прорабом СУ-14, но заниматься совсем другим делом. Многие тогда так устраивались, потому что не было каких-то прямых должностей, соответствующих тому или иному реальному виду деятельности.

В один прекрасный день заведующая городским отделом культуры Софья Васильевна Лепявко предложила Черняку возглавить ДК «Нефтяник», который остался без руководителя – его директор Альбина Петровна Дулова, к сожалению, тяжело заболела и вскоре ушла из жизни. Софья Васильевна знала Якова по совместным творческим проектам. И Олег Абрамович Саруханов, и Леонид Рокецкий принимали участие в его дальнейшей судьбе, они тоже рекомендовали его на эту должность.

4. Гремели на всю область

Дом культуры «Нефтяник» – подразделение «Сургутнефтегаза», а это отдельная, принимающая самостоятельные решения структура. ДК «Нефтяник» тогда был крупнейшим центром культуры со своими устоявшимися традициями. А так как Яков Черняк являлся постановщиком общегородских мероприятий, и даже окружных и областных, и был знаком со многими творческими людьми, вхождение его в коллектив прошло безболезненно. Он проработал здесь около пяти лет, которые были для него чрезвычайно плодотворными и счастливыми.

Старожилы Дома культуры до сих пор считают эти годы лучшими для коллектива, который работал как одно целое. А время было непростое, тогда существовали парткомы, которые контролировали деятельность учреждений культуры в плане идеологической обеспеченности, и перед ними необходимо было отчитываться. И всё же особого гнёта Черняк не ощущал, наступило время, когда уже воспринимались свежие идеи. Это был конец восьмидесятых – годы некоторой оттепели горбачёвской. Специалистами ДК разработана программа, чрезвычайно сложная для исполнения, но необходимая. Программа, в которой в первую очередь учитывались интересы нефтяников. Директор прекрасно понимал, что «Сургутнефтегаз» – градообразующее предприятие, и Дом культуры должен жить его жизнью, а не как нечто отдельное, связанное лишь с высоким искусством. ДК «Нефтяник» был одним из цехов «Сургутнефтегаза», и это не приижжало, а вселяло в культработников гордость. Они осознавали, какие сложные и высокие задачи ставят перед собой нефтяники, и добросовестно, от души делали свою часть работы, обеспечивая идеологическое и культурное обслуживание. И слова находились тёплые, нужные. Огромная радость переполняла сердца культработников, когда стали лауреатами премии Тюменского комсомола –

Дом культуры был признан лучшим среди дворцов нефтяной и газовой промышленности. «Нефтяник» гремел на всю область.

В те годы родилось и удачно воплотилось в жизнь большое количество творческих задумок. Чего только стоит постановка оперетты Кальмана «Сильва»! Это был межведомственный проект, совместный с самодеятельностью аэропорта. Режиссёр, она же дирижёр, Нина Несмачная, очень увлечённый человек, сумела зажечь всех. Это был красивый, любимый сургутянами спектакль, ставший теперь легендой. Осуществление данного проекта – один из счастливейших моментов в биографии Якова Черняка. Тогда собралось огромное количество талантливых людей, объединённых одной идеей, общим порывом.

– Я вспоминаю один из тяжелейших моментов того периода, когда трагически погиб наш хореограф Саша Сафонов – создатель ансамбля «Юность Сибири». Но мы не потеряли тогда коллектив благодаря Саше Уржумову. Беда случилась, когда мы проводили в окруже мероприятие в честь очередного какого-то юбилея, и я решил сказать участникам ансамбля перед выходом на сцену о несчастье с руководителем, и попросил их танцевать в честь погибшего Саши. И они танцевали как никогда. Это были настоящие люди разных профессий, которые вечером приходили в Дом культуры, чтобы танцевать, петь... То, что происходило тогда в любительском, самодеятельном творчестве, – великое достижение страны, в которой создавались все условия для реализации творческих потребностей каждого желающего. Это был социальный дар государства народу. К сожалению, сейчас самодеятельность так не развивается, и не потому, что это не нужно человеку, а именно потому, что государство изменило приоритеты. Когда я езжу на различные семинары и конференции культурной индустрии, то вижу, что весь Запад только ещё тихо идёт к созданию таких условий, а мы взяли и своими руками всё это порушили.

5. Управлениц

И снова неожиданный поворот судьбы, впрочем, подготовленный всей предыдущей его деятельностью, творчески насыщенной, наполненной до краёв. Неизвестно как сложилась бы дальнейшая жизнь Якова, если бы не Софья Васильевна Лепявко, второй раз сыгравшая в его судьбе важную роль. Уезжая из Сургута, она предложила на своё место – начальника отдела культуры – кандидатуру Черняка, её поддержал Леонид Рокецкий. Яков до сих пор благодарен этой мудрой женщине, тепло и по-матерински отнёсшейся к нему, за её пристальный профессиональный взгляд, за то, что сумела разглядеть в нём человека, который мог быть полезным родному городу. С её лёгкой руки Яков Черняк в 1989 году вступил в должность заведующего отделом культуры, с которой и началось его восхождение по служебной лестнице. Ступень за ступенью – отдел, управление, департамент – дошёл он до нынешней своей должности заместителя главы.

А в тот момент, когда ему предложили возглавить городской отдел культуры, он согласился очень неохотно. Яков думал, что чиновник – бюрократ, рутинёр. Теперь-то он знает, что и управленица может быть творческим человеком. В любом деле многое зависит от того, какой ты есть на самом деле, что тебе в этой жизни надо. И властные структуры не исключение.

Ещё на начальном этапе восхождения по служебной лестнице Яков Черняк имел возможность воплощать самые смелые задумки, потому что в лице руководства нашёл соратников, ясно понимающих, насколько важно развитие в городе такой области, как культура. Яков часто задавал себе вопросы: что такое город Сургут, как культурный центр, по отношению к его жителям. Только ли это территория, где живут нефтяники с минимальным набором социальных услуг в виде школы, больницы, роддома? Или это что-то более широкое, глубокое, с расширенной инфраструктурой? Для развития Сургута, как города культуры, требуется большее коли-

чество ингредиентов. И он отвечал на эти вопросы делами. При его участии строились различные объекты, являющиеся признаком культурного города: музеи, театры, филармония... Перечислять можно долго. Ведомственная культура или культура, как отрасль городского хозяйства, имеет помещения, оборудование... Всем этим занимался Яков Черняк – стратегически выстраивал и координировал.

– Мне повезло: я работаю под руководством Александра Леонидовича Сидорова, человека широкой души, который даёт возможность быть рядом креативным людям, воспринимает свежие идеи и помогает их воплощать. С ним можно обсудить любые стратегические моменты. Он имеет свои суждения, у него есть своё видение городской жизни, и нам нередко приходится спорить, отстаивать свои убеждения. Александр Леонидович всегда внимательно выслушивает аргументы, и оппонирует внятно, вопросы ставит по существу.

В 1994 году, к 400-летию Сургута, Яков Черняк с соратниками затеял целую серию фестивалей, благодаря чему сургутяне имели возможность прикоснуться к высокому искусству, увидеть воочию и услышать великих музыкантов, артистов театра и кино, посмотреть лучшие фильмы и постановки. Вокальный фестиваль возглавила Ирина Архипова, детский – Ролан Быков, кинематографический – Николай Губенко, джазовый – Олег Лундстрем, фестиваль народного творчества – дирижёр Николай Калинин, песенный – Никита Богословский и Лев Ощанин, театральный – Михаил Ульянов.

Культурная жизнь в городе кипела, дворцы работали, самодеятельность развивалась. К каждому празднику готовились и проводились массовые мероприятия, в этом процессе было задействовано много самых разных структур. Рядовому сургутянину абсолютно всё равно, сколько учреждений принимало участие в том или ином мероприятии; важно, что это взаимодействие приводило к эффективному результату. Яков Черняк

ясно понимал роль государства, роль муниципалитета в создании условий для самореализации личности.

— Мы должны предложить. Не навязывать, а предложить определённые условия. Это специализированный класс, концертмейстер, специалист... Важно понимать, что идентификация нации связана с этой ситуацией. Каждая нация, каждый народ имеет своё лицо. Другой вопрос: где эта золотая середина? Не всех загнать в класс русского народного танца — Боже сохрани! Дать возможность жителям Сургута реализовать себя в тех или иных видах культуры и искусства, которые предлагает и муниципалитет. Есть услуги культурные, которые без денег муниципалитета и налогоплательщика не выживут. А на коммерческий проект — на шоу Киркорова, например, — тот, кому надо, билет купит.

Десять лет работы в учреждениях культуры города — отдельная и особая страница жизни Черняка, начало всех начал. С тех пор, как Яков стал осознавать себя профессиональным работником культуры, он почувствовал недостаточность своего инженерно-технического образования и решил учиться. Заочно окончил Московский институт культуры, факультет режиссуры массовых зрелищ. И довольно долго, несмотря на свой статус чиновника, с удовольствием ставил и продюсировал всякого рода действия, как в Сургуте, так и в других городах России, и даже за рубежом. И лишь в последние годы из-за постоянного цейтнота прекратил носиться с рупором по площадям и стадионам, хотя любил это дело. Кроме того, после четырёх лет аспирантуры в Академии госслужбы по специальности «религиоведение», Яков Семёнович защитил кандидатскую диссертацию; его всегда интересовали вопросы взаимоотношений светской и духовной культуры. Осведомлённость в этих вопросах носит не отвлечённый характер, а помогает ему в повседневной работе.

При всей универсальности науки управления, всё-таки очень важно профессионально ориентироваться в том, за что ты отвечаешь, считает Яков Семёнович.

6. Другие масштабы

Получение статуса заместителя главы важно было для Якова Семёновича, потому что открывало большее количество дверей, принося тем самым большую пользу. Расширилась и сфера деятельности. Черняк курирует культуру, молодёжную политику, спорт, международные и межрегиональные связи... Он возглавляет множество различных координационных комиссий, советов. И на этом посту ему удалось воплотить в жизнь много интересных проектов.

Так, Яков Семёнович стал одним из авторов идеи «60-я параллель».

60-я параллель, на которой расположен Сургут, – своего рода граница; за этой границей человеческая цивилизация существует в особых природных условиях. Природа, география определяют известное сходство и социокультурного, и экологического, и, если можно так сказать, психологического ландшафта северных регионов. Несколько лет назад явились мысль затеять что-то вроде постоянной переклички городов и людей, живущих севернее нашей географической широты, тех, кого объединяет понятие «жизнь на Севере»; жизнь в Сургуте и Магадане, в Ханты-Мансийске и Якутске, в Сыктывкаре, Выборге, Петрозаводске... в Анкоридже на Аляске, в норвежских Осло и Бергене, в датских Орхусе и Выборге... Наш город инициировал программу международного сотрудничества, которую так и назвали: «60-я параллель».

Первый форум городов 60-й параллели состоялся в 2001 году в Сургуте. В течение нескольких дней шёл поликультурный фестиваль, проводились общественно-политические дискуссии,отовыставки, фестивали моды и перформанса, рок- и фолькмузыки, спортивные соревнования и даже соревнования кулинаров. Однако этими акциями содержание программы не исчерпывается. Периодический обмен официальными и культурными делегациями, договорённости между мэриями – не главная составляющая программы. Основа всей

её конструкции – практический интерес и инициативы людей. Частных людей и общественных организаций. Они должны иметь реальную возможность самостоятельно устанавливать профессиональные, рабочие контакты между собой. Уже создана сеть партнёров. На уровне музеев, учебных заведений, бизнеса, СМИ и т.д. Каждая из партнёрских связок решает свои задачи, а мэрии, тоже состоящие в связке между собой, не диктуют им, что делать, но их обслуживают; вовлекают ресурсы, объединяют стратегически и технологически.

«60-я параллель» стала одним из городских брендов и собрала огромное количество участников. Создан журнал с одноимённым названием, появилась Юля Неруш, возглавившая журнал, и ещё огромное количество партнёров-единомышленников Якова Черняка. Среди них Анна Литвин – начальник управления культуры, Ирина Галушки, возглавившая Департамент культуры, молодёжной политики и спорта, Иван Шевченко, Сергей Арнольд и Сергей Третяк, руководители спорткомитета в разные годы. И многие другие люди.

Город не может существовать без театра, так же как без церкви, роддома... Яков Семёнович понимал это всегда; и ещё в ту пору, когда ставил дискоспектакли в «Строителе», мечтал вместе с соратниками о том, чтобы создать в Сургуте – силами местной молодёжи – театральный коллектив. Подобно тем СТЭМам (студенческим театрам эстрадных миниатюр), которые в определённые времена представляли собой целую сеть, охватывающую крупные города, в том числе и Харьков. Но в Сургуте это оказалось нереально: вузов здесь тогда ещё не было, только ПТУ и нефтяной техникум. Чтобы театр прижился, укоренился, нужны объективные предпосылки, а не только желание нескольких мечтателей. Сначала нужно было обеспечить город набором элементарных культурно-бытовых услуг – школы, больницы, кинотеатры, те же Дома культуры... Наконец созрели и до театра. Весь город созрел. От городской администрации требовалось лишь услышать этот зов времени и осознать его как стратегическую задачу.

В середине девяностых бурно развивающийся Сургут уже можно было назвать студенческим городом со своим кругом интеллигенции, в основном технической. Появилась благодарная публика, способная воспринимать спектакли известных театров, зачастивших к нам на гастроли; среди них и Табакерка, и Лев Додин с Малым драматическим – Театром Европы, и Константин Райкин с Сатириконом, и Александр Калягин с Et Cetera. Лия Ахеджакова, Виктор Гвоздицкий, Игорь Костолевский, Игорь Ясулович... Многие из именитых режиссёров и актёров невольно становились своего рода консультантами, в беседах с которыми очерчивались контуры будущего сургутского театра. Полезными оказались советы Олега Павловича Табакова. Особо доверительные отношения установились с Михаилом Александровичем Ульяновым. То, каким быть театру, Черняк обсуждал и с Владимиром Абрамовичем Этушем. Постепенно выстраивался образ будущего театра, эфемерная идея материализовалась. Теперь в нашем городе есть в муках рождённый музыкально-драматический театр, возглавила который Тамара Никифоровна Лычката, человек энергичный, творческий, увлечённый.

После того как произошли изменения в законодательстве, Черняку поручили организовывать работу всей социальной сферы. На его плечи легло огромное количество дополнительных полномочий и обязательств, под его руководством – около двадцати четырех комиссий и советов. А это – время. И оно требует концентрации чрезвычайной. Новые обязанности касаются не только культуры, искусства, но и здравоохранения и многих других областей. Якову Черняку приходится с утра до вечера рассматривать сложные вопросы, связанные с жизнью пожилых людей, незащищённых слоёв населения. Перед ним проходит огромное количество человеческих судеб. А это всё – колоссальные эмоциональные затраты. И конечно же, как у всякого человека, у Якова Семёновича бывают минуты, когда никого не хочется видеть. Когда хочется укрыться ото всех, побить одному. Его поймут те, чьи профессии связаны с об-

щением, с людьми, мелькающими ежеминутно, ежедневно перед глазами, словно в калейдоскопе.

Потому и в отпуск он уезжает куда-нибудь в красивые теплые края, пусть даже рядом нет моря; главное для него – видеть красивое, чтобы глаз отдохнул. Потому и любит пассивный отдых – полежать в шезлонге с книжкой или на диване, уставившись в телевизор. Активный ритм текущей жизни Яков Семёнович заменяет на другой – замедленный, контрастный. Чтобы восстановить силы. Двадцати отпускных дней хватает, чтобы подзарядиться на целый год. Ещё Черняку помогает в жизни присущее ему чувство юмора, и общение с друзьями.

7. Непроповеданный путь твои, Господи

Чиновник в России – синоним всего негативного. У нас принято ругать чиновников последними словами, обвинять их во всех бедах. В одном из своих выступлений Яков Черняк признался: «Да, я чиновник. В хорошем смысле этого слова». Назначение своё, как чиновника, он видит в служении людям. И это не пустые слова. В чём лично я убеждалась не раз. Но по большому счёту Якова Семёновича трудно назвать чиновником, поскольку его образ не умещается в рамки привычного восприятия этого понятия россиянами. Чиновник, как нечто далёкое, холодное, бездушное, совершенно не подходит для характеристики человеческих, да, собственно и профессиональных, качеств Черняка.

Яков Семёнович открыт для общения. В его приёмной постоянно допоздна толпится творческий народ: местные писатели, поэты, наш брат – журналист. Все с какими-то идеями, просьбами. На моей памяти не было ни одного случая отказа. Креативные проекты всегда находили у него поддержку. Финансирование книги – пожалуйста, фильма о достойном человеке – да, за счастье (коронное выражение Якова Семёновича, когда его греет чья-то идея)! Проблемы с жильём, с работой

(да мало ли) – не отмахнётся, похлопочет, сделает всё, что в его силах. А если денег у бедного художника нет, из собственного кармана достанет и даст от чистого сердца, не уронив при этом достоинства просящего.

Так получилось, что линии наших судеб – моей и Якова Семёновича – имели точки пересечения во времени и пространстве. Что, в общем-то, не удивительно для такого маленького компактного города, как Сургут. Не раз Яков Семёнович и мне протягивал руку помощи, ничего не требуя взамен. И я иду со своими проблемами к нему как к родственнику (понимаю при этом, что добрая половина сургутян питает к нему подобные чувства). Знаю, он выслушает, несмотря на огромную занятость, поинтересуется, как дела, дети, семья...

Впервые Якова Черняка я встретила в Доме культуры «Строитель», где в 1984 году проходила практику, – ставила дипломный спектакль. Он тогда был режиссёром городских массовых зрелищ, и в кабинет, где мы находились с Виолеттой Тверетиной, работавшей в то время в культурно-массовом отделе, забежал ненадолго. В кожаной куртке, яркий, экспрессивный, он казался небожителем. Полушутливо попросился в театр – сыграть для души. Я сразу же почувствовала, что из него получился бы классный исполнитель главной роли, но отказалась, понимая, что Яков затмит всех моих артистов, которые делали первые робкие шаги в театральном самодеятельном искусстве – мы занимались основами сценречи, актёрского мастерства.

Этот случай так и остался бы забытым эпизодом, но через несколько лет судьба снова свела траектории нашего движения в одно место – ДК «Нефтяник», где я, немного поработав после окончания института, ушла в декретный отпуск, а когда вернулась, директором был Черняк. Под руководством Якова Семёновича я работала меньше года, но прекрасно помню ту творческую атмосферу, которая была тогда в коллективе. Помню, какие грандиозные мероприятия проходили в Доме культуры. И разборы полётов по их окончании, когда доставалось всем сёстрам по серьгам; хотя вроде бы

всё хорошо было, острый глаз директора находил-таки недочёты, чтобы в следующий раз было ещё лучше, чище. Как известно, нет предела совершенству.

Ещё в волнах моей памяти всплывает одно из собраний, которое Яков Черняк проводил в зрительном зале Дома культуры. Он обращался к нам – работникам ДК – со сцены, говорил о настоящем «Нефтянике» и перспективах его развития, о предстоящих задачах и о повседневной жизни этого живого организма, о творческом духе коллектива... Речь его была сильна и эмоциональна, поистине это был театр одного актёра. В зал летели горячие слова, подобно вулканической лаве, огромные тёмные глаза горели пламенем, в языках которого можно было сгореть. И многие сгорали. В него влюблялись женщины. Слышала я и о том, что Яков Семёнович хороший отец. И действительно, детей своих он просто обожает, о чём я составила представление из нашей недавней беседы. У него их трое, старшие уже взрослые, самостоятельные люди, а младшенький Ванечка ещё только делает свои первые шаги.

– Моя личная жизнь, слава Богу, достаточно широка и многогранна. У меня любимая работа, любимые дети. Все мои дети – любимые. Я понимаю, что старших воспитывали, в основном, жена, бабушка и дедушка, так как я был всё время на работе. Я никогда с ними воспитательных тем не поднимал, каких-то там эзотерических бесед у зелёной лампы не вёл. Это, вероятно, была ситуация: делай как я. Я лечу, махая крыльями, – ты видишь? Попробуй сам. Есть ещё гены... Всё это вместе даёт мне основание утверждать, что я тоже какое-то участие в их воспитании принимал. Каждый день они что-то видели, что-то слышали. Мы общались. И общаемся. У Нasti уже своя большая семья, прекрасный муж, недавно тоже родился Ванечка, и Сонечка есть, внучка. Семён ещё пока студент, оканчивает Санкт-Петербургский университет международных отношений. А Настя – врач, косметолог-дерматолог, работает в частной клинике, у неё прекрасные руки, умная голова; я горжусь своей дочерью. Я часто

обращаюсь к ней за советом. Получить совет от детей – это уже счастье. А что касается Ванечки, могу сказать, что это моя отдушина, это прелестнейший ребёнок, ангел, который даёт такие минуты счастья, которые трудно было даже представить.

Годы пролетали незаметно. Якова Черняка судьба завела, как известно, в администрацию города, где он стал ведать всей культурой, меня – занесла на журналистскую тропу. Попутно я писала рассказы, коих набралось на небольшую книгу, и родилась идея издания сборника. Яков Семёнович поддержал, пообещав помочь с финансированием. Что затея провалилась – не его вина – издателей. Зато другой проект получился. Помню, как загорелись его глаза, когда поделилась мыслями о создании фильма о руководителе детского фольклорного коллектива Анатолии Николаевиче Ложкине. Рассказ о таком удивительном человеке – тем более, работа в связке с Екатериной Степановной Логиновой – никаких сомнений у Якова Семёновича не вызвал («Да, за счастье!»).

… Зайдя в конце рабочего дня в приёмную к заместителю мэра города – Черняку, я не удивилась, застав там собратьев по перу, опять с каким-то проектом пожаловавших. У меня же на этот раз другая миссия – написать о Якове Семёновиче очерк, в связи с его 60-летним юбилеем. И пришла я, чтобы поговорить не о себе любимой, а о нём.

Путь от этой встречи до созревания некоего целостного образа оказался долгим, длиною почти в два года, когда уже и повод остался позади. Мне хотелось дойти до самой сути и объективно показать судьбу отдельной личности, которая тесно переплелась с судьбою Сургута, о влиянии этой личности на становление города, на позитивные процессы, происходящие в нём.

На его всё ещё привлекательном лице – следы дневной усталости. Но глаза – живые, и речь эмоциональна. Беседу прерывали частые звонки, среди них – очень важные, не ответить на которые он просто не мог. Впереди – ещё позднее совещание... Цейтнот от-

влекал, и всё же я пыталась сквозь толщу наносного пробиться в глубь настоящего. И, честно говоря, иногда ответы всё-таки чиновника поражают совсем не чиновничим взглядом на существующий миропорядок. И некоторые стороны личности Якова Семёновича для меня явились открытием.

– Что вы можете сказать о развитии культуры сегодня в масштабах нашей страны, нашего города?

– Что касается города, то я оптимистически смотрю в будущее, потому что знаю реальных носителей культуры, имеющих собственные суждения, достаточно твёрдые. Я вижу в них бойцов, которые могут бороться за воплощение интересных идей. Мне кажется, что Сургут в местечко не превратится, а будет развиваться, внося свою лепту в развитие мировых ценностей. Сургут – город богатый на таланты. Другой вопрос, что взаимодействие государства и муниципалитета недостаточно, что администрация в долгую перед сургутянами, а происходит это потому, что много надо сделать, что даже у такого богатого города не хватает средств на всё. Но если появляются интересные программы, то в Сургуте, я уверен, они обязательно будут воплощены. Мы всё же находимся в более хорошем положении по сравнению с другими городами России. У нас есть люди, способные справиться с разными задачами. Это профессионалы во многих областях, в том числе и опытные управленцы. Город наш динамично развивается, и у него большие перспективы. Как это будет происходить? Быстро? Медленно? Будет и чёрное, и белое. Но есть некий потенциал, явно позитивный.

– Как вы относитесь к расслоению в обществе?

– Очень плохо. Мало богатых и очень много бедных людей. Что касается денег... Плебеем может быть и богатый, а аристократом, человеком высокого духа – бедный.

Если раньше советская идеология была направлена на колLECTивизм, патриотизм, когда – всё ради государства, то сейчас процветает тема индивидуализма и успеха, причём только в материальном плане. К сожалению, успех духовный не пропагандируется. Так

воспитывается наша молодёжь: ты в порядке, если ты богат. И это грустно.

– Вы – представитель власти. В ваших ли силах что-то изменить?

– Что могу, я делаю. Пытаюсь, по крайней мере. Всё, что соответствует моему пониманию долга и развития общества. Муниципальная власть наиболее близко стоит к человеку. Это уровень реального взаимодействия с людьми. Мы каждый день сталкиваемся с проблемами наших жителей и пытаемся их решить. Естественно, в рамках Закона, выше не прыгнешь...

В нашем ещё телефонном диалоге была затронута тема предварительных итогов в связи с юбилеем, и мне хотелось узнать, каков же главный итог жизни человека, готового перешагнуть шестидесятилетний рубеж?

– Я итогов не подводил. Мне ещё работать. Я этот этап не завершил. Мне хотелось бы лишь одного – чтобы наш город полноценно развивался во всех сферах. Я говорю о стратегии развития. Эта тема меня волнует чрезвычайно. Что касается подведения итогов некой другой жизни, личной, то теперь я понимаю, что больше надо обращать внимания на своё здоровье.

Черняк философски относится к жизни, к законам бытия, с благодарностью – к судьбе, хотя и не считает, что всё у него складывалось ровно. Как у любого человека, были и у него минуты отчаяния. Господь давал ему испытания, ставил перед проблемой выбора.

Жизнь его никогда не была скучной, она и сейчас продолжает быть насыщенной, интересной. Он много размышляет о перспективах бытия, переосмысливая прошлое. Происходит некоторая переоценка ценностей. Особенно это касается вопросов подвига, фанатизма... В последнее время он пытается донести до коллег мысль о том, что помимо работы существует и другая жизнь. Хотя и понимает, что он сам – человек советской формации, и не собирается ломать себя.

– Родители наградили меня двумя положительными, как мне кажется, качествами, и я пытаюсь передать их детям: благодарность и высокая степень ответ-

ственности. Гипертрофированно высокое чувство ответственности за близких, за дело, которое поручено. И та страна, которая поощряла таких, гипертрофированных, сформировала много мне подобных. Это были люди, которые двигали страну. Я прошу прощения за громкие слова. Но я видел их – Игорь Киртбая был моим другом, с Толиком Щепёткиным продолжаем дружить. Я могу перечислить тех, которые уже ушли из жизни. В их числе и Саша Монастырский, и все те, кто были достойными людьми и фонтанировали идеями, и у них была гипертрофированная степень ответственности.

Теперь и Сургут, и другие города нашего края – места освоенные. Былой «джеклондонской» романтики здесь уже не встретишь. Дети не ощущают её, потому что городская инфраструктура достаточно организована, социальная обеспеченность выше, чем во многих других российских городах. И в то же время для тех, кто приехал сюда в 70-80-е годы, Сургут по-прежнему романтическая территория, а отнюдь не абстрактный символ успеха и динамичного развития. В наших краях даже в «застойные» времена основным условием профессиональной реализации человека, его продвижения по служебной лестнице являлись его способности, независимо от анкетных данных и прочих конъюнктурных обстоятельств. По мнению Якова Семёновича, многие достойные люди прошли мимо своей судьбы из-за того, что теснились в суете столиц. А ему именно Сибирь дала возможность ощутить результаты своего труда, здесь он в своей среде. В душе он ощущает себя молодым, как и многие сургутяне. Вероятно, есть какой-то особый вирус Сургута, который заражает людей оптимизмом. Хотя есть здесь и те, кто по тридцать лет прожили на суровой, но прекрасной земле, и до сих пор не поменяли место прописки – как были москвичами, одесситами, киевлянами, так и остались ими. Не приняли этот город, живут в нём десятки лет, а всё равно смотрят на него как на нечто временное.

Яков Черняк Сургут принял, и Сургут принял Якова Черняка.

НАША СТРАЗКА

Яков Семёнович Черняк, заместитель главы Администрации города Сургута.

Родился 13 августа 1947 года в городе Харькове. В 1971 году окончил Харьковский политехнический институт им. В.И. Ленина по специальности «Гидропневмоавтоматика и гидропривод», затем Московский ордена Трудового Красного Знамени государственный институт культуры по специальности «Культурно-просветительская работа» (1984).

Кандидат философских наук (1999).

Профессиональную деятельность начал в 1971 году на Харьковском станкостроительном заводе. В Сургуте с 1979 года трудился в ПО «Обънефтегазгеология», с 1980 по 1985 год работал заведующим политико-просветительским отделом, заместителем директора по политico-массовой работе в ДК «Строитель». В 1985 году стал директором ДИ «Нефтяник». С 1989 по 1995 – заведующий отделом культуры горисполкома, затем – начальник городского управления культуры. В 1995 году назначен на высшую должность муниципальной службы категории «Б» – заместителем главы Администрации города по вопросам культуры, молодёжной политики спорта, в 1997 году – заместителем мэра города, начальником Департамента культуры, молодёжной политики и спорта, 2001 год – заместитель мэра города. В марте 2005 года – заместителем главы Администрации города Сургута.

Имеет награды: почётное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1991), медаль «Ветеран труда» (1990), Орден дружбы народов (1998), почётный знак Олимпийского комитета России «За заслуги в развитии Олимпийского движения в России» (2002), нагрудный знак Министерства образования Российской Федерации «Почётный работник сферы молодёжной политики» (2002), почётный знак Государственного комитета Российской Федерации по физической культуре, спорту и туризму «За заслуги в развитии физической культуры и спорта» (2002), благодарственные письма мэра города, губернатора Ханты-Мансийского автономного округа.

По жизни рядышком

Их семейный стаж составляет тридцать семь лет, трудовой – около восьмидесяти на двоих. Рука об руку идут супруги Пятигорец по жизни, и дома и на работе вместе. И он и она по профессии строители. Более тридцати лет уже строят они дороги на Тюменском Севере. Последние пятнадцать лет Владислав Алексеевич возглавляет строительную компанию «Дорремстрой», Любовь Ивановна является его «правой рукой». На нём – решение глобальных задач, она отвечает за финансы и кадры.

Они и встретились-то в строительном техникуме в Мелитополе, именно профессия связала их судьбы на всегда. Их знакомство окружено ореолом романтики. Владислав, отслуживший в рядах Советской армии, поступил на первый курс, и его, как и всех студентов, отправили в колхоз на сбор урожая – «на картошку», как в советские времена назывались традиционные сельхозработы.

Молодые люди собирали помидоры, рубили кочаны капусты, выкапывали морковь. Там, на поле, Владислав и заметил симпатичную девушку, а вечером пригласил её танцевать. После этого они уже не расставались. Память о той осени не стёрлась с годами, а чувства, зревшие под звуки гитары и дымок костра, получили новый окрас и стали ещё ярче, крепче.

Два года ухаживаний, узнавания друг друга совершенно естественно завершились свадьбой – тринадцатого января 1971 года. Это число, пугающее многих, стало для них счастливым. А жизнь уже готовила им первое испытание – расстоянием. После окончания училища Любу распределили в другой город. На свидания влюблённым приходилось ездить на автобусе, но эти двадцать километров, разделявшие их, не казались трудностью, долгим было ожидание. Через год, следом за Любой, окончил училище и Владислав.

В 1976 году они по комсомольской путёвке отправились на строительство железнодорожной магистрали

Тюмень-Сургут-Уренгой. Поезд мурено постукивал колёсами, неся молодую супружескую пару в неизведанную снежную даль. Им надо было сойти на станции Демьянка, но они не знали, когда она будет. Вот уже и Тобольск позади. И чуть-чуть не «проспали» остановку свою, — спасибо попутчику, старому кузнецу, родом из здешних мест, который в самый последний момент крикнул им: «Вам уже выходить!» Еле успели выскочить...

Глубокой ночью на одинокой пустынной станции комсомольцев встретил жестокий мороз, переваливший за тридцать градусов. С трудом отыскали строительно-монтажный поезд (СМП), среди ночи подняли своего будущего руководителя, главного инженера Валерия Трунова, который с сибирским радушием разместил гостей у себя дома.

Строительство железнодорожной магистрали велось огромной бригадой, условно называвшейся «СМП № 269». Молодой коллектив буквально источал энергию и силу. Работу делали не для галочки, а на совесть, из желания созидать что-то полезное, работать, строить. Коллектив СМП, славившийся своими трудовыми подвигами, насчитывал сотни человек; многие из них приехали туда на время и остались навсегда. К их числу относятся и Пятигорцы.

Железнодорожные пути, станции, детские сады, тепловые сети, водонапорные башни, жилые дома, очистные сооружения, промышленные сооружения, школы... Более чем за два десятка лет Пятигорцы построили множество объектов по всей Тюменской области (Демьянка, Ноябрьск, Сыvdарма, Пурпе, Коротчаево). И жить им приходилось по-разному: в вагонах-времянках, дощатых сараях. Никакие трудности не сломали их, только крепче становилась любовь, закалённая испытаниями.

Талант руководителя в Пятигорце заметили сразу, а потому и ставили на самые ответственные участки. В 1980 году он окончил Тюменский инженерно-строительный институт. В это же время уже начал застраи-

ваться Сургут. И Владислава Алексеевича перевели в трест «Сургуттрансстрой» исполняющим обязанности управляющего трестом. А в смутные перестроечные времена он основал своё предприятие – «Автодорремстрой», который потом стал просто «Дорремстроем». С тех пор он там бессменный генеральный директор, а Любовь Ивановна – директор по финансам и персоналу.

В Югре великое множество мелких поселений, большая часть из них труднодоступна, поэтому очень важно строительство дорог местного значения. На этой ниве и трудится ЗАО «Дорремстрой», и является одним из ведущих дорожно-строительных предприятий округа, которое не просто строит дороги, принося в отдалённые районы новую жизнь, вместе с сопутствующими сооружениями – мостами, водопропускными трубами, водоотводами, но и благоустраивает близлежащие населённые пункты. В числе выполненных строителями объектов – сеть автодорог в Сургутском и Нижневартовском районах, обустройство ряда национальных посёлков (Старый Аган Нижневартовского района, Сытомино, Высокий Мыс, Тундрино Сургутского района). Если все дороги, построенные ими, сложить вместе, получится автомагистраль около двухсот километров длиною!

Строить дороги на Севере – задача не из лёгких. Короткий строительный сезон, суровый климат, множество болот, ручейков, речек, озёр... Кроме физической выносливости и упорства здесь необходимы постоянное совершенствование технологий и глубокое знание дела. Одной из главных составляющих успеха «Дорремстроя» являются квалифицированные кадры – около сотни человек – профессионалы высокого уровня; со многими из них Пятигорцы знакомы ещё по СМП, где вместе, как говорится, не один пуд соли съели.

На совесть прокладывает команда Пятигорцев «артерии жизни» в захолустные и отдалённые деревеньки и сёла, где прежде была непролазная грязь. Автомобилисты говорят, что ездить по их дорогам – одно удовольствие – они лёгкие какие-то. Потому что каждую

плиту кладут с любовью, потому что душу вкладывают в свои дороги.

Труд Владислава Пятигорца отмечен различными наградами и званиями. Он – «Почётный строитель России», лауреат премии «Сокровищница Родины», а ещё – «Человек года-2005» в номинации «Экономика». И Любовь Ивановна от супруга не отстает. Почётная медаль и особый сувенир из малахита с позолотой в виде яичка хранятся у неё дома. Любовь Пятигорец – лауреат Национальной премии общественного признания достижений женщин России «Олимпия». Среди её «соратниц» – Галина Вишневская, Валентина Матвиенко, Алла Пугачёва и многие другие...

Когда я впервые встретилась с Любовью Ивановной, была крайне удивлена. Думала, увижу «железную» бизнес-леди, а передо мной оказалась мягкая, очень женственная и красивая, хоть и с налётом усталости на лице, просто женщина. Мать, бабушка, но никак не директор предприятия, в подчинении у которой, в основном, мужики, а здесь порой требуется жёсткая рука.

– Вы думаете, я слова такие не знаю?! – говорит Любовь Ивановна, и в глазах мелькает хитринка. – Я прошла такую школу! Мы приехали на Север – ни родных, ни знакомых... Когда я устроилась в СМП, там было две бригады штукатуров – все взрослые тётки за сорок пять, а я молоденькая пришла. Вот то было... Мужчины так не ругаются... С мужиками вообще работать легче. Конечно, к каждому подход нужно найти свой. Я стараюсь сотрудников, особенно молодёжь, поддерживать. И материально, и морально. Ведь работа тяжёлая. Сложнее всего переехать на новое, абсолютно голое место, создать бытовые условия, людей расселить. Это как дом строить...

– А с мужем всю жизнь рядом работать не трудно? – задаю я провокационный вопрос. – Согласитесь, не все супружеские пары могут находиться вместе двадцать четыре часа в сутки.

– Ой, не спрашивайте, – отмахивается Любовь Ивановна и улыбается. – Бывало, что и дома дебаты о ра-

боте устраивали. Но потом мы договорились все проблемы оставлять за порогом.

Владислав Алексеевич очень доволен супругой, которая всегда и во всём ему помощница, к тому же она профессионал, прекрасно знающий то дело, которому они посвятили их общую судьбу. На работе и дома они понимают друг друга с полуслова. Он гордится ею.

— Наш дом держится на Любушке, — признаётся Владислав Алексеевич. — Мы стараемся не оскорблять друг друга. Бывает, пошумишь, как без этого? А через пять минут уже забыли, смеёмся. Она целевой, требовательный человек. И добрый, не злопамятный.

И Любовь Ивановна всегда считала Владислава лучшим. И всегда готова была помочь ему в чём угодно, ехать за ним куда угодно... Она по жизни, как Бог дал, идёт с ним рядышком. И на работе решает самые практические вопросы: как избежать потерь, обойти все «подводные камни», как сделать, чтобы у людей сил и желания хватило на проект. Об этом женщинам привычнее думать. А дома она нежная супруга, добрая мать и хозяйка, каких поискать.

— Я замуж вышла в двадцать лет, — делится со мной Любовь Ивановна. — И не жалею. У нас такой удачный брак, всю жизнь вместе. Слава взрывной по характеру. Он — лев, а я — рыба. Я своей водой, наверное, гашу его энергию. Мы две половинки одного яблока.

Мир в семье будет тогда, когда все будут сыты, считает Любовь Ивановна. Потому что сама выросла в такой семье, где всегда очень вкусно готовили, и очень быстро это делали. В семье с традиционными, передающими из поколения в поколение представлениями о семейном укладе, где главная роль хранительницы очага отводилась женщине. Готовка, уборка дома, дети — всё это на женщине.

— Мне мама наказывала, что перво-наперво надо всех накормить. Сегодня многие молодые семьи расплачиваются, потому что девочки не приучены к тому, чтобы готовить, убирать. Только тогда будут наши российские семьи крепкими, когда вернутся те понятия, кото-

рые были на Руси испокон веков. Когда на столе будут щи да каша, в доме будет покой. Когда люди сыты, они не злые. В нашей семье готовлю всегда я. И стараюсь это быстро сделать. Собрались вечером или в обеденный перерыв пришли — мгновенно приготовила, перекусили — всё, они уже довольны. Любимое блюдо Славы (моё коронное) — картошка с мясом. Быстроенько поджариваешь кусочки мяса с луком, водичку добавляешь, потом туда картошечки... Что там готовить?! Для меня это всё легко.

В марте прошлого года не стало моего отца. Он был аккумулятором тех добрых отношений, которые нас всех связывали. В давние времена четверо братьев Ушаковых приехали в Запорожскую область из России. Все их дети, внуки, правнуки дружили между собой, крестили друг у друга детей. Господь, по-видимому, нас хранит. Во-первых, в роду нет пьющих, и все всегда жили зажиточно. Сегодня мои племянники практически все имеют высшее образование.

У Пятигорцев две дочки, обе живут в Москве. Ирина, старшая, окончила технический университет, а потом МГИМО, работает в департаменте по торгово-экономическим зонам. Катя учится на педиатра, она ещё в детстве «лечила» своих кукол и мечтала стать врачом. А не так давно у Пятигорцев родился внук, — тоже Владислав Алексеевич, — которым бабушка и дедушка очень гордятся: в восемь месяцев он уже разговаривает и книжки читает.

Гордится Владислав Пятигорец и своими трудовыми корнями: его вернувшийся с фронта отец был разнорабочим, мать — колхозница. У них в семье было пятеро ребятишек, и к труду родители их приучали с малых лет. В молодости Владислав целых четыре года работал у станка на заводе. Вообще за годы юности он научился многому, разные ремёсла освоил, которые до сих пор использует в быту. Всю работу по дому он старается делать своими руками, потому что физический труд доставляет ему удовольствие. Он и дачу свою почти целиком сам из кирпича сложил. На приусадебном участке они с женой занимаются «для души». У них

там – множество цветов, и сорок кустов картошки, которую выращивают лишь для того, чтобы осенью отведать своей, молодой.

Другим увлечением Владислава стало коллекционирование холодного оружия и книг. Жемчужина этой коллекции – отделанная позолотой, серебром и драгоценными камнями сабля, выполненная златоустовскими мастерами с оригинала, принадлежавшего известному русскому адмиралу XVIII века Фёдору Ушакову. Владислав Алексеевич такой подарок сделал жене, ведь род Любови Ивановны происходит от Ушаковых. А в большой библиотеке Пятигорца множество книг, среди которых он особо выделяет произведения Варлама Шаламова.

Любовь Ивановна, под стать мужу, коллекционер. Она собирает фарфоровые статуэтки ручной работы, некоторым из них более ста лет. А ещё она – рукодельница; практически всё в доме – и подушечки, и шторы, и накидки всякие – сделано её руками. И свой дом она обустроила с любовью. В их жилище имеются действующие камины, один из которых обложен малахитом. За окном – непогода, а здесь очаг... тепла, уюта, покоя...

Они очень много занимаются благотворительностью, – просящие, как правило, не остаются без ответа. «Дорремстрой» выделяет средства спортсменам и творческим коллективам, за что те благодарят их своими победами и дипломами, а также поддерживает материально ветеранов Великой Отечественной войны и участников трудового фронта. И, конечно же, определённые суммы тратят руководители предприятия на строительство и восстановление православных храмов. Святое, как говорится, дело. Любовь Ивановна верующий человек. То, что отдаёшь, потом возвращается сторицей детям, внукам и правнукам, считает она.

На уважении, любви и доверии строят свои отношения Пятигорцы, как внутри семьи, так и за её пределами. После них остаются на земле дороги, вокзалы, храмы... добрая память. И это для них очень важно. Но всё же семья – превыше всего.

Оглавление

<u>Женская фантазия</u>	3
<u>Среди людей</u>	7
<u>Мой знакомый аист</u>	14
<u>И дальше, дальше...</u>	18
<u>Поквитаемся!</u>	21
<u>Апельсиновый снегопад</u>	25
<u>Валентина</u>	42
<u>В аэропорту</u>	50
<u>В ожидании счастья</u>	61
<u>Замуж по расчёту</u>	62
<u>«Да, за счастье!»</u>	115
<u>По жизни рядышком</u>	142

Галина Петровна ЗЕЧ

Родилась на Алтае, в поселке с лирическим названием Многоозерное. Среднюю школу окончила в родном поселке. После окончания Барнаульского культпросветучилища работала в клубе села Большой Калтай. На досуге писала свои первые статьи в районную газету. Здесь же был опубликован её первый рассказ.

Потом был Алтайский государственный институт культуры (отделение «Режиссура театра»). Студенткой вышла замуж, родила дочку, жили в общежитии.

Когда Галина училась на последнем курсе института, ее муж переехал в Сургут. Вскоре она уже проходила преддипломную практику в сургутском доме культуры «Строитель». После окончании института работала в сургутском ДК «Нефтяник», затем в ДК железнодорожников.

Неожиданно для самой себя стала журналистом и скоро уже двадцать лет работает в районной газете «Вестник».

Писать рассказы Галина начала ещё в юности. После рождения второй дочери пришло новое творческое вдохновение. В Сургуте Галина посещала литературное объединение «Северный огонёк». Рассказы Галины публиковались в разные годы в газетах «Нефть Приобья» и «Вестник», в журнале «Югра».

**Галина Веч
АПЕЛЬСИНОВЫЙ СНЕГОПАД
Рассказы, повесть**

Формат 62x84/16 Объем 9³/8 п.л. Гарнитура «Bookman Old Style»
Сдано в печать 24.09.2010 г. Тираж 500 экз. Заказ № И-10-14

**Издательско-печатный дом «Дефис»
628403, Россия, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Сургут, ул. 30 лет Победы, 28-217
Тел. 8-9224-013-124**

Лицензия на издательскую деятельность № ЛР 066050 от 10.08.98 г.

Леди
Салон красоты